

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ГАДЖИЕВА
Дадаба Алисултановна

**КАТЕГОРИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ
В КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.2: Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Авакьян С.А.

Москва - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1 Общая характеристика коллективных основных прав и свобод граждан в теории конституционализма	13
1.1 Эволюция понятийного ряда и нормативного закрепления прав и свобод личности	13
1.2. Появление категорий «коллектив» и «коллективные права» в процессе общественно-политического развития и реализации прав и свобод личности.....	33
1.3. Коллективные субъекты конституционного права	53
Глава 2 Современные проблемы реализации коллективных основных прав и свобод граждан.....	100
2.1 Индивидуальные и коллективные права в системе прав человека	100
2.2. Индивидуально реализуемые основные права и свободы как самостоятельный предмет осуществления и закрепления.....	130
2.3 Коллективные формы реализации прав и свобод человека....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	164
БИБЛИОГРАФИЯ.....	168

Введение

Актуальность темы исследования. Институт прав и свобод человека является одним из ключевых институтов конституционного права, что обуславливает особую значимость его теоретического обоснования, всестороннего исследования подходов к их обеспечению и защите. В теории конституционного права проблемам закрепления, охраны, защиты и обеспечения прав и свобод человека уделяется большое внимание, однако механизмы их реализации и обеспечения далеки от идеала.

Существует немалое количество правозащитных организаций, осуществляющих свою деятельность на внушительном массиве международных актов, регламентирующих различные права, принадлежащие как отдельным личностям, так и их объединениям. Только при ООН действуют различные комитеты и комиссии, призванные обеспечить права человека как на национальном, так и на международном уровне. Неправительственные международные организации и общественные объединения также активно участвуют в борьбе с умалением общепризнанных прав и свобод человека.

На современном этапе проблема прав и свобод личности является одной из наиболее актуальных и злободневных. Качество и эффективность системы охраны и защиты прав и свобод человека зависят не только от усилий, предпринимаемых правозащитными организациями, но и от того, насколько общество и государство развиты в политическом, материальном, духовном, культурном, социально-экономическом отношениях, насколько органы публичной власти тех или иных государств ответственно подходят к разрешению проблем в рассматриваемой сфере.

Права и свободы человека находятся в фокусе внимания научной и политической жизни государств, однако, несмотря на все внимание, уделяемое этой сфере различными общественно-политическими институтами, большое количество проблем остается неразрешенным. Исторические и политические

события в разных точках планеты способствуют тому, что уровень обеспеченности и гарантированности реализации прав человека резко снижается, что не может не влиять на права человека на внутригосударственном и международно-правовом уровнях.

Несмотря на то, что о проблемах прав и свобод человека написано много, есть немало аспектов, к тому же очень актуальных для практики, которые не получили должного освещения в науке конституционного права. Одним из наиболее крупных «белых пятен» в науке остается вопрос о коллективных формах реализации и защиты прав и свобод граждан. Те малочисленные исследования, что были изданы в последние годы, не отличаются системностью и всесторонностью, поскольку затрагивают лишь отдельные проблем коллективных прав и свобод личности. Кроме того, порой коллективные права и коллективные формы реализации прав и свобод рассматриваются отдельными теоретиками как пережиток советского прошлого, в связи с чем они оцениваются как потенциальная угроза личности и идее индивидуальных прав в целом.

Распространенность, а зачастую и доминирование, антропоцентрического подхода в отечественном, зарубежном и международном праве вызывает опасения, поскольку нередко конфликты между индивидуальными и коллективными интересами. Кроме того, общности, именуемые коллективами и претендующие на особенный объем прав, отличный от индивидуальных, обладают коллективной идентичностью, а не индивидуальным самосознанием или их совокупностью. На наш взгляд, это является достаточной причиной для того, чтобы считать регламентацию на законодательном уровне коллективных прав как средство предупреждения не только политической нестабильности, конфликтов и социальной напряженности, но также и как содействие, способствование осуществлению индивидуальных прав.

К сожалению, не только вопросы законодательного закрепления коллективных прав в Российской Федерации не получили теоретического и

практического осмысления. Пожалуй, еще более существенным обстоятельством является то, что в науке и теории конституционного права нет единого подхода к понятию коллективных прав (в том числе их перечня), определению их субъекта, отличительных черт – и именно это является первоосновой отсутствия в Российской Федерации их должного нормативного закрепления. Особая значимость проблемы обеспечения реализации и защиты коллективных прав, отсутствие адекватного законодательного регулирования, бессистемность и фрагментарность, недостаточность теоретической разработанности соответствующего круга проблем обусловили актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Следует отметить, что коллективные права в конституционном праве Российской Федерации изучаются как часть общей теории прав человека, зачастую как некий особенный порядок реализации индивидуальных прав, осложненных и сопровождаемых коллективным элементом. Ряд авторов, вместе с тем, затрагивает проблему коллективных прав в своих работах, отмечая самобытность и исключительность рассматриваемого института: Н.В. Варламова, Н.С. Катько, М.Б. Напсо, М.Д. Смыслов, В.А. Федосенко. Важно отметить, что некоторые аспекты теории коллективных прав затрагивались в дореволюционный и советский период такими авторами, как С.С. Алексеев, Н.М. Коркунов, О.Е. Кутафин, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянц, В.Е. Чиркин и др.

Некоторые аспекты отдельных прав, относимых к категории коллективных, изучались такими учеными, как: С.А. Авакьян, Л.В. Андриченко, М.И. Васильева, Е.А. Лукашева, Т.Я. Хабриева. Взгляды ученых на проблему коллективных прав разнятся: часть ученых поддерживает рассматриваемую идею, указывая на важность и необходимость их осмысления и нормативного закрепления, однако есть теоретики права, отрицающие коллективные права вовсе. В частности, А.О. Абрамова, Н.В. Варламова, Е.Р. Зайцева, Т.И. Мирская, Е. В. Пономарева, Е.В. Регеда, А.

Юров, Г. Ш. Чернова рассматривают коллективные права с различных позиций (как особый вид прав, не сводимый к индивидуальным правам, как права так называемого «третьего поколения прав человека», а также обособленной категории прав). Скептически к идее институционального закрепления относятся А.Г. Осипов, С.В. Соколовский, В.А. Тишков, В.Р. Филиппов, М.А. Южанин.

Особое внимание в теории конституционного права уделяется взаимодействию коллективных и индивидуальных прав. В этом ключе данную проблему рассматривали М.Г. Арутюнов, К. В. Калинина, А. Е. Козлов, Ю. А. Решетов, С. В. Чешко. О потенциальной опасности коллективных прав для индивидуалистической теории прав человека высказывались А.Г. Осипов, Н.С. Катько, Э.Т. Майборода, В.Р. Филиппов. Авторы придерживаются позиции, согласно которой только при слаженном взаимодействии индивидуальных и коллективных прав можно говорить о полноценной и исправно функционирующей системе прав личности.

Зарубежная теория коллективных прав отличается большей проработанностью с позиций международного права, философии и социологии права. В разное время вопросами теоретического и практического осмысления коллективных прав занимались такие видные политические и правовые философы, как Р. Дворкин, М.А. Йованович, У. Кимлика, Ч. Тейлор и др.

Объектом исследования являются сущностные, в том числе дискуссионные вопросы коллективных и индивидуальных прав человека в их взаимоотношениях, также как и общественные отношения, складывающиеся в связи с закреплением института коллективных прав в конституционных нормах, развитием конституционных положений нормами других отраслей права, а также в международных нормах, закрепляющих основы регулирования коллективных прав личности, их охраны и защиты.

Предметом исследования являются конституционно-правовые, иные отраслевые и международно-правовые нормы, формирующие коллективные

права и свободы, научные исследования по правовой природе, содержанию, особенностям коллективных прав личности, а также проблемам их закрепления, реализации и защиты.

Цели и задачи исследования. Основной целью явилось комплексное и многоаспектное теоретико-правовое исследование сущности, современной конституционно-правовой концепции содержания и проблем правового регулирования коллективных прав и свобод в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследование развития института коллективных прав в международной и отечественной практике;
- характеристика сущностных особенностей института коллективных прав и свобод;
- анализ круга субъектов коллективных прав в современном российском конституционном праве;
- разработка рекомендаций по совершенствованию законодательной регламентации статуса субъектов коллективных прав в Российской Федерации;
- исследование современного состояния конституционно-правового регулирования коллективных прав и свобод в России, а также тенденций развития регламентации данной сферы в отраслевом законодательстве страны в условиях цифровизации.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных: диссертационные исследования и авторефераты, монографии, научные статьи, учебная и учебно-методическая литература по общим теоретико-правовым и конституционно-правовым вопросам гражданского общества и организации публичной власти, проблемам реализации, охраны и защиты прав и свобод личности, конституционно-правового статуса человека и гражданина, а также затрагивающая смежные с изучаемым вопросом литература по социологии и философии права.

Данное исследование опирается как на индивидуалистические, так и на социалистические и коммуитаристские идеи и концепции, в том числе идеи справедливости в части соотношения интересов индивида и общества при распределении благ, а также общей воли, обогащающих и дополняющих современную конституционно-правовую теорию.

Методологической основой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы. К общенаучным методам, использованным при проведении исследования, относятся: всеобщий диалектический метод, дедукция и индукция, анализ и синтез, системный метод исследования, метод обобщения и систематизации. При написании отдельных глав использовались такие частнонаучные методы, как сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический и т.д. Так, историко-правовой метод позволил исследовать вопрос о развитии концепции коллективных прав, а также изучить ее соотношение с индивидуалистическими идеями. Сравнительно-правовой метод использовался при анализе подходов, выработанных в теории конституционного права зарубежных стран.

Нормативной правовой базой исследования являются Конституция Российской Федерации и конституции зарубежных государств; общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации; федеральные законы, а также принятые в их исполнение положения федеральных подзаконных нормативных правовых актов, законодательных актов субъектов Российской Федерации; также исследовалось законодательство отдельных зарубежных стран.

Научная новизна исследования

Положения, выносимые на защиту:

1. *Коллективные права личности следует определять как права, принадлежащие признанной государством общности, которая реализует их для защиты интересов самой общности и состоящих в ней индивидов, характеризующиеся обязательностью совместных действий для их реализации и их социальной значимостью. Коллективные права не являются*

суммой индивидуальных прав лиц, входящих в коллектив. Автором обосновывается необходимость закрепления именно термина «коллективные права личности», поскольку этим подчеркивается неразрывная связь между интересами общности и каждого из индивидов, входящих в ее число, а также тех лиц, которые не являются ее частью. Закрепление коллективных прав личности не может ни нарушать индивидуалистической концепции прав личности, ни противоречить существованию либеральной теории прав, ни каким-либо образом противопоставляться ей.

2. Целью существования коллектива как субъекта коллективных прав является обеспечение определенных потребностей (интересов) входящих в него лиц, причем детерминирующей особенностью данных потребностей (интересов) будет обязательность их достижения только и исключительно совместными усилиями лиц, входящих в состав данной общности, т.е. невозможность их реализации иными путями. Социальный аспект играет немаловажную роль – человек стремится реализовывать свои потребности в коллективе именно под влиянием присущего ему стремления к объединению с себе подобными.

3. Коллективные права отличаются комплексным характером. Права коллективов могут реализовываться *разными способами: индивидуально каждым членом данного коллектива – при персоналистском выявлении его позиции посредством как поименного, так и тайного голосования; путем обобщенного выявления мнения посредством таких институтов непосредственной демократии, как собрания, митинги, коллективные (всенародные) обсуждения, письменные обращения, референдумы и т.п.* Таким образом, коллективность прав связывается как с *формой (способом)* их реализации, так и с *результатом*. Оба фактора имеют *определяющее значение* и весьма важны для идентификации как самих коллективов, так и для лиц, входящих в их состав, а также для выбора путей осуществления прав. Кроме того, данные аспекты являются определяющими и для самой идеи коллективных прав, поскольку далеко не каждый коллектив, объединение

людей могут обладать коллективными правами и, соответственно, их реализовывать. Определяющее значение для отнесения права к коллективным следует связывать как с его *сущностью*, так и с *целью* осуществления.

4. Коллектив как претендующий субъект таких прав должен быть цельной (то есть однородной) общностью, существующей постоянно, а членство в таких образованиях – социологическим (формирование коллектива может происходить и без вмешательства государства, но для реализации и защиты прав необходимо признание государства). Индивиды являются членами коллектива исключительно на добровольной основе, и немаловажную роль в данном обстоятельстве играет вопрос его самоидентификации. Самоидентификация также играет важную роль при разрешении вопроса о том, относятся ли юридические лица к субъектам коллективных прав. Лицо должно осознавать, что оно является членом коллектива, что, реализуя то или иное право, действует не только в своих интересах, но также принимает участие в жизни данного коллектива, возможно, в рождении судьбоносных для него решений. Предписание государства не имеет здесь решающее значение – признание лица членом коллектива является социальным фактом. Для коллектива нет регламентированных процедур приема и выхода, нет членских взносов и прочих материальных идентификаторов, в силу чего они возникают независимо от государства (что не отменяет того, что зачастую для получения определенного набора прав коллективу все же необходимо признание государством его правосубъектности).

5. Реализация индивидуальных прав человека направлена на обеспечение защиты прав и законных интересов отдельно взятой личности, а реализация коллективных прав человека направлена на обеспечение защиты прав и интересов некой общности, в качестве которой может выступать как группа лиц, формирующих юридически значимую коллективную волю, так и устойчивая общность. Реализация коллективных прав человека может включать в себя учет потребностей и интересов группы в целом и может

потребовать уравнивания конкурирующих интересов внутри группы, а также способствовать и реализации индивидуальных прав личности.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическое исследование содержания коллективных прав, в том числе с применением социологических, международно-правовых и философских подходов, способствует всестороннему и всеобъемлющему осмыслению данного института в теории конституционного права. Выводы и подходы, разработанные в данном исследовании, относительно концепции коллективных прав личности, могут быть использованы не только при исследовании проблемных вопросов науки конституционного права, но также смежных отраслях правового знания, а также способствовать дальнейшим исследованиям проблем взаимоотношения личности, общества и государства. Немаловажную роль при этом может сыграть отдельно изучаемый вопрос о взаимоотношениях коллектива и личности при реализации прав и учет их интересов при возникновении спорных ситуаций.

Практическая значимость исследования.

Систематизированный теоретический и эмпирический материал исследования, сформулированные выводы и предложения могут быть применены в правотворческой и правоприменительной деятельности законодательных и исполнительных органов власти. Выводы данного исследования могут быть использованы в целях совершенствования конституционно-правового регулирования общественных отношений, связанных с институционализацией, реализацией, охраной и защитой коллективных прав и свобод личности.

Выводы, сделанные в исследовании, могут быть использованы при подготовке и реализации учебных программ, учебно-методических материалах по теории права, конституционного права, а также в рамках специализированных курсов, в которых исследуются права личности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования определяется тем, что оно проведено автором единолично, самостоятельно, с использованием анализа нормативных правовых актов и достижений российской и зарубежной юридической науки, а также других наук, занимающихся изучением концепции коллективных прав личности и общностей людей.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сформулированные автором научные положения и выводы использовались при проведении практических занятий для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по дисциплинам «Конституционное право (общая часть)», «Конституционное право Российской Федерации», «Конституционное право зарубежных стран» в Юридическом институте Дагестанского государственного университета. Основные положения диссертационного исследования изложены в 4 научных публикациях автора, которые опубликованы в журналах, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ.051.4 по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Структура диссертационного исследования обусловлена его предметом, поставленными целью и задачами и представлена в виде введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Общая характеристика коллективных основных прав и свобод граждан в теории конституционализма

1.1. Эволюция понятийного ряда и нормативного закрепления прав и свобод личности

Права человека представляют собой результат эволюционного процесса культурно-правового развития общества на протяжении определенных исторических этапов. В условиях активного функционирования демократических институтов и укрепляющихся социальных связей, может показаться, что такие права всегда существовали в той или иной форме. Вероятнее всего, они сохраняют свое место в правовой системе, хотя и могут претерпеть изменения в содержании. Однако их основополагающая роль в обеспечении законных интересов, охране жизни и здоровья, а также в создании условий для свободного существования граждан в рамках правового порядка, останется неизменной. Тем не менее, очевидно, что институт прав человека в равной степени укоренился не повсеместно, поскольку культурный и исторический фон развития некоторых государств и обществ колоссально разнится, и маловероятно, что это изменится в ближайшем будущем¹.

Являясь социальным существом, человек полноценно может развиваться только в обществе. Существование любого общества характеризуется наличием в нем индивидуального и коллективного элементов: индивиды, объединяясь произвольно или целенаправленно, образуют общности, группы и т.д. Даже наличие закрепленных за каждым индивидом определенного набора прав не исключает ситуации необходимости совместной их реализации: в таком случае индивиды действуют совместно с

¹Дубровский Д.В. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г. СПб., 2005. С. 20.

другими индивидами в целях реализации своих законных интересов¹. Исходя из данной позиции, сформировались две группы прав: индивидуальные права, принадлежащие и осуществляемые отдельными индивидами, а также коллективные права – сообществ, коллективов, права, принадлежащие индивидам, которые они могут реализовывать только совместно.

Процесс формирования института прав человека и его правовое закрепление растянулись на многие века, отличаясь медленным темпом и неоднородностью в зависимости от региона. Лишь в последние столетия наблюдается активное развитие правовых механизмов и законодательства, направленных на защиту прав человека, что можно рассматривать как характерную черту современной эпохи.

Права человека возникли не только из-за потребности человека в самовыражении и самореализации, но также в качестве некоего механизма защиты от власти государства. Д. Дубровский считает, что в древности права, относящиеся к индивидууму, имели коллективное измерение: их реализация для групп, на которые распространялись те права, которые мы понимаем сегодня как права человека, была возможна только потому, что тот или иной человек принадлежал к определенной группе. В античности права человека распространялись только на лично свободных, в средневековье – только на привилегированные сословия, а в Новое время – на граждан тех или иных государств. Это время может быть названо «временем прав привилегированного человека»².

По мнению Бенджамина Штрауманна, заложенная Гуго Гроцием естественно-правовая традиция, основанная на рецепции римского права, в сочетании с республиканской институциональной традицией привела к

¹ Зайцева Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод граждан. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993; Права человека / Ответ. ред. Е.А. Лукашева. М., 2001; Чиркин В.Е. Индивидуальные права, коллективные права и права, осуществляемые коллективно // Гражданин и право. 2011. № 3. С. 3-14.

² Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г. СПб., 2005. С. 22.

установлению идеи конституционализма и к тому, что некоторые римские средства правовой защиты стали использоваться как конституционные права¹.

Таким образом, современные дискуссии о сущности и содержании прав человека в период до Нового времени касаются не столько содержания и практики законодательных установлений, сколько общественно-политической мысли различных эпох в ряде государств. Разумеется, современное понимание прав человека нисколько не может совпадать и не совпадает с пониманием субъективных прав, предоставляемых законом, в разные временные периоды истории. Тем не менее, такие дискуссии позволяют выявить степень признания за индивидом и коллективными субъектами прав человека.

В Новое время развитие концепции прав человека проходило под влиянием развития демократии. В результате возникновение системы охраны и защиты частной собственности и антропоцентричная европейская теология и философия привели к примату индивидуализма в Европе.

В начале современной эры права человека начали проявляться не только в теоретических или философских дебатах. Конкретные меры государственной защиты стали реализовываться постепенно. Одна из первых наиболее заметных попыток защиты прав граждан в Европе восходит к 1215 г., когда в Великобритании была принята Великая хартия вольностей². Этот документ установил ограничения, которые корона имела над гражданским населением. Он был расширен Петицией о праве 1628 г. Билль о правах 1689 г. так и не был принят, но он подтвердил направление закона в отношении расширения гражданских свобод в рамках английской конституционной системы.

¹ Straumann B. Is Modern Liberty Ancient? Roman Remedies and Natural Rights in Hugo Grotius's Early Works on Natural Law // Law and History Review. 2009. Vol. 27. № 1. P. 60

² Великая хартия вольностей (1215 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

Не только в Западной, но и в Восточной Европе происходило постепенное развитие прав человека. Так, в начале пятнадцатого века Польша предоставила «Хабеас корпус» дворянству раньше, чем любая другая европейская страна, чем значительно расширила объем прав представителей данного сословия. В мае 1791 г. в Польше была принята первая письменная конституция со всеобъемлющим Биллем о правах¹. Французская декларация прав человека и гражданина, принятая 27 августа 1789 г., не только гарантировала реализацию индивидуальных негативных прав, но также упоминала и некоторые положительные права. Данное обстоятельство было несколько необычно для Западной Европы, поскольку в центре внимания прав человека на тот момент была свобода личности от государственного вмешательства. В большинстве западноевропейских и американских правовых систем отдельные лица могли требовать защиты от вмешательства или посягательства государства на их свободу. Позитивные права, с другой стороны, предполагали, что люди могли требовать от государства активных действий по обеспечению защиты отдельных лиц и их объединений, образовывавшихся при реализации некоторых прав.

В девятнадцатом веке преобладала ориентация на индивидуальные права личности. С одной стороны, государственное вмешательство в частную сферу постепенно ограничивалось, обеспечивая защиту личности от чрезмерного влияния государства. С другой стороны, государство не предоставляло конкретных гарантий поддержки или защиты для некоторых категорий индивидов или групп. В итоге юридическая защита от посягательств со стороны государства во многом зависела от лояльности к самому государству, а сама правовая система часто оставалась самым надежным инструментом для обеспечения такой защиты.

Говоря о международных правилах, касающихся защиты коллективных субъектов, можно сказать, что первые из них, хотя и весьма ограниченные,

¹ Зяблова Т.В. Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 184.

датируются 1555 годом, когда Аугсбургский мирный договор установил защиту религиозного меньшинства (лютеранство было признано официальной религией, а имперские сословия приобрели свободу вероисповедания). Позже, в Вестфальском договоре 1648 года кальвинизм был признан третьей религией в Священной Римской империи, а за протестантами закреплялся ряд прав, в том числе коллективного характера. Кардинальные права в Польше, установленные Россией в 1767 и 1775 гг., гарантировали права диссидентов (христиан, не являвшихся католиками)¹. Венский договор 1815 года дал религиозным меньшинствам свободу вероисповедания и определенные гражданские права. Берлинский мирный договор 1878 года урегулировал вопрос меньшинств после русско-турецкой войны. Он гарантировал, что «различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо, или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел в какой бы то местности ни было. Всем болгарским уроженцам, а равно и иностранцам обеспечиваются свобода и внешнее отправление всякого богослужения; не могут быть также делаемы какие-либо стеснения в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами»². Кроме того, устанавливались гарантии защиты национального меньшинства: «Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением»³.

¹ Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 403-404.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., Гос.изд-во полит.литературы, 1952. С. 205.

³ Там же. С. 206.

До начала XX века юридический приоритет отдавался индивидуальным правам, что способствовало утверждению представления о личности как основном субъекте прав и свобод. Однако с усилением идей национального самосознания и нациостроительства в политическую практику стали внедряться концепции, основанные на превосходстве одной этнической группы над другой. Такие идеи, пропагандировавшие расовую исключительность и деление на "избранные" и "исключенные" группы, постепенно получили воплощение в государственной политике. На практике это вылилось в законодательные и политические меры, направленные на привилегирование одних групп и систематическую дискриминацию других, что привело к массовым трагедиям — от армянского геноцида до Холокоста. Данный исторический опыт показывает, что отсутствие должного равновесия между индивидуальными правами и механизмами защиты прав групп неизбежно ведет к подрыву гуманистических основ правового государства¹.

Впервые концепция защиты объединений лиц зародилась в Лиге Наций после Первой мировой войны. Первая международная гарантия прав человека, направленная непосредственно на защиту прав меньшинств, появилась в результате Парижской мирной конференции. Членство в Лиге Наций позволяло бы предоставить права социальным общностям тех государств, которые бы вошли в состав организации. Предусматривались особые принципы, применявшиеся в отношении народов, вышедших из-под суверенитета государств, управлявших ими ранее, поскольку они нуждались в особом руководстве на пути приобретения самостоятельности в руководстве и управлении (ст. 22 Устава Лиги Наций). При согласии какой-нибудь из «передовых наций», благодаря наличию у нее «своих ресурсов, опыта или географического положения», ей доверялась опека над одним из вышеуказанных народов. Запрещались такие злоупотребления, как

¹ Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г. СПб., 2005. С. 23.

работоторговля, торговля оружием и алкоголем, устанавливались гарантии свободы совести и религий, не ограниченной ничем, кроме как необходимостью поддержания общественного порядка и добрых нравов; кроме того, на территориях, населенных такими народами, следовало обеспечить свободу торговли и предпринимательства. Запрещалось также обучать военному делу коренные народы (если целью такого обучения не являлась полицейская служба или защита территории), укреплять и строить военные или морские базы (ст. 22 Устава Лиги Наций).

Лига Наций потребовала, чтобы все вновь образованные национальные государства подписали гарантии прав меньшинств. Существовали механизмы, разработанные для того, чтобы одна страна могла подавать прошение о неприемлемом обращении другой страны с их меньшинством. Совет Лиги Наций был уполномочен рассматривать и принимать соответствующие меры по заявлениям о нарушениях, поданным любым членом Совета. С 1920 г. стал действовать механизм подачи петиций индивидуально или в группе от имени национального меньшинства¹.

К сожалению, подобная петиционная система не была успешной². Система распространялась лишь на ограниченное число государств³; процедуры расследования и сбора информации о нарушениях положений договора о меньшинствах, указанных в петициях, носили несовершенный характер и зачастую не были объективными, а исполнение решения Совета Лиги целиком зависело от желаний заинтересованного правительства, так как

¹ Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: Права человека, 1996. С. 45.

² Capotorti F. Study on the rights of persons, belonging to ethnic, religious and linguistic minorities // Human Rights 1991. № 5. P. 26; Chaszar E. The International problem of national minorities. Matthias Corvinus Publishing. Toronto — Buffalo, 1999. P. 60.

³ Нугаева Н.Г., Овчиникова Ю.С. Соблюдение прав национальных меньшинств: система гарантий в Статуте Лиги Наций // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, книга 2. С. 134.

Лига Наций не располагала средствами принуждения и после вынесения решения уже не интересовалась, будет ли оно выполнено ¹.

Следует отметить, что послевоенная система защиты прав меньшинств имела выраженную одностороннюю направленность. Отсутствие в Уставе Лиги Наций положений о национальном равноправии и свободе вероисповедания свидетельствовало о нежелании ведущих мировых держав обеспечивать универсальное признание этих принципов. В результате такие права оставались лишь частично защищёнными, что создавало условия для неоднородности правового положения национальных и религиозных меньшинств. Это отражает ограниченность международных механизмов того времени, когда права групп и отдельных общин часто ставились в зависимость от политической воли и стратегических интересов крупнейших государств. Опыт Лиги Наций наглядно демонстрирует, что для эффективной защиты прав меньшинств требуется не только формальная поддержка, но и реальная готовность международного сообщества признавать и обеспечивать такие права.

Соглашения Лиги Наций не рассматривали меньшинство, коллектив людей одной национальности, языка, религии, как субъект, а были направлены на конкретных индивидов какой-либо определенной национальности. Таким образом, целью защиты, согласно соглашениям, был не коллективный субъект, его права и интересы, а отдельно взятый индивид, его права и интересы, связанные с его особым национальным происхождением, языком или религией, отличными от большинства населения государства². Указанное обстоятельство изначально сужало объем прав и интересов меньшинств, подлежащих защите, так как является очевидным, что группа, коллектив, в отличие от индивида, может претендовать на фактическое и юридическое равенство с остальными гражданами государства, на ограждение

¹ Ильяшевич М.В., Белоусова А.А. Международно-правовая защита национальных меньшинств и Лига Наций // Закон и право. 2018. № 11. С. 122.

² Кечекьян С. Ф. Международно-правовая защита национальных меньшинств. Баку, 1929. С. 40.

национальных интересов во всех областях жизни. Создав прецедент для будущих попыток международной защиты прав человека или групп меньшинств, Лига Наций фактически основывала свою деятельность только на «индивидуальных правах меньшинств»¹. В силу этих соглашений миллионы людей, составлявших национальные меньшинства, получали лишь элементарные права, которые ничего общего не имели с их специфическими национальными интересами. Только некоторые соглашения о меньшинствах отчасти касались политических прав (в основном это избирательное право) и обходили проблему автономии для меньшинств (за исключением чехословацкого договора, предусматривающего автономию для русин)².

Общей чертой этих договоров было то, что орган, отвечавший за надзор за их исполнением, был расположен за пределами соответствующего государства, и что лица, принадлежавшие к меньшинствам, не имели доступа к этому органу³. Только сами государства могли подать петицию против другого государства за нарушение прав уязвимых групп, и этого механизма оказалось недостаточно, поскольку большинство стран отказывались рисковать дипломатическими связями из-за внутренних проблем другого государства, от которых им нечего было выиграть.

Система защиты прав меньшинств, установленная в рамках Лиги Наций, несмотря на свои недостатки, внесла значимый вклад, поскольку признала необходимость в особой защите прав уязвимых сообществ. Эта система стала важным шагом на пути к международному признанию прав коллективов и сообществ, однако оставалась несовершенной. В то же время слабая организация и недостаток адаптации к культурным и историческим реалиям в управлении подмандатными территориями нередко приводили к грубым

¹ Baka, Andras B. "The European Convention on Human Rights and the Protection of Minorities Under International Law". Connecticut Journal of International Law 8 (Spring 1993). P. 230.

² Катько Н.С. Международная защита прав национальных меньшинств: исторический аспект // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 2. С. 10.

³ Stone, Julius. Regional Guarantees of Minority Rights. New York: MacMillan Co., 1993. ix.

нарушениям прав человека. Такая практика выявила уязвимость формального подхода, который, игнорируя специфику регионов, мог порождать новые конфликты и усугублять социальное напряжение. Опыт Лиги Наций показывает, что без учета исторических и культурных особенностей защита прав меньшинств рискует остаться декларативной и недостаточно действенной.

После Второй мировой войны международное сообщество пришло к выводу, что система защиты прав меньшинств, разработанная Лигой Наций, была слишком ограниченной и нуждалась в пересмотре. В новых международно-правовых документах было подчеркнуто, что государства должны не просто воздерживаться от вмешательства в коллективные права, но и брать на себя активные обязательства по их защите. Послевоенная ситуация создала условия для утверждения универсальной концепции прав человека, в которой центральное место занял индивидуалистический подход. Предполагалось, что принципы недискриминации и равенства посредством защиты прав личности станут более действенным средством защиты уязвимых групп и меньшинств. Особые или позитивные права, в частности права, которые должны были быть предоставлены группам, рассматривались как возможные меры, способствующие разделению и потенциально провоцирующими конфликты между личностью и обществом¹.

Переход от положений Лиги Наций к строго индивидуалистическому подходу мало что изменил на практике, поскольку международное сообщество изначально не проявляло стремления к обеспечению соблюдения положений Устава Лиги Наций или отдельных соглашений, принятых под ее эгидой. Две мировые войны инициировали новый интерес к вопросам защиты прав как отдельных лиц, так и меньшинств, однако возможности вмешательства в политику суверенных государств оставались крайне ограниченными. Несмотря на то, что Лига Наций разработала конкретные меры по защите прав меньшинств, их реализация оставалась лишь декларацией, так как

¹ Symonides, Janusz. "A Protective Framework." UNESCO Courier, June 1993, 44.

отсутствовали действенные механизмы, способные обеспечить их соблюдение. Этот опыт показал, что одних правовых норм недостаточно для защиты прав меньшинств — необходимы реальные рычаги и инструменты, позволяющие международному сообществу контролировать их соблюдение, иначе права меньшинств рискуют остаться формальными и неэффективными.

Коллективистский подход к правам человека впервые получил свое нормативное выражение в классовой концепции, закреплённой в советских и других социалистических конституциях. В этом подходе индивидуум рассматривался не как самостоятельная единица, а как часть определенного социального класса — трудящихся или эксплуататоров. В основе марксистско-ленинской идеологии лежала идея приоритета общественных и государственных интересов над интересами отдельной личности, что закрепляло верховенство прав коллектива над индивидуальными правами. Такой подход отражал стремление к созданию модели, в которой общественные интересы определяли не только рамки индивидуальных свобод, но и саму природу прав личности, подчиняя их целям государства и общества в целом. Как отмечает В.Е. Чиркин, разработка проблемы коллективных прав, начатая в странах тоталитарного социализма еще в 20-х гг. двадцатого века, в демократической традиции конституционного права не получила развития именно из-за своей тоталитарной направленности. Лишь после Второй мировой войны в западных конституциях стали появляться положения о «правах трудящихся» (Италия, Испания и др.), а затем и положения о некоторых других правах коллективов¹.

После Второй мировой войны не было создано конкретной всеобъемлющей системы защиты общностей ни в каких договорах или международных организациях. Тем не менее, права человека в целом расширяются ускоренными темпами. К этому времени стало ясно, что международное сообщество считает, что основные права человека, включая

¹ Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 10.

общие гарантии меньшинств, не являются вопросом исключительно внутреннего права этих отдельных государств¹. В 1941 году Президент США Рузвельт призвал к «созданию мира, базирующегося на индивидуальных и коллективных свободах...», в которых права человека должны находиться в контексте экономической и социальной безопасности в целях обеспечения политической гарантии². Эта философия была отражена лишь несколько лет спустя в преамбулах Всеобщей декларации прав человека и Международных пактов о правах человека.

Сразу после Второй мировой войны принцип недопустимости дискриминации был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в последующих протоколах, принятых этой организацией. Различным социальным и этническим группам предоставлялись равные права, без каких-либо исключительных привилегий для отдельных категорий. Несмотря на то, что концепция прав человека значительно расширилась, фактические меры по устранению нарушений принимались редко. Хотя вопросы прав человека получили международное признание и вызвали значительную озабоченность, большинство государств проявляли сдержанность в отношении конкретных действий по обеспечению и реализации как индивидуальных, так и коллективных прав. Этот период показал, что, несмотря на провозглашение равноправия, эффективное внедрение правозащитных механизмов оставалось ограниченным и во многом зависело от политической воли отдельных стран.

Статья I Устава ООН гласит, что одной из ее целей является «осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам

¹ Baka, Andras B. "The European Convention on Human Rights and the Protection of Minorities Under International Law". Connecticut Journal of International Law 8 (Spring 1993). P. 228.

² Рузвельт Ф. Четыре свободы. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/fdrthefourfreedoms.htm>

человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»¹. Также в 1946 г. была учреждена Комиссия по правам человека (упраздненная в 2006 г. в связи с созданием Совета по правам человека ООН), вскоре после Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 г. единогласно была принята Всеобщая декларация прав человека, которая подтвердила, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира»². Всеобщая декларация прав человека не упоминает «защиту групп» – из опасений, что они могут создать благоприятную почву для сепаратистских тенденций и движений³.

В 1966 году был принят Международный пакт о политических и гражданских правах, который предусматривает, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»⁴. Однако данный Международный пакт обеспечивает защиту лиц, принадлежащих к меньшинствам, но не прав самих меньшинств. Также был принят Пакт об экономических, социальных и культурных правах, уточняющий права, гарантированные Всеобщей декларацией прав человека. Оба пакта 1966 г. содержат процедуры обеспечения соблюдения прав человека, гарантирующие, что ратифицирующие их государства добросовестно выполняют свои обязательства.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 235, 10.12.1998

³ Symonides, Janusz. "A Protective Framework." UNESCO Courier, June 1993, 45.

⁴ Международный Пакт о гражданских и политических правах (Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН N 2200 A (XXI) от 16.12.66) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, N 12, 1994 год.

В 1992 году была принята Декларация ООН о меньшинствах. Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, направлена на защиту существования и самобытности меньшинств на их территориях. Перечень этих прав включает в себя: право пользоваться достоянием своей культуры; исповедовать свою религию; использовать свой родной язык; активно участвовать в культурной, религиозной, социальной, экономической и государственной жизни, а также в процессе принятия решений, касающихся меньшинства, к которому они принадлежат; создавать и контролировать свои собственные объединения (в рамках национального законодательства; устанавливать и поддерживать без какой-либо дискриминации свободные и мирные контакты с другими членами своей группы или другими гражданами других государств, с которыми они связаны национальными или этническими, религиозными или языковыми узами¹.

Однако снова были защищены права лиц, принадлежащих к меньшинствам, а не права меньшинств как таковые. Лица, принадлежащие к меньшинству, будут пользоваться свободой от дискриминации в обществе, но им не будут гарантированы права в контексте группы, а это означает, что концепция коллективной защиты меньшинств по-прежнему отсутствует.

Наряду с международным сообществом, заботящимся о поощрении прав человека, региональные учреждения также стремились содействовать защите прав человека после Второй мировой войны. Такие тенденции наблюдались в основном в Западной Европе под влиянием угрозы коммунизма. Поскольку социализм рассматривал в качестве носителя прав не индивида, а группу или коллектив, Западная Европа вновь подчеркнула капиталистические ценности негативных индивидуальных прав. Освобождение человека от

¹ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года) / Действующее международное право: в 3 т. Т. 2. М.: МНИМП, 1996.

государственного вмешательства рассматривалось как средство противодействия советской угрозе.

Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека, деятельность Европейского сообщества и Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничества способствовали возникновению взаимосвязанных стандартов защиты прав человека. Принятие этих актов происходило одновременно с политико-правовыми процессами, когда ценности социалистических стран и демократических капиталистических стран начали наиболее существенно расходиться в части развития концепции защиты прав. Социалистические страны подчеркивали коллективные ценности, такие как социальные, экономические и культурные права, тогда как Западная Европа в целом уделяла особое внимание индивидуальной защите или негативным правам¹.

В 1953 году вступила в силу Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Данная Конвенция, в частности в ст. 14, гласит, что «пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Совет Европы также принял специальный документ для защиты только социальных и экономических прав – Европейскую социальную хартию. Европейская социальная хартия направлена на выражение общего наследия прав и привилегий, предназначенных для поддержки социальной политики.

Совет Европы также разработал специальные хартии, расширяющие существующие меры защиты меньшинств. Многие из них не были

¹ Ludwikowski, Rett R. “Fundamental Constitutional Rights in the New Constitutions of Eastern and Central Europe”. *Cardozo Journal of International and Comparative Law* 3 (Spring 1995). P. 89.

ратифицированы из-за их далеко идущих последствий. В 1992 г. была принята Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. В этой Хартии говорится, что «право пользоваться региональным языком или языком меньшинства в частной и общественной жизни является неотъемлемым правом». В 1995 году Совет Европы также принял одну из самых далеко идущих мер защиты меньшинств – Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, обеспечивающую расширенную защиту прав меньшинств. В статье 5 данной Конвенции говорится: «Стороны обязуются поощрять создание благоприятных условий, позволяющих обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие».

С 2022 года Российская Федерация прекратила свое членство в Совете Европы, что привело к прекращению действия международных обязательств, ранее закрепленных договорами данной организации, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Это повлекло за собой прекращение юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в отношении Российской Федерации, что означает невозможность дальнейшего обращения граждан России и иных субъектов в данный судебный орган для защиты прав и свобод, гарантируемых Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Данное правовое положение связано с изменением в международно-правовом статусе Российской Федерации, результатом чего стало ограничение доступа российских граждан к наднациональным механизмам защиты коллективных прав, предусмотренных договорами Совета Европы.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в настоящее время именуемое Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, является дополнительным источником региональной защиты человека, а меньшинства – дополнительным субъектом региональной защиты прав

человека и меньшинств. Создание организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) стало следствием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинские соглашения) 1975 года. ОБСЕ является важным инструментом для информирования о текущем положении коллективных субъектов в Европе. ОБСЕ расширяет свою роль в Европе, поскольку эта организация неоднократно демонстрировала далеко идущий потенциал посредничества в конфликтах.

Европейская традиция рассматривает коллективные права как права «третьего поколения». Согласно данной концепции, первое поколение прав – это гражданские и политические права, центральными идеями которых является идея личной свободы и идея защиты личности от государственного произвола. Второе поколение прав – это экономические, социальные и культурные права, основанные на идее гарантированного доступа к основным социальным и экономическим благам, услугам и возможностям. Третье поколение прав – это коллективные или групповые права, связанные с понятием солидарности (права народов, в том числе право на самоопределение, право на устойчивое развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, право на совместное использование общего наследия человечества, на информацию, на гуманитарную помощь)¹. В конце 1970-х годов данную концепцию предложил К. Васак, соотнеся права человека с идеалами Французской революции — «Свобода, равенство и братство».

К. Васак подчеркивал, что признание прав коллективов является важным шагом к созданию более комплексной системы защиты, способной учитывать как потребности индивида, так и интересы социальных групп и обществ в целом. Как отмечал К. Васак, права первого и второго поколения порождают противопоставление интересов индивида и общества,

¹ Брандер П., Гомес Р., Кин Э., Леминер М.-Л., Оливейра Б., Ондрачкова Я., Суриан А., Суслова О. Пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи. М.: Компас, 2005. С. 201.

демонстрируя чрезмерный индивидуализм и отрицание возможности защиты прав социальных общностей¹. Специфика прав третьего поколения также усматривается в том, что это коллективные права, не сводимые к правам индивидов, входящих в коллективы. Данные права в одинаковой степени принадлежат как отдельным индивидам, так и образуемым ими социальным общностям, членами которых они являются. Международно-правовые институты, регулирующие коллективные права человека, не только ориентируют государства на применение цивилизованных правовых и политических средств укрепления государственной целостности, но и предупреждают о негативных последствиях их нарушения.

Понятие солидарности рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации как один из основополагающих конституционных принципов, направленных на укрепление социальной гармонии, баланса интересов и единства общества. В специальном аналитическом документе, опубликованном Судом к 30-летию Конституции, подробно анализируются различные аспекты этого принципа — экономический, политический и социальный — и их реализация в конституционно-судебной практике России².

Понятие солидарности, как оно понимается Конституционным Судом Российской Федерации, представляет собой один из ключевых принципов конституционного регулирования, направленный на поддержание общественного согласия, справедливости и устойчивости российского государства. Впервые это понятие получило прямое закрепление в Конституции Российской Федерации в 2020 году (статья 75.1), после чего

¹ Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / ed. by C. Swinarski. Hague, 1984. P. 839.

² Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023). — Опубликовано на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

стало активно разрабатываться в конституционно-судебной практике. Солидарность, согласно правовым позициям Конституционного Суда, охватывает три взаимосвязанных аспекта: экономический, политический и социальный, каждый из которых призван обеспечить баланс между частными и общественными интересами, укрепляя единство общества перед внутренними и внешними вызовами.

Конституционный Суд интерпретирует экономическую солидарность как основу для правового регулирования отношений, связанных с оплатой труда, защитой прав потребителей и обеспечением общественных благ, таких как поддержание инфраструктуры и экологии. Суд акцентирует внимание на необходимости учета интересов всех участников экономических отношений, поддержания справедливости в распределении рисков и ответственности, особенно в отношении социально значимых обязательств, возложенных на работодателей. Экономическая солидарность способствует гармонизации частных и публичных интересов, что укрепляет экономическую устойчивость и социальную стабильность.

Политическая солидарность выражается в общественном консенсусе относительно конституционных основ российского государства и в поддержке институтов демократии и правопорядка. Конституционный Суд рассматривает политическую солидарность как важное условие для реализации гражданских прав и свобод, гарантированных Конституцией, обуславливающее необходимость уважения к институтам выборов и участию граждан в политических процессах, что является залогом общественного доверия к публичной власти и поддержки демократических процедур. Конституционный Суд подчеркивает, что политическая солидарность не исключает идеологическое разнообразие и политический плюрализм, напротив, она направлена на укрепление единства через легальный и конкурентный политический процесс.

Социальная солидарность включает обязательства государства и общества по поддержанию социальной справедливости, защите уязвимых

групп населения и обеспечению достойного уровня жизни. Конституционный Суд рассматривает её как принцип, обязывающий государство создавать правовые и социальные условия для защиты прав трудящихся, для справедливого распределения ресурсов и для сохранения межпоколенческой справедливости, которая отражается, например, в обеспечении пенсионных прав. В рамках социальной солидарности Суд выделяет значение социального партнерства между государством, работодателями и работниками, а также между государством и гражданским обществом. Этот аспект направлен на обеспечение условий для социальной интеграции, укрепление коллективной ответственности и устойчивость социального мира. Конституционный Суд представляет солидарность как всеобъемлющий принцип, который интегрирует разные аспекты правовой системы и способствует укреплению социального и политического единства в российском обществе.

Эволюция понятийного ряда и нормативного закрепления прав и свобод личности, таким образом, демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению их содержания и признанию коллективных прав в качестве неотъемлемого элемента конституционного статуса личности. Первоначально права и свободы имели узкий, привилегированный характер и были доступны лишь ограниченному кругу лиц. Однако со временем в условиях развития конституционного правопорядка и утверждения правовых гарантий индивидуального достоинства и автономии произошло преобразование этих привилегий в универсальные и неотчуждаемые права личности.

Современное конституционное и международное право признает значение коллективных прав, включая солидарные права, такие как право на благоприятную окружающую среду, право на культурное разнообразие и право на самоопределение. Это направление нормативного закрепления отражает объективную потребность в защите интересов социальных общностей в условиях глобализации и структурных изменений в обществе, при которых коллективные права приобретают особую актуальность. Подобное развитие способствует укреплению правопорядка, формируя

правовую модель, в которой учёт интересов социальных групп становится необходимым условием защиты общих прав человека.

В российском конституционном праве принцип солидарности, закрепленный в статье 75.1 Конституции РФ, занимает важное место и понимается как базовый элемент общественного согласия и социальной справедливости. Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях подчёркивает роль солидарности как механизма гармонизации частных и публичных интересов, способствующего укреплению единства общества. Экономический, политический и социальный аспекты солидарности, освещённые в конституционно-судебной практике, обеспечивают баланс между правами личности и обязанностями государства, создавая правовые гарантии устойчивости и стабильности российского общества.

Таким образом, развитие понятийного ряда и нормативного закрепления прав и свобод личности отражает ключевую тенденцию конституционного права к включению коллективных прав в систему прав человека. Данный процесс подчёркивает важность комплексного подхода, направленного на учёт как индивидуальных, так и коллективных интересов, что позволяет укрепить социальные и правовые основы государства. В этом контексте концепция коллективных прав выступает важнейшим элементом современной правовой системы, способствующим обеспечению стабильности, правовой защищённости и справедливости для всех социальных общностей.

1.2. Появление категорий «коллектив» и «коллективные права» в процессе общественно-политического развития и реализации прав и свобод личности

Исследование истории возникновения категории «коллектив» в теории права имеет принципиальное значение для понимания развития сущности концепции коллективных прав личности. Коллективы, в историческом и

юридическом смысле, представляли собой первоначальные формы объединений людей, которые стремились к совместной защите своих интересов и реализации общих целей. В правовой системе такие объединения постепенно эволюционировали до современных юридических лиц – в гражданском праве – и иных коллективных субъектов права, которые играют ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан в современных правовых порядках.

Историческое развитие категории «коллектив» как субъекта права важно для понимания эволюции конституционного права. Коллектив представляет собой важный инструмент реализации коллективной деятельности свободы. В современном конституционализме объединения индивидов воплощают их коллективные интересы, что обеспечивает баланс между индивидуальными и коллективными правами и является отражением принципа социальной справедливости, заложенного в конституциях большинства современных государств, в том числе с 2020 г. Конституции Российской Федерации.

Современная конституционная доктрина далеко не всегда признает, что коллективные субъекты, как самостоятельные правовые единицы, имеют самостоятельное право на защиту своих интересов в рамках конституционного правового порядка, но именно от позиции государства и его правового отношения к существующим и формирующимся на его территории союзам и коллективам зависит правовое содержание их статуса.

Истоки современного положения коллективных субъектов конституционного права лежат в дуалистическом подходе к правовому статусу коллективов, который начал складываться еще в античный период и Средние века. Как отмечает Н.С. Суворов, уже «римская юриспруденция знала понятие лица только как лица индивидуального, следовательно, только в области *Juris private*, всякие же союзные образования включала в *jus publicum*»¹.

Исторически первой общностью, признанной субъектом права, можно считать публично-правовые объединения в римском праве. С.С. Алексеев

¹ Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 30.

отмечает, что «имперский, по своей основе тиранический характер публично-правовой организации общества Древнего Рима (с чередой сменяющих друг друга политических форм правления республиканского и монархического типов, разновидностей публично-правового режима для граждан Рима) существовал и развивался во многом особняком от римского частного права – права универсального уровня, реализующего в развитых и юридически совершенных и, главное, стабильных юридических формах начала свободы и самостоятельности субъектов в сферах собственности, всего комплекса имущественных, семейных, личных отношений»¹. Такая очевидная дихотомия частного и публичного прослеживается и в рассматриваемом вопросе. «Искусственные олицетворения» или «юридические» лица в римском публичном праве выполняли роль «проводника» для имущественных интересов общин – чтобы обеспечить им возможность участия в гражданском обороте с частными лицами². Не все формы «юридических» лиц, именуемые в римском праве «corpus» — союз и «universitas» — совокупность, обладали свойствами личности, причем для возникновения право- и дееспособности некоторых из них – у коллегий и союзов – требовалось одобрение устава и разрешение государства на его создание. Созданные для упрощения гражданского оборота (имущественных отношений) и взаимоотношений между частными и публичными субъектами «юридические» лица фактически являлись территориальными – городскими, сельскими – общинами, муниципиями³. Публично-правовые образования (муниципии, городские общины, фиск и т.д.), возникшие по инициативе государства для реализации общественных интересов и являвшиеся частью гражданского оборота (а значит, и субъектами частного права), фактически не выступали субъектами публичного права⁴. Тем не менее, само государство, будучи союзом

¹ Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. С. 91-92.

² Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М.: типография А.И. Мамонтова и К, 1883. С. 646.

³ Архипов С.И. Субъект права. М., 2004. С. 32.

⁴ Голубцов В. Г. Гражданско-правовой статус публичных субъектов в римском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. №8. С. 66-74.

политическим, функционировало как «юридическое» лицо в гражданских правоотношениях¹.

В Средние века все сферы социальной жизни характеризовалась значительным влиянием Церкви и теории божественного происхождения власти и правовых установлений. В таких условиях неудивительно, что теория корпорации получила значительное развитие благодаря трудам канонистов, которые интегрировали элементы римского, германского и церковного права. Одним из наиболее значительных достижений этого периода было формирование концепции корпорации как самостоятельного субъекта права, независимого от своих членов². Канонисты взяли понятие корпорации у легистов, но добавили особый акцент на единство корпорации, подчеркивая, что её сущность как правового субъекта остается неизменной, даже при смене её членов. Это сформировало представление о корпорации как общности, отличной от составляющих её индивидов, что стало важным вкладом в теорию коллективных субъектов права и представляло собой значительный шаг вперед по сравнению с римскими подходами.

Одной из ключевых фигур в развитии этой теории был папа римский Иннокентий IV, который на Лионском соборе в 1245 году представил теорию фикции, согласно которой «universitas» существует лишь в человеческом воображении как правовая фикция, придуманная разумом, и не обладает реальной сущностью. «Universitas» рассматривалась как юридическое понятие, отличное от физических лиц, составляющих её, и поэтому она не могла быть отлучена от церкви или нести ответственность за действия своих членов. «Universitas», будучи бестелесным существом, не обладает собственной волей и не может действовать самостоятельно, кроме как через своих представителей. Мнение большинства членов «universitas» рассматривается как мнение самой «universitas» – что фактически

¹ Костин А.В. Особенности Российской Федерации, федеральных и муниципальных образований как субъектов гражданского права: дис.... канд. юрид. наук / А.В.Костин. М., 2002. С. 14.

² Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 19.

приравнивало их к единой воле цельной общности. Эти идеи канонического права оказали значительное влияние на последующее развитие категории коллективных прав¹.

Статус коллективов подвергся кардинальному пересмотру в Новое время, когда созрела необходимость примирения идеи объединяющей силы государства со сложившимся социальным многообразием². Ряд ученых Нового времени признавали правосубъектность за любыми социальными союзами и закрепили за ними права и обязанности как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах, но на основе концессии государства. В. Блэкстоун все общественные образования рассматривал как политические общности: «политические тела, корпоративные тела (*corpora corporata*) или корпорации – это огромное разнообразие формирований для развития религии, обучения и торговли; созданные для того, чтобы сохранить полностью и навсегда те права и механизмы охраны, которые были бы полностью отменены и утрачены, если бы они были предоставлены только состоящим в объединении лицам, после их смерти»³. Однако следует отметить, что в тот период разграничение между обществом и государством было проведено еще не так четко, как в XIX в., правовой статус любых субъектов права (и даже частные взаимоотношения между ними) и само устройство власти и управления были тесно взаимосвязаны и рассматривались частью общей социальной системы⁴.

В XVIII в. рядом философов была предпринята попытка разработать универсальное социальное право на основе концепций *hominis proprium sociale* (человеку свойственно стремление к социальности) Гуго Гроция и *socialitas* Самуэля Пуфендорфа как верховного принципа права, а также идеи человека

¹ Стукалова, Ю. В. Античная и средневековая правовая мысль как этапы развития теории юридического лица // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7, № 25. С. 43.

² Баженова О.И. Категория юридического лица в конституционном праве: обоснование и проблемы применения: дисс. ... д.ю.н. М., 2023. С. 131.

³ Sir William Blackstone. Commentaries on the Laws of England in Four Books, vol. 1, Book the First // Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1893. P. 293.

⁴ Cairns J.W. Blackstone, an English institutist: legal literature and the rise of the nation state // Oxford Journal of Legal Studies. 1984. Vol. 4. N 3. P. 346.

как социального существа. Эта идея, которая охватывала не только право всех человеческих обществ, включая государство, но и более широкие принципы всякого права в целом, распространяла свое влияние на правовую мысль вплоть до XIX века. Упадок идеи универсального социального права в XIX веке был обусловлен изменением понимания общества и государства: в XVII и XVIII веках общество понималось как система, в которой происходит взаимодействие многих элементов, включая физические лица и корпорации, основывающееся преимущественно на договоре — реальном или подразумеваемом. В XIX веке общество стало восприниматься не как простая сумма индивидов, а как нечто цельное и независимое, подобное биологическому организму¹.

На многие годы вперед развитие концепции коллективных субъектов права определил Гегель, представив систему нравственности, выраженную в триаде «семья, общество и государство»² (где одновременно возвышается роль государства как установителя законов и подчеркивается значимость социальных союзов) и далеко продвинувшись в решении вопроса о правовом статусе коллективов. Согласно Гегелю, индивидуальное сознание поэтапно переходит от семьи к гражданскому обществу, от гражданского общества — к государству. Индивид является полноценным членом корпорации, корпорация же, в свою очередь, наряду с семьей «составляет нравственный корень государства»³ и представляет собой экономическую и политическую единицу, задача которой состоит в том, чтобы «сводить воедино конкурирующие экономические интересы и виды деятельности внутри сословий и защищать организованные интересы гражданского общества от посягательств государства»⁴. Государство осуществляет надзор над корпорацией, чтобы цели существования корпораций в частности и гражданского общества в целом

¹ Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 114–118.

² Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 208.

³ Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 276.

⁴ Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 276.

соотносились со всеобщим государственным порядком. Гегель отделяет государство от общества и в некотором смысле даже противопоставляет их: характерная особенность гражданского общества – в «обеспечении и защите собственности и личной свободы», его конечная цель – в «интересе индивида»; в то же самое время «объединение как таковое есть само истинное содержание и цель» государства¹. Государство предстает как высшая степень политической организации индивидов, как «субъект в строгом смысле слова — действительный носитель и цель всех индивидуальных действий, которые теперь находятся во власти «всеобщих законов и основоположений»².

Дальнейшее развитие представлений Гегеля о корпорациях и социальных союзах в политико-правовой мысли привело к дуализму правового статуса коллективов: гражданское право, с одной стороны, закрепило за союзами статус субъектов частного права, а государственное право всецело сосредоточилось на политической субъектности государства.

Об этом пишет О. Гирке в своем труде «Das deutsche Genossenschaftsrecht»³, где он исследует процесс исторического формирования и развития коллективных единиц (союзов и ассоциаций) в обществе, от древних патриархальных и родовых структур до современных ассоциаций, основанных на свободном соглашении. В новом времени, начиная с XVI века и особенно после 1806 года, происходит процесс разложения старых союзных форм, что связано с изменением роли государства и развитием новых форм общественных и частных ассоциаций. Одной из ключевых идей, развиваемых О. Гирке, является освобождение личности от старых, часто жестких союзных уз, что привело к некоторому разрыву между индивидом и государством. Государство стало гарантировать лишь абстрактную гражданскую свободу, оставляя без внимания многие потребности, которые раньше удовлетворялись старыми союзными структурами. В результате произошло обособление

¹ Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 279-280.

² Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 277.

³ Gierke Otto. Das Deutsche Genossenschaftsrecht. Gale, Making of Modern Law, 2013.

публичного и частного права, и многие политические функции, ранее выполнявшиеся союзами, перешли к государству. В ответ на разложение старых форм союзной жизни и для восполнения утраченных социально-посреднических структур на Западе возникло свободные ассоциации. Эти ассоциации, создаваемые на основе свободного соглашения, различны в зависимости от времени и места, и могут преследовать различные цели: политические, административные, религиозные, образовательные, научные, художественные и т.д.

Таким образом, различные союзы в разные периоды времени когда-то обладали значительной автономией и широкими правами, но с течением времени потеряли свою политическую независимость, уступив государству роль главного политического субъекта. Эти союзы, такие как городские и сельские общины, церковные объединения, обязательные сообщества для общественных работ, исторически существовали задолго до формирования современных государств и зачастую не основывались на государственных концессиях. С течением времени они утратили свою политическую автономию и стали выполнять вспомогательную функцию по отношению к государству, сохранив лишь ограниченные гражданские права. Некоторые из этих старых союзов и корпораций, такие как университетские корпорации, были преобразованы в учреждения (*Anstalten*), которые в значительной степени подчинялись государственным целям и потеряли большую часть своих прежних корпоративных прав и автономий.

В противоположность этим преобразованным коллективным формам, в новое время возникли свободные ассоциации. Другие новообразования, такие как акционерные компании, представляли собой инновационные экономические структуры, которые не имели аналогов в прошлом и отражали новые способы объединения производственных сил для достижения конкретных целей. Н.Л. Дювернуа отмечает, что последние характерны «именно тем, что они возникают среди свободного, полноправного в

гражданском смысле населения, в условиях ограждения этой свободы отдельного человека государством»¹.

Задача таких союзов заключалась в устранении разрыва между личностью, предоставленной самой себе, и государством, которое гарантировало лишь абстрактную гражданскую свободу, не обеспечивая удовлетворения более специфических социальных потребностей, которые ранее удовлетворялись старыми формами союзной жизни. Эти процессы, как отмечает Н.Л. Дювернуа, подчеркивают эволюцию коллективных форм организации в обществе, от старых автономных союзов к новым, более интегрированным или специализированным структурам, соответствующим требованиям времени и изменяющимся политическим и экономическим условиям. Их результатом стало то, что частное право утвердилось как «истинное» право, защищающее свободу личности и противостоящее произволу политической власти – в отличие от публичного права, которое было ориентировано на защиту интересов государства.

Сложная социальная природа человека находит свое отражение и попытки обнаружить условия формирования справедливого и солидарного общества, построенного на принципе субсидиарности, в трудах Леона Дюги, французского юриста и социолога. Л. Дюги критиковал традиционные концепции государства, так как, по его мнению, современный ему государственный строй не отражал подлинную всеобщую волю народа. Государство, по его мнению, должно быть подвластно праву, но праву социальному, подчиненному солидаристским потребностям общества².

Являясь сторонником правового объективизма, Л. Дюги критиковал традиционные юридические концепции, которые он считал излишне субъективистскими и метафизическими. Он отвергал идеи о суверенитете государства, субъективном праве, юридическом лице и юридической личности

¹ Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение. Учение о лице. СПб.: типография М. М. Стасюлевича., 1902. С. 421.

² См.: Cotterrell R. Classical social theory and ideas of responsibility and the state in France and Germany // Comparative Law Review. 2013. № 15. P. 42-43.

государства, называя их "иллюзорными" понятиями, которые не отражают реальной природы общества и права.

В его представлении, социальная жизнь и право не должны быть подчинены метафизическим конструкциям, которые наделяют государство качествами суверенного и правообразующего субъекта. Дюги утверждал, что понятие «юридической личности государства» было искусственно создано с единственной целью — легитимации существующего порядка и социального господства, что не имеет объективного основания и лишь служит оправданием для концентрации власти в руках государства. Л. Дюги стремился демистифицировать государство и право, показать их социальную обусловленность и противопоставить метафизическим концепциям более реалистичный, социологический подход к праву.

На основе этих соображений он рассматривал общество как сложную систему, состоящую из различных групп и коллективов, объединенных общими интересами и трудовой деятельностью. Эти группы формируют устойчивую основу общественного порядка, и их объединение на уровне профессиональных, промышленных, научных и других ассоциаций является ключевым элементом социального устройства. Человек всегда включен в социальные связи и находится в «узах социальной солидарности: общество и его группы неразрывно связаны, а индивидуальное существование человека возможно только в рамках этих социальных связей»¹.

Л. Дюги считал, что профессиональные союзы и ассоциации являются ключевыми элементами современного общества, так как они создают новую социальную иерархию, лучше отражающую интересы различных групп, чем абстрактные провозглашения прав. В этом отношении он считает синдикализм фактором единения и умиротворения масс, обеспечивающим защиту интересов индивидов, связанных разделением труда, и помогающим структурировать общественные классы на основе их профессиональной деятельности. Цель правового оформления синдикатов – защита индивидов и

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. — М., 1908. С. 12-13.

их объединений от произвола и насилия со стороны как других классов, так и государственной власти, благодаря чему можно достичь более справедливого и устойчивого общественного порядка. Впоследствии эти группы, общности, созданные на основе профессиональных интересов, заменят централизованно управляемую разобщенную массу населения¹.

В развитие объективной индивидуальности социальных институтов, М. Ориу обосновывал теорию субъективной личности социальных институтов, полагая, что «это дает благие результаты, которые состоят во внесении гуманности в социальные институты»². Институционализм М. Ориу постулирует, что социальные коллективы, включая общности, учреждения, общественные объединения и различные ассоциации, выступают в качестве ключевых механизмов интеграции, способствующих трансформации общества в организованное нацию-государство. Согласно М. Ориу, эти коллективы не просто выполняют свои внутренние функции, направленные на достижение собственных интересов, но и играют решающую роль в структурировании и поддержании социального порядка, способствуя созданию устойчивых связей между индивидами и государством.

Советская правовая доктрина социальные образования (в том числе государственные органы) признавала субъектами государственного права. Как можно представить наиболее общим образом, все субъекты советского права делились на граждан и организации, куда относились государственные, кооперативные, общественные объединения и государство в целом³, при этом под коллективными субъектами права понимались различные общественные образования, которые имели зафиксированный правовой статус.

С развитием советской правовой науки отдельное внимание уделялось попыткам обозначить, признать и урегулировать естественные коллективные

¹ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 49-51.

² Ориу М. Основы публичного права / Пер. под ред.: Челябинов Н. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. С. 33.

³ Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. М., 1968. С. 537-547.

образования, таких как народ, нации и народности, которые не всегда имели юридический статус¹. Помимо народа, наций и народностей к субъектам государственного права, среди прочих, В.Я. Бойцов, к примеру, относил субъекты в составе СССР и само единое союзное государство, административно-территориальные единицы всех видов; органы Советского государства – высшие и местные органы государственной власти, органы государственного управления, правосудия и прокурорского надзора; постоянные комиссии всех звеньев Советов, избирательные округа и избирательные комиссии по выборам в Советы, общественные организации и общества².

Понятие «коллектив» как субъект права впервые начало формироваться в отечественной юридической науке в конце 1940-х годов³. Анализируя гражданскую правоспособность социалистических органов государственной власти, А.В. Венедиктов впервые употребил термин «коллектив» в контексте субъекта государственного права⁴. В конституционно-правовом контексте впервые коллективы были упомянуты в ст. 126 Конституции СССР 1936 г.⁵ («добровольные объединения и общественные организации»).

Советская правовая доктрина признавала субъектами государственного права широкий круг коллективов, что имело огромное значение, поскольку это подтверждало не только сам факт их существования, но и активный деятельностный статус в рамках правовой системы. Это отличалось от буржуазных концепций, ориентированных на более узкое понимание правового субъекта как либо индивида, либо юридического лица. Советская

¹ Кравчук С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 102; Коток В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № 1. С. 47; Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 34; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 92, 126-127.

² Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. С. 49-67.

³ Галютдинова А.С. Коллективный субъект финансового права: происхождение термина и содержание понятия // Налоги и налогообложения. 2012. № 7. С. 59.

⁴ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Ленинград: Изд. АН СССР, 1948. С. 591.

⁵ Хабриева, Т.Я. Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2019. С. 175–176.

правовая наука, сосредоточенная на непосредственном участии народа в отправлении власти, отражала специфические черты социалистического государства и его подхода к правам и обязанностям различных социальных субъектов. Иными словами, коллективы являлись не пассивными элементами правовой системы, а непосредственными, активными правообладателями. Но признание жизнеспособности коллективов в качестве субъектов права еще не означало реальной самостоятельности их существования в рамках правовой действительности; фактически их роль сводилась к исполнению или представительству общегосударственных или партийных задач, что фактически делало их инструментами реализации государственной политики.

В теории коллективы должны были воплощать принципы социалистического народовластия, действуя как полноправные субъекты государственного права. Однако на практике система субъектов конституционного права зачастую служила лишь прикрытием для всемогущества политического государства (партии), которое оставалось центральной и контролирующей силой в стране. Коллективная субъектность в советском праве оказалась скорее номинальной, чем реальной, что ограничивало истинную самостоятельность коллективов в политической и правовой жизни страны.

Но и самой личности отводилась схожая функция – в рамках марксистско-ленинской идеологии личность рассматривалась прежде всего как средство для достижения государственных целей. Даже коллективные права и интересы, присущие таким крупным коллективным общностям, как народ или нация, рассматривались лишь через призму их полезности для государства, а не как самостоятельные ценности. В такой системе коллективы не могли получить признание в качестве независимых субъектов права, поскольку любые права, в том числе и коллективные, служили лишь инструментом для выполнения политических задач.

Таким образом, эволюция категории коллектива в публичном праве отражает сложный процесс перехода от древних форм объединений к

современному пониманию коллективных субъектов. Первоначально коллективы в публично-правовых объединениях римского права выполняли роль посредников между частными и публичными интересами, но не обладали значительной правовой субъектностью. Со временем, в Средние века, благодаря трудам канонистов, произошло важное развитие теории корпорации, когда данная категория была признана самостоятельным, независимым от индивидуальных членов общностью. Это заложило основу для дальнейшего развития концепции коллективных субъектов, которые вскоре начали рассматриваться как отдельные правовые сущности с собственной волей и ответственностью.

В Новое время, с развитием философско-политических теорий, статус коллективов был подвержен дальнейшему пересмотру. В этот период коллективы стали рассматриваться как ключевые элементы политической структуры общества, отражающие социальное многообразие. Значительный вклад в развитие этой теории внесли Гегель и его последователи, которые развивали идеи о важности социальных союзов и корпораций как неотъемлемой части нравственной структуры общества и государства.

Таким образом, концепция коллектива в теории публичного права прошла путь от простых общественных объединений до сложных социальных структур, обладающих самостоятельной правосубъектностью. Эволюция понимания роли коллективов в обществе и их правового статуса отражает постепенное их обособление от частного права и становление как неотъемлемой части государственной и общественной жизни.

Категория коллективного субъекта права, использовавшаяся в советской, а затем и в постсоветской правовой науке, была заимствована из частного-правового пути развития рассматриваемой категории. Эти представления не прошли должной теоретической адаптации для использования в публично-правовой сфере. Имущественный аспект – участие и непосредственная реализация правомочий – оказался центральным в гражданско-правовой сфере, но он не соответствует природе публично-правовых отношений,

которые регулируются конституционным правом. В результате, такие коллективные образования, как профсоюзы, партии или общественные движения (а также народ, народность, нация), не вписываются в традиционную концепцию субъектов права – как субъектов, не только непосредственно владеющих правами, но и способными самостоятельно их защищать. Это привело к тому, что в современной отечественной доктрине, что, очевидно, является сопротивлением советской идеологии, коллективы не воспринимаются как самостоятельные субъекты конституционного права, а их права рассматриваются скорее как производные от прав физических лиц, составляющих тот или иной коллектив.

К тому же отсутствие надежной теоретической базы для интеграции коллективов в конституционное право приводит к тому, что современные юристы скептически относятся к концепции коллективных прав. Внушительная часть ученых считает, что права должны принадлежать индивидуумам, а не коллективам, поскольку это проще и логичнее с точки зрения правовой системы, основанной на либеральной концепции прав личности.

Институт коллективных прав не нашел своего однозначно определенного закрепления в теории права. Как отмечает В.Е. Чиркин, вопрос о правах определенных коллективов рассматривается довольно детально в других отраслях знаний, например, в гражданском праве, но, прежде всего, с позиций юридического лица. В трудовом праве рассматриваются права объективно сложившихся трудовых коллективов (например, в связи с правом на забастовку), но в конституционном праве, которое должно было бы содержать исходные положения, обобщающих исследований нет. Между тем в России эта проблема не менее, а, пожалуй, более актуальна, чем во многих других странах¹.

¹ Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 10.

Термин «коллективные права» образован от сочетания двух составляющих: «коллектив» и «право» (в узком смысле). Коллектив (от лат. *collectivus* – «собираательный») представляет собой «совокупность людей, объединенных одинаковыми целями; в частности – объединение людей, связанных постоянной совместной работой или деятельностью, например, коллектив рабочих, коллектив служащих какого-либо предприятия, учреждения»¹.

Философский аспект взаимодействия коллектива и личности коренится в процессе становления личности в коллективной среде. Человеческое существо изначально существовало как часть общества, и на первобытных этапах своего развития индивид не воспринимал себя как обособленную личность, поскольку еще не осознавал своих уникальных черт, отличающих его от остальных. На ранних стадиях человеческой истории человек не выделял себя из окружающей среды, не идентифицировал себя как отдельную самостоятельную единицу, воспринимая мир и свое место в нем исключительно через призму коллективных связей и зависимостей. Этот этап демонстрирует, что личность как осознанная и автономная структура формируется лишь в условиях осмысления своей уникальности и роли в сообществе, что стало возможным лишь на более поздних этапах общественного развития.

Но и в эпоху рабовладения речь также не идет об отдельной человеческой личности. Как утверждает философ А.Ф. Лосев², отчуждённый характер общественных отношений, при котором раб является «телом без головы», а рабовладелец – «головой без тела», тоже не способствовал осознанию своей личностной самости, личность не воспринималась обществом как самостоятельная общественная единица.

¹ Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной Ф.Н. Петрова (гл. ред.) и Л.С. Шаумяна. М., 1964. С. 307.

² Лосев А.Ф. История античной философии, М.: «Мысль», 1989. С.11-13.

В строгом смысле, о становлении личности как самостоятельного субъекта можно говорить, начиная с периода средневековья, когда человек постепенно стал восприниматься как независимая производственная единица — будь то на поле или в мастерской. Этот этап ознаменовал собой начало развития индивидуальности. Однако для того, чтобы личность была осознана и признана полноценной ценностью, потребовалась эпоха Возрождения. Именно Ренессанс объединил индивидуалистическое сознание самостоятельного производителя с духовными представлениями, корнящимися в христианской морали и поддержанными античной традицией. Эта эпоха стала решающим моментом, когда индивидуальность была не только признана, но и возвышена, став основой для дальнейшего формирования личности как уникального субъекта в общественной и культурной жизни¹.

С этого времени в истории начинается сложный процесс взаимодействия коллектива и личности, при котором акценты смещаются на индивидуализм, в целях формирования «идеальной личности»², а также зачастую и на важность коллективного, общественного аспекта развития личности для того, чтобы сформировать «нового человека» коммунистического общества.

Ответ на вопрос о том, почему, несмотря на явный индивидуалистский характер личности, стремление к свободе и независимости, человек ищет себя в коллективе, нередко поступаясь частными интересами, неоднократно пытались дать различные философы, но один из наиболее убедительных предложен американским психоаналитиком Э. Фроммом: «Человек вырван из изначального единства с природой, которое характерно для животного существования. Обладая одновременно разумом и воображением, он сознаёт своё одиночество и отделённость, своё бессилие и незнание, случайность своего рождения и смерти. Он не смог бы находиться перед лицом такого состояния бытия ни секунды, если бы не был способен находить новые связи

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи, М.: «Мысль», 1987. С. 203-206.

² Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М.: Педагогика, 1981. С. 29.

со своими ближними, взамен старых, определяемых инстинктами... Необходимость единства с другими живыми существами, связанность с ними – насущная потребность, от неё зависит психическое здоровье человека... есть несколько способов, которыми это единство может быть найдено и достигнуто. На этом пути он преодолевает отдалённость своего индивидуального существования, становясь частью кого-то или чего-то большего, чем он сам, и ощущает идентичность в своей связи с той силой, которой он подчинился. Или... человек может попытаться объединить себя с миром путём обретения власти над ним, делая других частью себя...»¹.

Э. Фромм справедливо отмечает, что «развитие западной культуры шло в направлении создания основы для полного выражения индивидуальности. Политическое и экономическое освобождение человека, приучение его думать за себя и избавление от авторитарного давления давали надежду, что он сможет ощутить своё Я как центр и активный субъект своих способностей, каким оно и является. Но лишь меньшинство пришло к новому переживанию Я. Для большинства же индивидуализм был не больше, чем фасад, за которым скрывалась неудача в обретении индивидуального чувства идентичности... Вместо доиндивидуалистической клановой идентичности формируется новая, стадная идентификация, в которой чувство идентичности основывается на чувстве неоспоримой принадлежности к толпе»².

В этом, по сути, определена основная философская предпосылка гармонично развивающегося взаимодействия личности и коллектива. Коллектив может способствовать саморазвитию личности ровно в той мере, в какой осознают себя личностями его члены. Это крайне важно для понимания сущности коллективных прав: только тот коллектив, члены которого осознают себя в качестве его субъекта, а также идентифицируют себя как его часть, добровольно участвуют в совместных действиях по реализации тех или иных

¹ Фромм Э. Искусство любить. СПб: «Азбука», 2001. С. 21-22.

² Там же. С. 60-61.

коллективных прав, может прийти к положительному результату – положительному для данного коллектива в целом и для каждого индивида, входящего в его состав, в частности.

Коллективные права отражают принцип, что благополучие человека невозможно вне контекста сообщества, без связи с другими людьми и государством. В то время как индивидуальные права направлены на защиту интересов отдельного индивида — как через защиту от государственного принуждения и неподобающего обращения, так и посредством прав, позволяющих требовать от государства реализации социальных, общественных и экономических программ, обеспечивающих достойное существование на его территории, — коллективные права предоставляют культурным и социальным общностям возможность совместно отстаивать свои интересы. Такие права позволяют общностям защищать то, что принадлежит им как единым социальным и культурным структурам, укрепляя их связь как участников единого и солидарного общества¹.

Коллектив является высшей формой развития группы и представляет собой общность лиц, объединенных общим интересом. Коллектив – это открытое сообщество людей с демократическим самоуправлением и свободной идентификацией, которые опосредуются социально ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности.

Значение коллектива основано прежде всего на том, что развитие личности в коллективе соответствует социальной природе человека. При этом обеспечиваются условия, при которых каждый член коллектива может совершать различные действия, направленные на реализацию его личных, неотъемлемых от коллективных, интересов и контролируемые им самим. Как отмечает В.Е. Чиркин, «общее» в коллективе по определенным параметрам господствует над частными интересами его членов, т.е. частное подчинено

¹ Дерябина Е.М. Изменение взглядов на права человека под воздействием процессов глобализации и регионализации // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. 2018. С. 41.

общему. В противном случае нельзя признать наличие коллектива, поскольку именно подчинение частного общему обеспечивает устойчивость системы коллектива¹.

Таким образом, категории «коллектив» и «коллективные права» претерпели значительную эволюцию, отражая изменения в восприятии объединений и их правового статуса в различных исторических периодах. Начав свое развитие с древнеримских общественно-правовых форм, когда коллективные образования не рассматривались как полноправные субъекты права, категория «коллектив» постепенно преобразовывалась в сторону обособления и укрепления правового статуса объединений. Это развитие иллюстрирует сложный процесс перехода от объединений, созданных для защиты частных интересов, к коллективным субъектам, обладающим правами на защиту общественных и корпоративных интересов.

Средневековая каноническая теория корпораций внесла важный вклад в осознание коллективов как самостоятельных правовых единиц, независимых от своих членов. Канонисты разрабатывали концепцию корпорации, которая приобрела юридический статус и право на действия, отличное от действий индивидуальных членов. Это стало важной стадией в формировании концепции коллективных прав, основанной на идее существования общего интереса, отличного от интересов отдельных индивидов.

С наступлением Нового времени и развитием философско-политических теорий статус коллективов подвергся пересмотру. Коллективы стали рассматриваться как ключевые элементы политической структуры общества, отражающие социальное многообразие и способствующие защите коллективных интересов. Вклад Гегеля и его последователей, акцентировавших внимание на значимости социальных союзов и корпораций как неотъемлемой части нравственной структуры общества, укрепил роль коллективов в структуре государства и правопорядка.

¹ Чиркин В.Е. Территориальный коллектив и власть народа // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 8.

Советская правовая доктрина пошла дальше, признав коллективы активными субъектами государственного права, при этом рассматривая их в основном как инструменты для выполнения государственных задач. Коллективы приобрели деятельностный статус в правовой системе, но их самостоятельность оставалась ограниченной. Советская модель предполагала, что коллективы служат интересам государства и могут обладать правами лишь постольку, поскольку они способствуют реализации государственных или партийных целей. Таким образом, роль коллективных субъектов в правовом поле ограничивалась функцией выражения политических интересов государства.

В постсоветский период категория «коллектив» в конституционно-правовом контексте сохранила свою правовую значимость, однако осталась недостаточно теоретически разработанной. Современная правовая наука, построенная на принципах индивидуальных прав и свобод, сдержанно воспринимает концепцию коллективных прав. В результате отсутствия теоретической базы для интеграции коллективов в конституционное право возникают трудности с признанием коллективов в качестве самостоятельных субъектов конституционного права, чьи права могут считаться независимыми и не сводятся к правам входящих в них индивидуумов.

Таким образом, современное понимание коллективных прав иллюстрирует переход от исторически ограниченных прав коллективов к их признанию как правовых субъектов, способных выражать общественные интересы, при этом оставаясь под влиянием доминирующей концепции прав личности, что ставит под сомнение их полноправную субъектность в конституционном праве.

1.3. Коллективные субъекты конституционного права

Субъект права представляет собой комплексный юридический феномен, обусловленный фундаментальной ролью права, проникающего практически

во все аспекты социальной жизнедеятельности индивида в рамках современного правопорядка. Вместе с тем, без своего носителя – субъекта – данная категория остается лишь теоретической конструкцией, лишенной реальной значимости. В правовой доктрине считается, что наиболее естественным субъектом права является человек, хотя иногда данная позиция доходит до излишних перекосов: «Строго говоря, этика и здравый смысл позволяют считать единственным субъектом права человека»¹. Представляется, что хотя и человек (индивид) является отправной точкой для возникновения прочих субъектов, такая точка зрения является не совсем корректной. Общественно-политическая жизнь находится в том состоянии, когда лицам необходимо объединяться для более полноценной реализации собственных прав для достижения целей, которые невозможно достичь в индивидуальном порядке и которые не сводятся к целям индивидуального субъекта.

Современная правовая наука склоняется к признанию того, что коллективные субъекты играют значимую роль в правовой системе, поскольку их действия и интересы выходят за рамки индивидуального уровня и затрагивают все более широкий спектр социальных отношений. Эти субъекты способны обладать, осуществлять и защищать свои собственные права и обязанности, а также участвовать в правовых процессах наравне с индивидами.

Понятие субъекта права нельзя ограничивать только индивидом, поскольку коллективные субъекты, объединенные общими целями или интересами, также вносят вклад в развитие и функционирование правовой системы. Признание их правосубъектности позволяет учитывать сложную структуру общественных отношений и отражает более полное понимание правовой реальности.

¹ Любимов Ю.С. Квасисубъектное образование в гражданском праве / Ю.С.Любимов. // Правоведение. 2000. №6. С. 100.

Многообразие подходов к исследованию категории субъекта права в рамках данного исследования вызывает необходимость постановки вопроса о сущности субъекта коллективных прав. Представляется, что логическая организация этих подходов зависит от понимания структуры человеческой деятельности как целостного процесса и определения роли, которую играет правовая реальность, сконструированная субъектом права, в этой системе. В условиях примата концепции индивидуальных прав и свобод в современной теории прав человека данный вопрос представляет ключевое значение.

Комплексный характер категории субъекта права проявляется в многообразии доктринальных и отраслевых подходов, сформировавшихся в научной литературе. Экономическая интерпретация субъекта права неизбежно дополняется политическими, а при более широком рассмотрении – социологическими концепциями, которые стремятся охватить все аспекты изучаемого феномена.

Философско-правовой подход приобретает особое значение в спектре многообразных теоретических подходов к исследованию правосубъектности, поскольку он акцентирует внимание на сущностной роли субъекта права как создателя правовой действительности. Неслучайно «право воспринимается как бытие самого человека и выражает всю совокупность своих объективных свойств и сущностных характеристик в форме равенства, свободы и справедливости в общественной жизни людей»¹. Анализ коллективных субъектов конституционного права с данных позиций представляет особый интерес, поскольку такое исследование не только «связывает» категорию субъекта конституционного права и коллективы как ее разновидность, но и нивелирует сложившуюся традицию сужения сущности субъекта права до правосубъектности – определения и категоризации его субъективных прав и обязанностей².

¹ Нерсесянц В. С. Философия права. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 40.

² Теория государства и права / под. ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 343.

Являясь продуктом человеческого сознания, право стремится к воплощению в сознательной деятельности индивидов, проявляясь в их поступках и взаимодействиях. По словам И.А. Ильина, «человек – это, прежде всего, усилие стать человеком, это не естественное состояние, а состояние, которое творится непрерывно. Право в свою очередь создает условия для реализации потенциала человека, человеческих возможностей»¹. Человек взаимодействует с феноменом права логического осмысления и экспликации его идеи, а правовая реальность воплощается в конкретных практических правовых отношениях между субъектами и в нормотворческой деятельности государства. Благодаря такой взаимосвязи человек осознает себя в качестве субъекта права, наделенного правоспособностью и дееспособностью. Именно разумность и автономность человека как творца объективного права в политически организованном обществе и его прямое противопоставление объектам (вещам) стали толчком для признания за ним прав и свобод, закрепленных законом.

И.Л. Честнов полагает, что человек является высшей ценностью, «центром правовой реальности» и, следовательно, единственным субъектов права. На этом основании он полагает, что «когда он выступает от своего имени, то в юридическом смысле именуется физическим лицом; когда от выступает от имени и по поручению должности – то является должностным лицом; когда же он действует от имени коллектива (социального института) – то коллективным субъектом»². Выдвигая данное обоснование антропологизации категории субъекта права, Л.И. Честнов полагает, что таким образом можно преодолеть отрыв теории права и юриспруденции в целом от личности, избавляя ее тем самым от излишнего догматизма. Человек является субъектом права, но в юридическом смысле субъектом может быть и коллективное образование – как социальный субъект, поскольку человек,

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 201.

² С. 368-369.

вступая в коллективные правоотношения, выступая от имени коллектива, перестает быть обычным физическим лицом и действует от имени коллектива, представляя его¹.

Применительно к рассматриваемому в данном исследовании вопросу важно отметить подход, согласно которому термин «лицо» в юриспруденции является абстрактным понятием, не соответствующим понятию лица физического (индивида). Эта традиция восходит еще к римским юристам². Абстрагирование лица от несущественных для права характеристик представляет собой фактическую возможность участия в правоотношениях любого право- и дееспособного участника. Г.Ф. Пухта обосновывал необходимость данного процесса следующим образом: «мы этим понятием обнимаем не все существо человека, а непосредственно только его качество, как субъекта воли, все же прочие его свойства принимаем во внимание только посредственно...»³.

Как подчеркивал С. С. Алексеев, в советской теории права субъект права воспринимался как один из элементов правового регулирования, а не как сущностная часть правовых отношений и права в целом. Это лишь подчеркивало второстепенную роль личности в правовой системе, ориентированной на приоритет государственных интересов. Это, по мнению С.С. Алексеева, и является причиной сложностей в переходе от восприятия права как исключительно «силового» инструмента к его пониманию «как гуманистического явления, феномена свободы»⁴.

Такое отождествление права с силой и субъекта права с носителем властных полномочий имеет глубокие исторические корни. Юридические позитивисты, в частности, утверждали, что норма приобретает юридический характер только тогда, когда она наделена обязательной силой как результата

¹ С. 372.

² Архипов, С.И. Субъект права (Теоретическое исследование): дисс. ... доктора юридических наук / С.И. Архипов. – Екатеринбург, 2005. С. 23.

³ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права/ под ред. П. Карасевича. Ярославль, 1872. С.47.

⁴ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В10т. Том7: Философия права и теория права. –М.: Статут, 2010. – С. 132.

применения властью принудительных механизмов. И. Бентам, анализируя данную позицию, отмечал, что она сводит природу права к «повелению суверена»¹. Его последователь Дж. Остин определял правовую норму как повеление суверена, лица (или группы лиц), которое «не имеет привычку подчиняться схожему вышестоящему лицу» и которому «привычно подчиняется большинство данного общества»². Аналогичную концепцию развивал и немецкий правовед Р. Иеринг³. Юридический позитивизм в категории субъекта права развивал отражение способности к совершению юридических действий, которые признаются законом. Вопрос о правосубъектности различных категорий, таких как недееспособные лица, социальные структуры в рамках позитивистской парадигмы таким образом переходит к компетенции законодателя.

Марксистская теория, следуя этой традиции, рассматривала право как выражение воли господствующего класса, возведенной в закон и подкрепленной принудительными механизмами. Этот подход подчеркивал связь права с политической силой, а субъект права понимался в первую очередь как носитель власти.

И.А. Ильин, критикуя данный подход в целом, отмечал, что в психологической и социологической сферах право может приобретать характеристику силы, так как оно способно оказывать причинно-детерминирующее влияние на психическую сторону человека: «Право как сознание (или переживание) правовой нормы является здесь способным быть причинно-определяющим моментом в сфере психической: оно есть сила»⁴.

Трансформация субъекта права в социального субъекта, понимаемого в широком смысле, является закономерной с точки зрения влияния различных

¹ Bentham J. Of Laws in general / Ed. H.L.A. Hart. - London, 1970. - Ch. I. § 1.

² Austin J. The province of Jurisprudence determined. - London: The Library of ideas, 1965. - P. 139, 166.

³ См.: Рудольф Иеринг. Борьба за право / Иеринг Рудольф; пер. С. И. Ершова с 13-го нем. изд. - 2-е изд. - М.: М. Н. Прокопович, 1907. - 96 с.

⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Понятия права и силы (опыт методологического анализа). М.: Русская книга, 1994. С. 24.

факторов на правовую систему и его правовой статус. Социально-политические, экономические и культурные детерминанты, которые пронизывают общественную жизнь, оказывают значительное влияние на становление и функционирование субъекта права. Исходя из этого, нельзя отрицать, что субъект права формируется и действует в рамках конкретного социума, чьи структуры и нормы поведения задают параметры его правосубъектности.

Традиция социальных наук, основывающаяся на принципе, что все явления в обществе являются результатом человеческой деятельности, обосновала необходимость выработки критериев выделения субъекта. Исследователи, работающие в этой научной области, всё чаще стали прибегать к использованию терминов «актор» и «агент» вместо классического понятия «субъект». Так, американский социолог Талкотт Парсонс ввёл термин «актор», определяя его как «субъект деятельности в обществе, выступающего в качестве источника социального действия»¹.

Роберт Нозик считает значимой ценностью способность индивида организовывать свою собственную жизнь. Он утверждает, что для реализации этой ценности индивиду требуется сфера автономии, в которую даже политическая власть не должна вмешиваться².

Анализируя работы П. Бурдьё и Ю. Хабермаса, российский философ Г. Б. Гутнер приходит к выводу о необходимости различения понятий «индивид» и «субъект». Индивид, по его определению, представляет собой члена общества, который обладает независимостью от других членов общества, где «независимость означает полную замкнутость на себя и

¹ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 23, 95, 98.

² Nozick, R. *Philosophical Explanations* / R. Nozick. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 1981. P. 498-504.

отсутствие какого-либо отношения к другому»¹, что ставит под вопрос механизм взаимодействия между индивидами в социуме.

Данный аспект подробнее раскрывает П. Бурдьё, который ввел концепцию «габитус», описывающую совокупность практик и навыков, которые индивиды используют для успешной ориентации в социальных структурах. Габитус позволяет индивидам адаптироваться к социальным условиям и корректно взаимодействовать с институтами². Он раскрывается через способность индивидов соответствовать требованиям социальной среды³. Данная точка зрения акцентировала внимание на то, что у человека есть потребность в социальной реализации, а социальная среда – это область, пусть и абстрактная, которая формируется именно личностью.

Ю. Хабермас, в свою очередь, добавляет к этой концепции идею изначальной раздвоенности субъекта. По его мнению, субъект одновременно воспринимает себя как творческую личность, оставаясь при этом отчуждённым от своего «первоначального истока»⁴. «Выход» из этой концепции «отчуждения» означает возвращение фокуса внимания с «субъекта действия» на «конкретный субъект» как создателя социальной и правовой реальности, включающей в себя политико-правовые институты и, в частности, строго юридические институты⁵.

Концепция габитуса, как продукта длительного опыта взаимодействия между людьми, не подразумевает осознанной рефлексии со стороны индивида. В этой связи субъект отличается от индивида тем, что осознанно и рационально выбирает правила поведения – они требуют рационализации и

¹ Гутнер Г. Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. Рос.акад. наук, Ин-т философии. Москва, 2010. С. 101.

² Гутнер Г. Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. Рос.акад. наук, Ин-т философии. Москва, 2010. С. 103.

³ П. Бурдьё Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 24-25.

⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 311-312.

⁵ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

обоснования, – а не просто автоматически подчиняется приобретенным привычкам или навыкам. Но субъект и индивид не изолированы друг от друга: индивид может сделать осознанный выбор и стать субъектом через принятие на себя ответственности и рациональное обоснование своих действий.

Субъект, в этом смысле, обладает автономией, способностью устанавливать моральные нормы и рамки своих действий. Это подчеркивает еще одно важное различие между субъектом и индивидом: моральное действие субъекта всегда направлено на другого. Как отмечает Г. Б. Гутнер, «мораль невозможно практиковать по отношению к самому себе, она неизбежно предполагает сообщество, поскольку выражает мои обязательства по отношению к другим людям»¹. Здесь мы находим очевидное влияние философии И. Канта, который к ключевым характеристиками личности относил разум и ответственность.

И.А. Ильин связывает правовую силу с миром психических переживаний индивида, которые активизируются в процессе взаимодействия с другими людьми. В своем труде «О сущности правосознания» он отмечает, что недостаточно воспринимать право исключительно как внешний регулятор общественных отношений; субъект права должен развить в себе внутреннее понимание права как регулирующего принципа собственной воли. Ильин указывает на необходимость интеграции права в душу субъекта, чтобы оно стало внутренним регулятором поведения, а не только внешне навязанным набором норм. Принятие права носит, таким образом, не просто формальный характер, но представляет собой глубокий духовный процесс, требующий зрелости ума, силы воли и высокой правовой культуры².

Н.Н. Алексеев подчеркивает, что субъект права должен рассматриваться не только как юридический деятель, но и как определенная признанная

¹ Гутнер Г. Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. Рос.акад. наук, Ин-т философии. Москва, 2010. С. 100.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. О сущности правосознания. М.: Русская книга, 1994. С. 179-180.

ценность, наделенная правопорядком¹. В своих рассуждениях он опирается на философские труды Гегеля, для которого субъект права — это не просто носитель юридических актов, но и тот, кто осознает и признает ценности, которые правовые нормы охраняют и закрепляют. Гегель подчеркивает, что истинная свобода достигается только через признание тождественности между субъектом и другим человеком, что ведет к внутреннему единству субъектов. В рамках нравственного измерения право и обязанности (взаимные между субъектами) неразрывно связаны и интегрированы в практическую жизнь субъектов. Гегель уделяет особое внимание категории признания, подробно рассматривая её в своей «Философии духа». Для него «отношение признания в рамках государства означает признание отдельного субъекта как разумного и свободного существа, как личности»². Такое признание, по Гегелю, возможно только через преодоление природного, «естественного» состояния самосознания, при котором субъект осознает не только свою свободу, но и свободу других, признавая их как равноправных личностей. Это взаимное признание формирует основу для существования правопорядка, где субъект не воспринимается просто как объект, тело или вещь, а признается как свободное существо, обладающее внутренней ценностью³.

О.И. Баженова отмечает, что глубокое, разрозненное и фундаментальное расхождение в понимании субъекта права в философии права, конституционном праве и доктрине в целом создало разлом в правовой системе, который, несмотря на первоначальные цели защиты субъекта права и его интересов от государственного произвола, усилил государственный волюнтаризм, ставя человека, наделённого конституционными правами, в полную зависимость от государства⁴. Хотя именно конституционное право

¹ Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев / СПб.: Издательство «Лань», 1999. С. 83.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3, Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 241.

³ Гегель Г.Ф.В. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 90.

⁴ Баженова О.И. Категория юридического лица в конституционном праве: обоснование и проблемы применения: дисс. ... д.ю.н. / О.И. Баженова. М., 2023. С. 80-81.

призвано обеспечить надлежащую организацию правовой формы индивидуальных и коллективных субъектов, поскольку защита их прав – это, в первую очередь, прерогатива государства и конституционного строя.

Это понимание основывается на признании того, что субъект права не является просто абстрактной теоретической категорией, но также представляет собой конкретную правовую форму, обеспечивающую реализацию деятельностной свободы индивидов в государственно-правовом пространстве.

Юридическая сущность субъекта права тесно связана с идеей автономии личности и свободы действий. Автономия (воли) здесь понимается как способность индивида самостоятельно принимать решения и нести ответственность за свои действия. Согласно Канту, «воля мыслится как способность определять самое себя к совершению поступков сообразно с представлением о тех или иных законах. И такая способность может быть только в разумных существах»¹. Следовательно, практический разум, а следовательно, и право, свобода всякого, принадлежит личности – исключительно, – обладающей собственной волей. Субъект права является воплощением идеи моральной свободы²; добровольное следование моральным установлениям является следствием наличия у человека свободной воли, благодаря чему он подчиняется «только своему собственному и, тем не менее, всеобщему законодательству»³. В конституционном праве автономия получает дополнительное измерение, поскольку она закрепляется в конституции в виде субъективных прав, вследствие чего становится объектом высшей правовой защиты.

¹ Кант И. Основоположения метафизики нравов Собрание сочинений: в 8 т. [Под общ. ред. А. В. Гулыги]. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 203.

² Напалкова И.Г. Право и личность: концептуальные идеи философско-правового обоснования прав человека / И.Г. Напалкова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. №3. С. 14-15.

³ Кант И. Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. М.: «Мысль», 1966. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии). Т. 6. С. 274.

Правосубъектность является ключевым правовым понятием и включает в себя: правоспособность (способность обладать субъективными правами и обязанностями); дееспособность (способность своими действиями приобретать субъективные права и обязанности, участвовать в правовых отношениях) и деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за свои действия или бездействие)¹.

Правоспособность (а равно и дееспособность и деликтоспособность) коллективного субъекта наступает с момента его создания².

Для конституционного права признание субъектности как индивидов, так и коллективов является центральным вопросом. И если с конституционно-правовой правосубъектностью личности все относительно ясно (с учетом того, что ст. 6 Конституции РФ прямо признает правоспособность человека-гражданина), то с правоспособностью коллективов все несколько более неоднозначно. Отсюда и неопределенность – что вообще следует понимать под коллективом, коллективным субъектом конституционного права, какой конкретно круг субъектов входит в данное понятие. В условиях современного плюралистического общества социальные коллективы не противопоставляют себя государству, а выражают сложность и многоуровневость интересов и потребностей граждан.

С конституционно-правовой точки зрения не всякий коллектив в классическом понимании может являться субъектом права, но и для далеко не всех коллективов это необходимо. Конституционное право обеспечивает гарантии реализации правосубъектности в политическом и социальном пространстве, принимая во внимание экономические и политические условия и находясь в постоянном состоянии поиска баланса между частным и публичным, индивидуальным и общим благом.

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 146-147.

² Ромашко Е.А. Государственные органы со статусом юридического лица как особые субъекты конституционно-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. С. 10.

И. Самылов отмечает сложившиеся два подхода к пониманию коллективных субъектов права. Первый он связывает со сложившейся с начала XIX в. традицией, «согласно которой всякие субъекты права, не являющиеся естественными индивидами, обозначаются общим термином «юридическое лицо»¹. Российская правовая наука, в первую очередь, цивилистическая², восприняла этот подход, который в дальнейшем распространился и на общую теорию права³.

Так, Е.Н. Трубецкой считал, что субъектом права можно называть всякого, кто обладает способностью иметь права, а среди собственно субъектов права называл лица индивидуальные и «лица собирательные, искусственные, созданные для удовлетворения общих потребностей или же для осуществления коллективных целей группы частных лиц, причем эти собирательные лица носят название лиц юридических»⁴. С.Н. Братусь понятия коллективного субъекта и юридического лица, к последнему относя и общественные образования⁵. Коллективные субъекты права С.Ф. Кучекьян предлагал именовать комплексными, поскольку не всегда подобного рода субъекты организуются группой лиц, а такой субъект права сам по себе включает в себя не только индивидов, но и имущество⁶. Данная позиция подверглась справедливой критике⁷. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский считали, что вхождение в состав субъекта права только одного лица делает его индивидуальным, а включение имущества – субъектом права не в общем

¹ Самылов И. В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. №4. С. 25.

² Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 99; Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1894. Т. 1. С. 115;

³ Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. СПб., 1914. С. 126-127.

⁴ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 160-161.

⁵ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 5, 16.

⁶ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 91.

⁷ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право / под ред. В. Е. Гулиева и др. М., 1973. С. 516–517.

правовом смысле, а гражданско-правовом¹. Аналогичную классификацию представляли и теоретики государственного (конституционного) права В.С. Основин и Ю.П. Еременко².

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский выделили и структурные признаки правосубъектности коллективов:

1. Признание законодательства (исходя из интересов государства и общества). Отсутствие такого означает, что речь идет о простом объединении лиц, которые не несут правосубъектности, а то и вовсе запрещенные законом напрямую.

2. Единство лица. Это не простая сумма участников коллектива, а именно единое неделимое общественное образование. Из единства лица следует

3. Единство воли и

4. Единство цели.

Из этих признаков формируется и соответствующее понятие коллективного образования, которое как субъект права представляет собой «не всякое, а лишь такое признаваемое законом общественное образование, которое обладает единством воли и цели, обеспечиваемым определенной системой его организации»³.

Второй подход сложился в 70-е гг. XX в., когда В.Я. Бойцов взамен классической двухэлементной структуры деления субъектов права на индивидуальные и коллективные⁴ предложил рассматривать следующую

¹ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 203.

² Основин В.С. Советские государственно-правовые нормы и отношения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1965. С. 21; Еременко Ю.П. Нормы советских конституций: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 1968. С. 9.

³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 203-204.

⁴ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2009. С. 389; Бахрах Д.Н. Очерки теории российского права. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 9; Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 314-315; Малкова Н.А. Коллективные субъекты в российском праве: Учебное пособие. Самара: Издательство «Самарский Дом печати», 1999. С. 5.

классификацию субъектов права: социальные индивиды, социальные образования (организации) и социальные общности (народ, нации, трудовые коллективы и территориальные объединения людей) на основании того, что последние, в отличие от общностей, обладают структурной организованностью¹.

С.С. Алексеев также предлагает классифицировать субъекты права на три группы: индивидуальные, коллективные субъекты и общественные образования. В.И. Леушин и В.М. Сырых подразделяют субъекты права на индивидов, организации (государственные и негосударственные) и социальные общности (народ, нация, население региона и трудовой коллектив)². С.С. Алексеев и В.М. Сырых при этом выделяют государство в качестве обособленного, специфического социального образования.

Д.Н. Бахрах относит организации, социальные общности и структурные подразделения организации к коллективным субъектам права³. Отмечая, что организации вступают в правоотношения как юридические лица, Д.Н. Бахрах считает необоснованной позицию некоторых авторов⁴, которые подразделяют субъекты права исключительно на граждан и организации, в связи с тем, что «термин «организация» не охватывает всего разнообразия коллективных субъектов»⁵.

Для анализа коллективных субъектов права и достижения соответствующих целей исследования следует отдельно остановиться на категориях социальной общности и организаций.

¹ Бойцов В.Я. О круге субъектов советского государственного права // Сб. науч. тр. Уфа, 1970. Вып. 1. С. 79-93; Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. С. 77-85.

² Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова М., 2003. С. 356; Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2004. С. 322-323.

³ Бахрах Д.Н. Очерки теории российского права / Д.Н. Бахрах. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 10.

⁴ Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. - М.: Юристъ, 2004. С. 237; Мицкевич, А.В. Субъекты советского права / А.В. Мицкевич // Правоведение. - 1963. - № 4. - С. 130.

⁵ Бахрах Д. Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. №2. С. 122.

Категория «социальная общность» не является классическим правовым понятием, а ее содержание исследуется в рамках социологических наук. Соответственно, в правовой науке отсутствует не только ее определение, но и точные признаки, по которым социальные общности можно отграничить от тех же организаций. Для реализации данной цели полезно обратиться к достижениям социологических наук, а именно к вопросу о том, как следует конкретизировать содержание категории «социальная общность».

Впервые данный термин употребил Ф. Теннис, который описывал его как «реальную и органическую жизнь». По его мнению, общность представляет собой живой организм, в который индивиды включены с рождения и связаны через «общие радости и беды». Теннис различал «общности» как устойчивые формы совместного существования, и выделял среди них семью, религиозные и этнические группы, и противопоставлял их более механическим формам взаимодействия, таким как коммерческие или научные сообщества¹.

Т. Парсонс, в свою очередь, определяет общность как объединение лиц, обладающих определённым территориальным пространством, которое служит основой для осуществления их повседневной деятельности. По его мнению, общность не обязательно представляет собой самостоятельное целое, а может быть частью более крупных социальных структур².

Б. Мерсер отмечал, что социальные общности проявляют чувство единства, образуя отдельные группы. Польский социолог Я. Щепаньский в свою очередь, расширил понятие социальной общности, обозначив её как термин, охватывающий все формы объединений, где сохраняется определённая социальная связь – пусть даже и на короткий срок³.

¹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 9-10.

² Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 23, 95.

³ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 117.

По мнению В.А. Ядова, данное понятие служит связующим звеном между индивидуальным и общественным уровнями анализа: «социальная общность – это такая взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности»¹.

А. Г. Эфендиев рассматривает социальные общности как важный элемент социальных институтов, представляя их не как «новое телесное образование», а как «организованный комплекс социальных действий». Он классифицирует типы социальных общностей, включая мнимые (массы, агрегации), контактные (аудитория, толпа) и групповые (социально-демографические группы, статусные группы)². Коллектив, нацию и «многие другие общности» ученый определяет как «основные вместилища, посредством которых человек включается в решение личных проблем»³.

Г. Е. Зборовский предлагает акцентировать внимание на социальной общности как реальном связующем звене между личностью и обществом, охватывающем повседневную жизнь через различные формы объединений, такие как семьи, трудовые коллективы и этнические сообщества. Он считает, что изучение социальной общности помогает конкретизировать общество и понять возможности интеграции индивидов в социальные процессы⁴.

Разграничивая понятия «социальная общность» и «организация», Г. В. Осипов отмечает, что социальные общности первичны по отношению к организациям; они представляют собой структуры, объединяющие людей по определённым критериям, таким как: род занятий, религиозные убеждения, политические взгляды, общность проживания и др. Организацию же он

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2003. С. 12.

² Общая социология / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М., 2005. С. 276-277.

³ Общая социология / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М., 2005. С. 272.

⁴ Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социс. 2010. № 4. С. 4.

определяет как «высшую форму социальной общности» и, следовательно, понятия рассматриваемые понятия не должны смешиваться¹.

Социальная общность представляет собой группу людей, объединённых общими интересами, условиями бытия и деятельностью, что формирует единство через общие ценности, нормы и связи. В её основе лежит не только территориальная близость, но и более глубокие социальные связи, которые способствуют формированию ее идентичности и единства. Общности варьируются от более органических форм, таких как семья или этнические группы, до функционально ориентированных объединений, таких как трудовые коллективы или социальные группы.

Социальная общность является первичной по отношению к организации и связана с естественным объединением индивидов по социальным и культурным признакам – тогда как организация представляет собой более структурированную и управляемую форму общности.

Социальная общность является социальной во всех смыслах – ее происхождение обусловлено, в первую очередь, социальными причинами. К моменту вступления в конституционно-правовые отношения социальная общность уже сформировалась в общественной жизни. Характер формирования этих общностей может быть разнообразным. Например, речь может идти о социальных группах, которые по естественным причинам стали таковыми (например, лица с ограниченными возможностями, женщины, дети, молодёжь, пожилые люди, этнические группы и т.д.). Также объединение лиц может основываться на необходимости их совместного добровольного волеизъявления (например, избиратели, гражданские инициативные группы и т.д.). Данный признак позволяет чётко разграничить данные коллективные субъекты конституционно-правовых отношений и "искусственно созданные" субъекты, такие как профсоюзы, политические партии и общественные организации. Эти структуры создаются и функционируют в строгом

¹ Осипов, Г.В. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осипов. - М.: Норма, 2003. С. 266-267.

соответствии с законодательством, которое регулирует их деятельность и предписывает прохождение формальных процедур, включая регистрацию и получение юридического статуса.

В отличие от них, социальные общности не имеют формальной организационной структуры, не обладают статусом юридического лица и не подчиняются установленным законодательством процедурам, что выделяет их на фоне формализованных организаций. Зарегистрированные организации представляют собой независимые объединения, обладающие собственной внутренней структурой, правилами и регламентами, закрепленными в уставных документах. Так, Конституция РФ предусматривает для них определённые организационно-правовые формы, среди которых общественные объединения (ст. 13), профессиональные союзы и объединения работодателей (ст. 30), а также религиозные объединения (ст. 14). В отличие от формальных организаций, социальные общности не имеют чётко определённой структуры и органов управления, их деятельность не подкреплена уставными документами. Эти особенности усложняют определение их правосубъектности и разграничение по формальным критериям, поскольку социальные общности функционируют на менее формализованной основе, опираясь скорее на культурные и исторические связи, чем на юридическую регламентацию.

Таким образом, сама сущность понятия «социальная общность» позволяет отнести к ней все коллективные субъекты конституционного права¹. Исходя из этого, можно утверждать, что политические партии, религиозные организации, общественные объединения, национальные общности, инициативные группы граждан и другие коллективные субъекты в конституционном праве являются объединениями людей, члены которых находятся во взаимосвязи и взаимодействии между собой. Это позволяет

¹ Шахновская И.В. Коллективные субъекты конституционного права как социальные общности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2015. №14. С. 140.

отнести их к более общему понятию «социальная общность». Подтверждением тому может служить позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 24 октября 1996 г. N 17-П¹, согласно которой акционерное общество, товарищество и общество с ограниченной ответственностью (т.е. юридические лица) являются по своей сути объединениями. Этот подход по аналогии позволяет рассматривать религиозные организации, политические партии, общественные организации и профессиональные союзы как объединения людей, что, в свою очередь, подтверждает возможность отнесения их к социальным общностям.

Интерес к социальным общностям как субъектам конституционного права проявился относительно недавно, как отмечает В.Е. Чиркин, и объясняет он это запоздалое внимание к правам общностей в конституционном праве господствовавшим в прошлом тоталитарным режимом². В современных конституциях уже закреплены коллективные права социальных, национальных и этнических общностей, а также других коллективов, включая временные объединения. В качестве примера временных коллективов В.Е. Чиркиным приводятся инициативные группы избирателей, выдвигающие кандидатуру на должность Президента³.

Исследуя природу социальных общностей, Ю.А. Дроздова и Ж.С. Мартинсон указали на то, что «социальная общность – это не просто совокупность людей, объединенная общностью крови, родственных связей, деятельности, ценностей, территорией проживания <...>. Для социальной общности важно чувство идентичности и, самое главное, интенсивные

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 N 17-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об акцизах" // СПС Консультант-Плюс.

² Чиркин, В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе / В.И. Чиркин // Право и политика. - 2004. - № 4. - С. 10.

³ Чиркин, В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе / В.И. Чиркин // Право и политика. - 2004. - № 4. - С. 12.

взаимодействия между субъектами социального действия»¹. Вместе с тем указанные авторы разграничивают понятия «социальная общность» и «социальная группа», считая социальную группу разновидностью социальной общности, причем более сплоченной и структурированной.

С точки зрения конституционного права, социальные общности могут включать в себя такие субъекты, которые могут быть отнесены к категории «группы», но не «коллективы». Важно обозначить то, какая общность имеет право называться «коллективом» в контексте коллективных прав человека, поскольку данное обстоятельство имеет ключевое значение для освещения целого ряда обстоятельств.

На наш взгляд, не вполне корректно относить коллективные права к правам корпораций (включая юридические лица и профсоюзы). В отличие от организаций, существование которых зависит от юридического признания, некоторые меньшинства, например, национальные, представляют собой целостные общности, обладающие признанием еще до того, как им будут предоставлены формальные юридические права. В соответствии с Общим замечанием № 23 Комитета по правам человека к статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, права, предусмотренные этой статьей — такие как возможность сохранять культурные традиции, исповедовать религию и использовать родной язык совместно с членами той же общности, — необходимо различать с общими правами личности, «гарантированными Пактом для всех без исключения». Таким образом, государство обязано не только предоставлять представителям меньшинств особые права и механизмы их защиты, но и предпринимать усилия для самостоятельной охраны их прав и законных интересов. Более того, «существование этнических, религиозных или языковых меньшинств на

¹ Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С. «Разобщенность близких душ»: социальная аномия территориальной общности в период социальных трансформаций // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 1. С. 88.

территории государства-участника» определяется объективными критериями, а не волей самого государства.

Важнейшим таким критерием является связь между членами общностей, обладающими коллективными правами: каждый индивид в составе такой общности понимает, что реализация его прав связана не только с личными интересами, но и с интересами всей группы. Отсюда возникает принцип солидарности, который можно рассматривать как фундамент коллективных прав. В отличие от прав юридических лиц, основанных на формальных уставных целях и структурах, коллективные права меньшинств базируются на культурной и социальной идентичности, что подчеркивает значимость этих прав для поддержания их уникального статуса и укорененности в обществе.

Существование такого понимания, осознанности членства в коллективе, как справедливо отмечает Макдональд, является общественным фактом, а не вопросом юридического предписания¹. Этнические общности характеризуются уникальными признаками, такими как историческая устойчивость, культурная автономия, коллективное самосознание, передача традиций вне зависимости от государственной политики. Эти особенности делают их независимыми от государства образованиями, не зависящими от официальных процедур членства, вступления и выхода из состава общности участников, и обеспечивают устойчивость их идентичности вне зависимости от государства. Однако для получения определенного набора прав им все же необходимо признание государства.

Следует признать, что некоторые права, связанные с трудовой деятельностью, действительно обладают коллективным характером², однако это не означает автоматического распространения данного принципа на всю деятельность профсоюзов. Профсоюзы функционируют в качестве

¹ McDonald Michael. Should Communities Have Rights? Reflections on Liberal Individualism. Canadian Journal of Law and Jurisprudence, vol. 2, 1991. P. 218-219; 22, 327.

² Некоторые права могут осуществляться одновременно как индивидуально, так и коллективно: например, право на труд – в зависимости от того, какой формат трудовой деятельности сформирован на предприятии или в организации.

юридических лиц, и при проведении переговоров с работодателями их основная цель — представление интересов отдельных работников, которые добровольно объединяются на основе общей профессиональной заинтересованности. Это объединение направлено на защиту и улучшение условий труда членов профсоюза, а не на защиту самого профсоюза как самостоятельного сообщества.

В этом отношении становится очевидным, что реализация коллективных прав требует наличия множества индивидов, поскольку само понятие общности подразумевает взаимодействие нескольких человек, связанных общими интересами и целями. Один индивид не может составлять коллектив или сообщество; коллективное право существует только там, где группа лиц осознает себя как единую структуру, действующую ради общих интересов.

Существует ряд подходов к соотношению коллективных и групповых прав. Одни авторы считают их тождественными¹, другие рассматривают групповые права как часть более широкой категории коллективных прав², третьи — напротив, разграничивают их, отрицая группам право на институционализацию или выделение в отдельную правовую концепцию³. На наш взгляд, групповые права — это права, принадлежащие лицам, которые, во-первых, идентифицируют себя как часть конкретной группы⁴, и, во-вторых, автоматически включаются в группу по признакам, связанным с осуществлением определенных действий или обладанием набором прав и обязанностей⁵, — следует исключить из сферы коллективных прав.

¹ Мерекеева Л.К., Джаксыбаева Г.М. Общие тенденции конституционно-правового регулирования прав и свобод человека // Право и наука в современном мире. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. Р.В. Новиков, А.М. Бобров. М., 2018.

² Mitnick Eric J. Rights, Groups, and Self-Invention (Group-Differentiated Rights in Liberal Theory). Aldershot: Ashgate, 2016. P. 134.

³ Bauböck Rainer. 'Liberal Justifications for Ethnic Group Rights'. Christian Joppke and Steven Lukes (eds.), Multicultural Questions (Oxford University Press), 1999. P. 20.

⁴ Алешкова И.А., Дудко И.А. Коллективные права: актуальные аспекты теории и практики // Государство и право. 2017. № 6. С. 18.

⁵ Тимошук А.С. Этнос, идентичность, право // Сборник Материалов Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», посвященного 100-летию доктора исторических наук Фоата Тач-Ахметовича

Например, человек может относиться к категории «студенты», «юристы», «женщины» или «дети», при этом самоидентификация в данном случае не изменяет юридическую природу его прав и обязанностей: они остаются индивидуальными, даже если связаны с групповой принадлежностью. В некоторых случаях, как, например, для пенсионеров, права возникают на основании законодательных условий, установленных государством, но это также не изменяет индивидуальный характер прав и обязанностей. Иное бы предполагало, что группа лиц, имеющих право на определенные льготы (например, студенты и пенсионеры, пользующиеся льготами на транспорт или посещение культурных учреждений), могла бы приравниваться к общностям с признанными коллективными правами, таким как национальные меньшинства.

Если право распространяется на конкретную категорию лиц, его наличие не делает его коллективным, поскольку для его реализации не требуется коллективное действие. Каждый участник группы, на которого распространяется это право, осуществляет его индивидуально и независимо, выражая волю автономно от других лиц. Результаты использования таких прав также имеют персонализированный эффект, не оказывая влияния на других членов группы. Тем не менее, следует признать, что любая группа, даже не обладающая признаком внутреннего единства и общего действия, остаётся социальной общностью, поскольку объединена общими условиями или признаками, что и формирует ее особый статус в обществе.

Таким образом, для того чтобы обладать коллективным правом, коллектив должен быть цельной общностью, существующей постоянно, членство в таких образованиях должно быть социологическим (формирование коллектива может происходить и без вмешательства государства, но для реализации и защиты прав необходимо признание государства),

добровольным. Социальная общность не просто представляет собой сумму индивидуальных интересов и целей ее членов. В действительности она порождает новые, качественно отличные проявления, которые могут быть даже не очевидны на уровне каждого отдельного представителя: они должны проявлять схожие интересы, цели, взгляды, установки и проч.

Именно это новообразование, эти социальные качества второго порядка, и является ключевой характеристикой социальной общности. Она позволяет такой группе функционировать как единое целое с собственной внутренней структурой, где разногласия и различия во взглядах членов общности способствуют ее упорядочению и организованности. В результате общность формирует систему ценностей и их иерархию, которая определяет, какие цели и задачи являются приоритетными, а какие — второстепенными. Эта система ценностей, в свою очередь, влияет на выбор средств и способов достижения этих целей и удовлетворения интересов всей общности.

Так, Г. Олпорт справедливо отмечает, что «новый социальный субъект формируется на основе единства эмоционального и рационального аспектов в жизнедеятельности индивидов. Так, любая социальная группа или общность будет создаваться на основе сходства predispositions, т.е. предварительных установок, которые включают и рациональные и эмоциональные компоненты (оценки, ценности, стереотипы, значения и т.д.)»¹.

В рамках данного исследования под коллективами мы подразумеваем такие социальные общности, которые предполагают прочную солидаризацию индивидумов, исключая стихийно или случайно возникшие структуры, не имеющие долгосрочных общих целей и интересов. Хотя такие группы, как молодежь, женщины, пожилые люди, дети, и инвалиды, действительно выделяются из общества по своим уникальным качествам и интересам, они не всегда выступают в правоотношениях как единое целое.

¹ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 182.

Молодежь¹, например, хотя и обладает общими чертами — взглядами, интересами и готовностью к выполнению социально значимых функций, — не может быть признана субъектом права в полной мере. Каждый индивидуум в этой группе действует от собственного имени, а возрастной критерий, по которому они выделяются, не зависит от воли или сознания как самой молодежи, так и общества в целом. Это отличие особенно важно для понимания того, какие социальные общности могут быть признаны субъектами права и участвовать в правоотношениях как единое целое.

Аналогично, и другие группы, такие как дети, женщины, пожилые люди или инвалиды, хотя и выделяются по определенным критериям и могут обладать особыми правами или защитой, не всегда могут выступать в правовых отношениях в качестве коллективного субъекта. Соответственно, необходимо четко разграничивать социальную общность как социальную структуру, категорию социально-правовой науки и социальную общность как субъект права, участвующий в конституционно-правовых отношениях.

В отличие от общностей первого типа, формирующихся на основе объективных критериев (таких как возраст или физиологические особенности) и не обладающих политической правосубъектностью, социальные общности второго типа, такие как народ, нация или население конкретного муниципального образования, основаны на общих духовных и культурных факторах. Эти общности объединяет общее мировоззрение, религиозные убеждения, традиции и прочие элементы социального характера, создавая более сложную и прочную основу для коллективной идентичности. Такие связи имеют нематериальную природу, но играют ключевую роль в формировании устойчивых сообществ, обладающих более высоким уровнем

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" определяет данный термин следующим образом: «Молодежь, молодые граждане - социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации».

внутреннего единства и способных к политическому выражению и самоопределению.

Эти социальные общности обладают, как минимум, политической правосубъектностью, что позволяет им участвовать в государственном устройстве и принимать важные политические решения¹. Например, они могут принимать конституции (в условиях демократического государства), уставы субъектов федерации или муниципальных образований, участвовать в референдумах, а также реализовывать права сепарации и самоопределения, закрепленные в законе. Их правосубъектность таким образом выходит за рамки индивидуальных прав и приобретает коллективное измерение, позволяя этим общностям вступать в правовые отношения с другими субъектами права, будь то народы, нации, государства или юридические и физические лица.

Рассматриваемые политические правовые отношения отражают возможность социального взаимодействия на более высоком уровне, где права и обязанности определяются не только для отдельных членов общности, но и для самой общности как коллективного субъекта.

Сама же категория коллектива как субъекта права вызывает разногласия в науке конституционного права. Существуют различные подходы к этой проблеме. Один из подходов полностью отрицает возможность наличия правосубъектности у любых социальных или этнических общностей². Исходя из анализа норм современного конституционного законодательства, данная позиция кажется спорной, так как Конституция РФ признает существование ряда коллективов как субъектов конституционно-правовых отношений.

Согласно второму подходу, правосубъектностью могут обладать лишь временные группы, такие как группы избирателей или граждан,

¹ Завьялова, Н. Ю. Особенности правосубъектности социальных общностей, формируемых на основе общих духовных и культурных факторов / Н. Ю. Завьялова // Общество и право. – 2021. – № 4(78). – С. 105.

² Малько, А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах / А.В. Малько. - М.: Юристъ, 1999. – С. 166; Алексеев, С.С. Право: азбука, теория, философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. М.: Статут, 1999. – С. 80.

осуществляющих законодательную инициативу¹. Таким образом, в современной науке существуют противоречия относительно правового статуса социальных общностей, включая вопросы их правоспособности, дееспособности и деликтоспособности.

Можно утверждать, что в теории конституционного права имеют место подходы, которые отрицают возможность существования определенных элементов правосубъектности социальных общностей. Вместе с тем, существует обоснованное мнение, что такие общности могут обладать правоспособностью, не имея при этом дееспособности и деликтоспособности. На наш взгляд, правосубъектность социальных общностей трудно поддается разделению на стандартные элементы, что связано с их специфическими характеристиками как субъектов конституционно-правовых отношений: являясь коллективными по своему содержанию, данные субъекты выступают единым «лицом».

В целом конституционная правосубъектность коллективов может быть закреплена в законодательстве различными способами.

Во-первых, конституционная правосубъектность может быть выражена через наличие конкретной нормы конституционного права, которая устанавливает правовые отношения между социальной общностью и государством. Эти отношения могут включать гарантии реализации определенных прав или определение правового статуса. Например, в статье 13 Конституции РФ закрепляется равенство общественных объединений перед законом, а статья 15 – обязанность соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации.

Во-вторых, конституционное законодательство может устанавливать принципы, регулирующие отношения между коллективами или их взаимодействие с государством. Примером может служить статья 3

¹ Государство и право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости; под ред. Б.А. Стародубского [и др.]. М.: Высш. школа, 1977. 320 с.

Конституции, которая утверждает принцип народовластия, закрепляя полновластие народа в государстве.

В-третьих, конституционная правосубъектность может закрепляться через специальные правовые нормы, регулирующие статус конкретных коллективов. Эти нормы чаще всего находятся в специальных нормативных правовых актах, таких как Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹ или Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»². Данные нормативные правовые акты определяют конкретные права и обязанности для коллективов, обладающих особыми характеристиками и выступающими как субъекты конституционного права.

Наконец, конституционная правосубъектность может быть выражена через нормы, предоставляющие возможность реализации конкретных прав всем субъектам конституционно-правовых отношений. Эти нормы, такие как право на свободу объединений (статья 30 Конституции РФ) и право на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ), представляют собой универсальные конституционные права, распространяющиеся как на индивидуальных, так и на коллективных субъектов конституционного права.

Для полного понимания состава носителей конституционной правосубъектности коллективов рассмотрим некоторые аспекты правосубъектности отдельных коллективных субъектов конституционного права подробнее.

Если рассматривать правосубъектность народа в российской конституционной системе, то вопрос этот является предметом давней и непрекращающейся дискуссии среди правоведов. В соответствии с частью 1 статьи 1 Конституции РФ, Россия провозглашена демократическим

¹ Федеральный закон от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.

² Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 29.09.1997. № 39. ст. 4465.

государством. Демократизм российской государственности находит свое выражение в принципе народного суверенитета, закрепленном в части 1 статьи 3 Конституции РФ, которая гласит, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ. Это положение служит основой для понимания того, что народ является основным и единственным источником всей полноты государственной власти¹.

Признание народа источником суверенитета закрепляет его статус как основополагающей силы российской государственности, на которой базируется вся система принятия решений, касающихся государственных и общественных институтов. Суверенитет народа выражается в его полном праве устанавливать и формировать систему публичной власти, а также определять пределы ее полномочий. Только народ, как носитель высшей власти, обладает исключительным правом на определение основ и границ государственной власти, что подкрепляет принципы демократического устройства, что подчеркивает важность согласованности государственных решений с волей народа, поскольку только в рамках признания народного суверенитета государство может сохранять легитимность и устойчивость, действуя в интересах общества в целом².

Конституция Российской Федерации подчеркивает целостность и неделимость суверенитета, закрепляя принцип, согласно которому суверенитет принадлежит всему многонациональному народу Российской Федерации, а не отдельным частям населения, проживающим на территориях субъектов Федерации³. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 7 июня 2000 года⁴ подтвердил, что Конституция не допускает существования

¹ Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. С. 61-62.

² Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. С. 279.

³ Степанов И.М. Личность, общество и государство. М., 1966. С. 143.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных

какого-либо иного носителя суверенитета, кроме многонационального народа России, что исключает возможность признания суверенитета у отдельных субъектов Федерации.

Согласно части 4 статьи 3 Конституции РФ, никто не вправе присваивать власть в Российской Федерации, что закрепляет принцип, по которому суверенная власть исходит исключительно от народа. Этот принцип подчеркивает, что народ не только выступает носителем суверенитета, но и является единственным источником легитимности для государственных полномочий. Таким образом, многонациональный народ России играет ключевую роль не только как суверен, но и как первичный субъект, обеспечивающий правосубъектность всех остальных участников правовых отношений. Государственная власть, от имени которой законодатель наделяет правами и обязанностями лиц и организации, исходит от народа как первоисточника и фундаментальной силы конституционно-правовой системы¹.

Народ, как обладатель абсолютной правосубъектности, создал Российскую Федерацию в качестве демократического правового государства и установил ее основы через Конституцию². Именно народ формирует принципы устройства общества и государства, определяет форму правления и структуру высших органов государственной власти³. Эта роль народа как учредителя и гаранта устойчивости государства придает всей системе государственной власти легитимность и поддерживает ее связь с волей общества, что необходимо для демократического развития и правовой стабильности⁴.

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" // СПС Консультант-Плюс.

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 2003. С. 131.

² Бойцов В.Я. О государственно-правовом аспекте категории «народ» // Сборник ученых трудов. Вып. 1. Свердловск. 1970. С. 96.

³ Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 120.

⁴ Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 38-39.

Вопрос о том, обладает ли народ правосубъектностью, остается одной из наиболее сложных и дискуссионных тем в современной юридической науке, так как он напрямую связан с пониманием сущности народного суверенитета и путей его реализации в правовой системе государства. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что народ не имеет правосубъектности в юридическом смысле и не может выступать самостоятельным субъектом конституционно-правовых отношений¹. По их точки зрения, правосубъектность предполагает наличие конкретных прав и обязанностей, исполнение которых невозможно для народа как целого, поскольку народ проявляет свою волю исключительно через государственные органы и не участвует в правовых отношениях напрямую². Так, А.В. Мицкевич утверждает, что народ является категорией политической, а не правовой, и в сфере правовых отношений его воля должна находить свое выражение через специально созданные для этого организации³.

Действительно, выражение народной воли осуществляется преимущественно через избранных представителей, которые действуют от имени и в интересах всего народа или населения определенной территории. Народ осуществляет свою власть через избранные органы государственной власти и местного самоуправления, включая Государственную Думу, законодательные органы субъектов Федерации и Президента Российской Федерации. Эти институты представляют волю народа, выражая её через законодательные и управленческие решения. Однако, несмотря на значимость представительной демократии, она не охватывает всех форм народовластия.

Еще в советский период В.Ф. Коток отмечал, что народ, как суверенный носитель власти, реализует ее не только через представителей, но и напрямую,

¹ Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 40.; Алексеев А.А. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 84; Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 59.

² Алексеев А.А. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 84.

³ Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 42.

посредством таких механизмов, как референдум¹. Конституция Российской Федерации закрепляет за народом право осуществлять свою власть как непосредственно, так и через государственные органы и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3). Этот подход подчеркивает двойственную природу правосубъектности народа, которая позволяет ему реализовывать свои полномочия как напрямую, так и через представителей. Отказ признавать народ самостоятельным субъектом конституционно-правовых отношений, по сути, равнозначен отрицанию важности механизмов прямой демократии.

Согласно Конституции РФ, высшими формами выражения народной власти являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3). Принцип народного суверенитета придаёт особое значение этим формам прямого волеизъявления, через которые народ самостоятельно определяет ключевые государственные и общественные направления развития, формирует состав органов публичной власти и подтверждает легитимность государственной власти. Народное участие в управлении, таким образом, может проявляться не только опосредованно через представительные органы, но и непосредственно, что обеспечивает многоуровневую связь власти с обществом и усиливает её демократическую основу.

Вопросы, касающиеся порядка проведения референдума, подробно регулируются Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации»², который определяет референдум как всенародное голосование граждан Российской Федерации по вопросам государственного значения. Основные гарантии реализации гражданами права на участие в выборах и референдумах закреплены в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

¹ Коток В.Ф. Конституционные правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1964. № 1. С. 44-45.

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

Российской Федерации»¹. Выборы, согласно данному нормативному правовому акту, представляют собой форму прямого волеизъявления граждан с целью формирования органов государственной власти и местного самоуправления или наделения полномочиями должностных лиц.

В правовых отношениях, возникающих в процессе проведения референдумов и свободных выборов, народ неизбежно выступает одной из сторон. Право на участие в референдуме и право на участие в свободных выборах являются исключительными правами народа как субъекта государственно-правовых отношений². Через эти механизмы народ реализует свое субъективное право выразить волю путем формирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также путем принятия решений по вопросам государственного значения. Здесь очевидно, что непосредственная демократия имеет первичное значение по отношению к представительной демократии. Учреждение форм представительной демократии и выборных органов стало возможным благодаря волеизъявлению народа, проявленному на референдуме, в ходе принятия Конституции Российской Федерации.

Таким образом, правовые отношения, возникающие при проведении референдумов и выборов, опираются на конституционно-правовые нормы, что подтверждает наличие правосубъектности народа в этих процессах. Наличие в Конституции и законодательстве норм, регулирующих процедуры референдумов и выборов, указывает на то, что эти общественные отношения с участием народа охвачены правовым регулированием. Это свидетельствует о признании народа не просто пассивным объектом, но активным участником конституционно-правовых отношений, наделенным определенными правами и обязанностями.

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

² Советское государственное право / под ред. С.С. Кравчука. М., 1985. С. 18.

Следовательно, народ проявляет качества субъекта конституционно-правовых отношений, активно влияя на структуру и функционирование государственной власти. Признание правосубъектности народа через участие в выборах и референдумах укрепляет демократические механизмы и подчеркивает значение прямого и опосредованного волеизъявления в системе конституционного права.

Не совсем корректной представляется точка зрения, согласно которой народ не может быть субъектом правовых отношений, поскольку действует исключительно через государственные органы и их представителей. Такую позицию разделяют И.Е. Фарбер¹, В.Т. Кабышев и О.О. Миронов, утверждая, что правовые нормы реализуются исключительно через государственные структуры, а народ выступает лишь как субъект общественных, но не конституционно-правовых отношений. По их мнению, народная правосубъектность выходит за рамки права, и попытка определить народ как субъект конституционно-правовых отношений якобы ограничивает его социальную роль, сводя ее к исключительно политической².

Такой взгляд ставит под вопрос способность народа к прямому участию в правовых процессах, что может противоречить принципу народного суверенитета. С одной стороны, трактовка народа как субъекта исключительно общественных отношений подчеркивает его учредительную функцию и надправовой характер. С другой стороны, исключение народа из числа участников правовых отношений может ограничивать его роль в конституционно-правовой системе, снижая значимость прямого народного участия и влияния на систему государственного управления.

Тем не менее, такая позиция представляется недостаточно убедительной. Признание народа субъектом конституционно-правовых

¹ Фарбер И.Е. О применении норм советского социалистического права // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 19-20; Фарбер И.Е. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов: 1967. С. 59.

² Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 105.

отношений вовсе не умаляет его социального значения, а, напротив, подчеркивает его учредительную роль. Более того, как справедливо отмечает Н.В. Варламова, сам «факт притязания на самоопределение превращает этнос в нацию, народ, субъекта соответствующего права»¹. Права народа как суверенной и высшей социальной общности не ограничиваются юридическими рамками, поскольку именно народ, как источник власти, определяет направление развития общества и государства. Право регулирует наиболее важные общественные отношения, в упорядочении которых заинтересован сам народ как носитель суверенитета.

Кроме того, народ может выступать субъектом и иных конституционно-правовых отношений. Например, часть 1 статьи 82 Конституции Российской Федерации устанавливает, что Президент Российской Федерации при вступлении в должность приносит присягу народу, что подчеркивает конституционно-правовой статус народа и его важную роль в системе государственной власти. Признание народа субъектом конституционно-правовых отношений расширяет его возможности для реализации суверенитета, закрепляя его влияние на институты власти и подтверждая его право на участие в ключевых аспектах государственного управления как активного субъекта конституционно-правовых отношений.

Законодатель, признавая народ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, наделяет его качеством правосубъектности. Это признается необходимым условием для реализации народом своего суверенитета. В противном случае, трудно представить, каким образом народ может осуществлять свою власть².

Некоторые исследователи полагают, что непосредственным субъектом конституционно-правовых отношений является не весь народ в целом, а

¹ Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: Монография. М.: ИПП РАН, 2024. С. 506.

² Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969. С. 50.

каждый гражданин в отдельности¹. Согласно их точке зрения, участие народа в правовых процессах реализуется через индивидуальные права граждан, что исключает признание народа самостоятельным субъектом конституционно-правовых отношений. Они утверждают, что юридический механизм реализации народных прав основан на правосубъектности отдельных граждан, а не на правосубъектности народа как единой коллективной сущности².

Такой подход подчеркивает роль гражданина как основного участника правовых отношений и опирается на идею индивидуальной ответственности и правосубъектности в демократическом государстве. Однако он также ограничивает коллективную идентичность народа, сводя её к совокупности отдельных прав граждан, что может умалять значимость народного суверенитета как основы государственной власти. Признание народа в качестве единого субъекта конституционно-правовых отношений позволяет подчеркнуть единство и солидарность общества, особенно в вопросах, затрагивающих общенациональные интересы и суверенитет государства.

С одной стороны, реализация избирательного права отдельным гражданином на референдуме или выборах возможна только в рамках коллективного волеизъявления других граждан. Индивидуальные акты волеизъявления обретают юридическое значение лишь в контексте совпадения с мнением большинства³, что подчеркивает органическое единство народа как субъекта конституционно-правовых отношений⁴.

Важно не отождествлять народ с избирательным корпусом. Конституция Российской Федерации рассматривает референдум и выборы как

¹ Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 106-107; Фарбер И.Е. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов. 1967. С. 59; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 42.

² Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. №4. С. 40-41.

³ Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа. 1972. С. 109.

⁴ Коток В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № 1. С. 46.

высшие, но не единственные формы непосредственного волеизъявления народа. Отождествление народа с избирательным корпусом¹ приведет к ограничению народовластия только избирателями, что неприемлемо. Народ, как носитель суверенитета, может реализовывать свое волеизъявление и через другие формы прямой демократии, такие как митинги, демонстрации и народные инициативы.

Понятие «народ» также не следует отождествлять² с понятием «население», поскольку под последним может пониматься как фактическое население страны, так и граждане, обладающие правовой связью с государством. Конституция Российской Федерации закрепляет, что носителем суверенитета является многонациональный народ, объединенный общей судьбой и ответственностью перед Родиной.

Таким образом, в конституционно-правовом смысле народ представляет собой объединение всех граждан Российской Федерации, независимо от их возраста или места жительства. Юридически понятие «народ» идентично понятию «граждане» и отражает физический субстрат, на которой строится государство. Равенство прав и свобод всех граждан, гарантированное Конституцией, является основой объединения граждан в единую социальную общность — народ, являющегося одним из основных субъектов конституционного права.

В рамках конституционно-правовых отношений, наряду с народом как субъектом, выделяются и другие социальные общности, такие как нации и народности. Данные коллективные субъекты также играют значимую роль в формировании правовых отношений внутри Российской Федерации, которая является одним из самых полиэтнических государств в мире.

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. Свердловск, 1972. С. 276-298; Губенко Р.Г. Советский народ — субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 116; Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 324.

² Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном (государственном) праве. Сборник работ аспирантов. Саратов, 1968. С. 103-104.

Преамбула Конституции Российской Федерации 1993 года отражает полиэтничность страны, обозначая народ как «многонациональный». Это понятие подчеркивает единство всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, независимо от их этнической принадлежности¹. Конституция закрепляет принцип равноправия и самоопределения народов как один из основополагающих принципов федеративного устройства страны (часть 3 статьи 5).

В законодательстве Российской Федерации используются различные термины для обозначения социальных общностей, составляющих многонациональный народ. В Конституции РФ можно встретить термины «малочисленные народы» (статья 69), «малочисленные этнические общности» (пункт «м» статьи 72) и «национальные меньшинства» (пункт «в» статьи 71 и пункт 1 «б» статьи 72). Эти термины указывают на разнообразие этнических и культурных групп, составляющих население страны.

Однако, несмотря на широкое использование данных понятий в законодательстве, их точное содержание не всегда раскрывается. Например, Федеральный закон «О национально-культурной автономии»² использует термин «этнические общности», не давая ему точного определения.

Правовой статус этих коренных малочисленных народов России был установлен Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», а их перечень был закреплен Постановлением Правительства Российской Федерации «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»³. Согласно статье 1 указанного Закона, коренными малочисленными народами считаются те, кто:

¹ Мамут Л.С. Комментарий к преамбуле Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: Комментарий / под общей ред. Б.Н. Топорнина. М., 1994. С. 56.

² Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // СЗ РФ. 17.06.1996, № 25. Ст. 2965.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ от 2000 г. № 14. Ст. 1493.

- Проживает на традиционных территориях своих предков,
- Сохраняет традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы,
- Насчитывает менее 50 тысяч человек в Российской Федерации,
- Осознает себя самостоятельной этнической общностью.

Из всех используемых в федеральных правовых актах рассматриваемых терминов, только определение «коренные малочисленные народы» получило более четкое объяснение. Несмотря на то, что Конституция не разделяет национальные общности на категории и не проводит различий в их правовом статусе, на практике существует разница в правовом положении различных групп. Эта разница обусловлена объективными факторами, такими как уровень развития и образ жизни. Например, некоторые народы имеют высокоразвитые экономические отношения и систему образования, тогда как народы Севера могут сохранять патриархально-родовой строй и традиционное хозяйствование, включая охоту, рыболовство и оленеводство¹. Как справедливо заметил русский философ Н. Бердяев, «каждая национальность в разные периоды своего существования имеет разные права», подчеркивая, что исторические национальности имеют различные права, и эта иерархия прав не может быть уравнена².

Некоторые авторы³ хотя и признают национальные общности субъектами конституционно-правовых отношений, полагают, что они таковыми являются лишь до момента реализации права на самоопределение и создания национальной государственности⁴. В этом случае участие наций и народностей ограничивается вопросами формирования государственно-национальных образований.

¹ Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. С. 52-53.

² Бердяев Н. Судьба России. М., 1998. Т. 2. С. 551.

³ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 59; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 143; Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961. С. 36.

⁴ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 127; Алексеев А.А. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 84; Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 42.

Однако, право на самоопределение не исчерпывается только образованием определенной формы государственности. После создания своей государственности нация продолжает существовать и представлять свои интересы через органы государства, но до этого момента ей приходится действовать непосредственно¹. Право на самоопределение включает и другие аспекты, не ограничиваясь только созданием национального государства.

При рассмотрении участия наций и народностей в конституционно-правовых отношениях В.Я. Бойцов справедливо указывал на необходимость различия между отношениями, где нации и народности являются непосредственными субъектами, и теми, в которых они представлены через созданные государственные образования². Ю.Г. Судницын предлагает разделить формы реализации конституционной правосубъектности наций и народностей на опосредованные (косвенные) и непосредственные (прямые), что позволяет точнее определить их участие в конституционно-правовых отношениях³.

Нации и народности являются активными участниками множества общественных отношений, регулируемых различными отраслями права. Одним из значимых аспектов их участия являются конституционно-правовые отношения.

Примером может служить участие наций и народностей в местных референдумах, особенно когда вопросы касаются их прав и интересов. В соответствии со статьей 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии», национально-культурная автономия имеет право участвовать через своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций.

¹ Коток В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1964. С. 83.

² Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. С. 125.

³ Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт сравнительного государственно-правового исследования). Дисс. докт. юрид. наук. Свердловск, 1967. С. 103-104.

Сосуществование множества наций и народностей в Российской Федерации естественным образом приводит к формированию межнациональных и национально-государственных отношений, которые регулируются нормами конституционного права. Эти нации и народности, являясь субъектами таких отношений, обладают конституционными правами и обязанностями, что подтверждает их правосубъектность в рамках конституционно-правовой системы. Как отмечает Б.В. Щетинин, нации и народности являются субъектами правовых отношений, даже если их права часто реализуются через государственные органы или общественные объединения¹. Хотя нации и народности обычно осуществляют свои права через государственные или общественные структуры, их статус как субъектов конституционно-правовых отношений остаётся неоспоримым².

В системе субъектов конституционно-правовых отношений общественные объединения представляют собой особую категорию участников, обладающих внутренней организованностью и не являющихся частью государственных органов или органов местного самоуправления.

Право на объединение, признанное одним из основных политических прав человека, зафиксировано в ведущих международных документах. В соответствии со статьей 20 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, каждому предоставлено право свободно участвовать в мирных собраниях и ассоциациях, при этом никто не должен подвергаться принуждению к вступлению в какую-либо организацию. Международный пакт о гражданских и политических правах развивает эту норму, утверждая, что каждый человек обладает правом на свободу ассоциации, включая создание и членство в профсоюзах для защиты своих интересов. Согласно этому документу, данное право может быть ограничено только при соблюдении законных оснований и исключительно в тех случаях, когда это

¹ Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969. С. 50

² Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 328-329.

необходимо для обеспечения таких интересов, как государственная безопасность, общественный порядок, охрана здоровья и морали или защита прав других лиц.

Конституция Российской Федерации также закрепляет право на объединение, предоставляя гражданам свободу создавать общественные объединения и участвовать в их деятельности, при соблюдении установленных ограничений. Конституция гарантирует, что каждый гражданин вправе вступать в объединения, включая профсоюзы, для защиты своих интересов (часть 1 статьи 30), и никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение против своей воли (часть 2 статьи 30).

Более того, Конституция устанавливает принцип равенства всех общественных объединений перед законом, что исключает возможность дискриминации организаций по признаку их целей или состава. В то же время запрещены те объединения, которые ставят своей целью насильственное изменение конституционного строя, подрыв целостности государства, создание вооруженных формирований или разжигание межнациональной, социальной, расовой и религиозной розни (части 4 и 5 статьи 13).

Эти положения подчеркивают значимость права на объединение для развития гражданского общества, но также фиксируют необходимость защиты государственных интересов и общественной безопасности. Такой подход позволяет сохранить баланс между личной свободой и общественным порядком, а также подчеркивает, что свобода ассоциации может быть ограничена, если объединение угрожает целям правового государства или стабильности общества.

С.А. Авакьян подчеркивает, что наличие общественных объединений является одной из ключевых характеристик конституционного строя Российской Федерации, а право на объединение — неотъемлемое и фундаментальное право каждого человека и гражданина¹. Это право

¹ Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовые основы). М., 1996. С. 68.

реализуется как путем непосредственного объединения граждан, так и через создание юридических лиц — общественных организаций, что позволяет гражданам объединяться для достижения общих целей. Конституция Российской Федерации, в части 1 статьи 30, гарантирует это право каждому, вне зависимости от их статуса или интересов.

Таким образом, конституционное закрепление права на объединение отражает стремление обеспечить гражданам возможность коллективного выражения своих интересов и ценностей, формируя основу для гражданского общества. Разнообразие форм, в которых может реализовываться это право, подчеркивает гибкость конституционной системы в поддержке общественной активности и содействии созданию объединений, направленных на защиту и реализацию интересов общества.

Правосубъектность различных общественных объединений регулируется специальными законами, принятыми в развитие Федерального закона «Об общественных объединениях»¹: Федеральный закон «О политических партиях»², Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»³ и т.д.

Общественные объединения участвуют в различных правовых отношениях, и их правосубъектность проявляется через их права и обязанности в конституционно-правовых отношениях.

Правосубъектность политических партий и иных общественных объединений реализуется не только в рамках выборных и избирательных процессов, но и в других конституционно-правовых отношениях.

Одним из важнейших элементов правовой деятельности общественных объединений является право на проведение публичных мероприятий. В соответствии с Федеральным законом от 19 июня 2004 года «О собраниях,

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1930.

² Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О политических партиях» // СЗ РФ. 16.07.2001. № 29. Ст. 2950.

³ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 29.09.1997. № 39, ст. 4465.

митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», организаторами таких мероприятий могут выступать политические партии, общественные объединения и их региональные структуры, принимая на себя ответственность за их организацию и порядок проведения. Кроме того, часть 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает возможность проведения публичных богослужений и религиозных обрядов в порядке, установленном для митингов, шествий и демонстраций. Законодательство, регулирующее порядок проведения публичных мероприятий, позволяет различным объединениям выражать свои взгляды, идеи и верования публично, что способствует реализации права на свободу собраний.

Конституционно-правовые отношения также складываются в процессе представления и защиты политическими партиями и общественными объединениями прав и законных интересов своих членов и других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и различных общественных структурах. Участие этих объединений в правозащитной деятельности позволяет не только укреплять связи между гражданами и государственными институтами, но и способствует расширению общественного контроля за действиями власти. В частности, общественные объединения имеют право обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации в случае нарушения конституционных прав и свобод граждан (статья 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹). Общественные объединения также могут реализовывать свое право законодательной инициативы в законодательных органах государственной власти субъектов.

Хотя исследование вопросов конституционного права на свободу объединения часто сосредоточено на аспектах создания и функционирования общественных объединений, понятие «право на объединение» можно

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

трактовать более широко, охватывая возможность формирования разнообразных человеческих сообществ. Так, профессор С.А. Авакьян предлагает рассматривать право на объединение как основу для организованного взаимодействия граждан, из которого возникает их общность. Эта общность может быть как формализованной (например, политические партии, профсоюзы), так и неформализованной (например, временные коллективы, такие как избирательные корпуса или инициативные группы граждан)¹.

Таким образом, коллективные субъекты конституционного права демонстрируют разнообразие форм и функций в правовой системе, обеспечивая реализацию их прав и защиту интересов в рамках конституционно-правовых отношений. Их активное участие в общественных и политических процессах подчеркивает значимость конституционного регулирования для обеспечения прав и свобод различных групп населения.

Коллективные субъекты права — это юридически и социально значимые образования, обладающие правосубъектностью и выступающие активными участниками конституционно-правовых отношений. Их существование отражает потребность индивидов объединяться для реализации общих интересов, что делает такие субъекты неотъемлемой частью правовой системы.

Категории коллективных субъектов варьируются от социальных общностей, таких как нации, народности, общественные объединения, до временных формирований (например, инициативные группы избирателей). Каждая категория обладает уникальными признаками правосубъектности, которые обеспечивают её способность участвовать в правовых отношениях.

Правосубъектность коллективных субъектов состоит в способности обладать правами, обязанностями и участвовать в правовых отношениях, что закрепляется как в конституционных, так и в иных нормативно-правовых

¹ Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. - М.: Юристъ, 2005. -Т. 1. С. 618.

актах. Конституция России гарантирует коллективным субъектам права и свободы, закрепляя их равенство перед законом и устанавливая пределы их деятельности.

Коллективные субъекты конституционного права, включая нации, народности и общественные объединения, играют важную роль в системе правовых отношений, регулируемых Конституцией и федеральными законами. Нации и народности, как самостоятельные участники конституционно-правовых отношений, имеют специфические права и обязанности, вытекающие из их статуса и уровня развития. Они могут участвовать в формировании законодательных органов, выдвигать инициативы, и защищать свои интересы в рамках конституционного регулирования. Специфические права коренных народов и малочисленных народностей закреплены в законодательных актах, что подчеркивает их особое положение в правовой системе.

Общественные объединения, в свою очередь, включают политические партии, профсоюзы, религиозные объединения и другие формы, которые могут реализовать свои права в рамках конституционно-правовых отношений. Эти объединения обладают правом на участие в выборах и референдумах, организацию публичных мероприятий, а также в других сферах, где их правосубъектность проявляется через возможность участия в политических и социальных процессах. Общественные объединения также имеют право на международные связи, что расширяет их правосубъектность за пределы национальных границ.

Глава 2. Современные проблемы реализации коллективных основных прав и свобод граждан

2.1. Индивидуальные и коллективные права в системе прав человека

Современная концепция прав человека базируется на двух основных принципах: признании человека как высшей ценности и равенства всех людей. Эти идеи имеют первостепенное значение для демократических государств, которые, будучи участниками международного сообщества, обязаны обеспечивать защиту прав человека и уважение к личности не только в национальных, но и в международных рамках. Соответственно, обеспечение этих прав становится задачей, выходящей за пределы национальной юрисдикции и затрагивающей глобальные интересы.

Эти принципы могут быть применимы и к коллективным правам, но их реализация в этом контексте сопряжена с определенными трудностями. В частности, нелегко найти способ, который позволит учесть как уникальные права групп, так и права индивидов внутри этих групп, не ущемляя ценности каждого отдельного человека. Это требует более детализированной разработки правового подхода к коллективным правам, с тем чтобы гармонизировать потребности социальных групп и индивидуальные права, поддерживая демократический и правовой баланс.

Вопрос о соотношении коллективных и индивидуальных прав остается недостаточно проработанным, а само содержание коллективных прав до конца не определено. Сложности в понимании этого соотношения, вероятно, связаны с доминирующей либерально-демократической теорией, которая является основой правовых систем большинства современных развитых государств. Либеральная теория традиционно делает акцент на правах и свободах личности, что часто усложняет включение коллективных прав в правовую систему, где приоритет отдается индивидуальной автономии и

личным свободам. Согласно классической либеральной теории Дж. Локка, каждый человек обладает равным набором естественных прав. Подчинение политической власти возможно только в том случае, если оно основано на согласии управляемых им лиц и защищает основные права всех без исключения: «единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества... Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы»¹. Локк утверждал, что большинство вправе обязывать своим решением тех, кто не согласен полностью или частично, тем самым создавая основу для теории коллективных прав, исходящих из равных и индивидуальных прав. В свою очередь, республиканская демократическая теория, разработанная Ж.-Ж. Руссо, придерживается иной концепции: суверенитет народа воплощается не в воле большинства, а в общей воле, которая по его представлению является неделимой. Руссо полагал, что для обеспечения полной реализации общей воли в государстве не должно существовать политических партий, поскольку их деятельность нарушает свободу человека и подрывает истинное народовластие: «человек теперь при принятии решений в большей степени руководствуется уже своей партийной принадлежностью, выбирает не как гражданин, а как член партии»².

Таким образом, Ж.-Ж. Руссо и Д. Локк в своих концепциях легитимной власти исключают роль меньшинств и политических партий. Их теории получили свое развитие во времена Французской революции, когда вместе с

¹ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 137–405.

² Ситникова Ю.В. Политические идеи Руссо и современность // Вестник Омского университета, 2006. – № 1. – С. 59-62, 61.

провозглашением индивидуальных прав и национального суверенитета усилилось негативное отношение к политическим партиям и меньшинствам.

В основе классического либерализма лежит культурно однородное национальное государство, а республиканская демократия предполагает необходимость существования государственной религии, которая призвана укрепить дух единого народа¹. По мнению Дж.Ст. Милля, «свободные установления» в государстве требуют согласованного общественного мнения, вследствие чего их существование невозможно в стране, состоящей из представителей различных национальностей – при условии отсутствия национальной солидарности². Д. Ролз продолжил традицию либерального индивидуализма национального государства³. Джон Актон утверждал, что [насильственное] объединение государства с нацией, подчиняющее не связанные (исторически, духовно, идейно) с этим государством национальные меньшинства, нарушает «национальные права», в том числе и право на самоопределение⁴. Концепция правящего большинства естественным образом предполагает существование подчиненного меньшинства, что не противоречит основным правовым принципам, поскольку каждому члену меньшинства, независимо от его принадлежности к конкретной группе, гарантированы определенные права. Более того, состав большинства и меньшинства не является неизменным — каждый человек, в зависимости от обстоятельств и обсуждаемых вопросов, может оказаться как в одной, так и в другой группе. Однако, несмотря на эту динамику, вопрос защиты коллективных прав меньшинств в условиях господства большинства остается нерешенным и требует дальнейшего внимания.

¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», 1998. С. 321.

² Милль Дж.Ст. О представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006. – С. 316.

³ Дж.Ст. Милль О представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006. – С. 316.

⁴ См.: Лорд Дж. Актон. Очерки становления свободы. – Челябинск: Социум, 2016. – 315 с.

Исторический анализ показывает, что формирование современных государств часто сопровождалось процессами доминирования крупных наций и интеграции традиционных сообществ. В результате многие национальные государства представляют собой сложные, культурно неоднородные общества. Массовая миграция, вызванная поиском лучших условий жизни, привела к образованию национальных меньшинств, формирующих коллективы с собственными ценностями и интересами, которые порой расходятся с доминирующими в обществе и могут оставаться незамеченными или игнорироваться.

Кроме того, некоторые социальные группы, такие как женщины и лица с инвалидностью, оказываются в уязвимом положении из-за исторически сложившихся социальных и культурных факторов. Чтобы устранить такие неравенства, правовые системы вводят меры, известные как «позитивная дискриминация», предоставляющие определенные привилегии или права для уравнивания возможностей. Этот подход, направленный на создание равных условий для всех, признает необходимость адаптивного правового регулирования, чтобы интегрировать разнообразные социальные группы в единое правовое пространство, где права всех участников, включая уязвимые группы, будут защищены и признаны¹.

Предоставляемые права могут носить коллективный характер (но не являться коллективными по своей сути: например, квоты на представительство женщин в законодательно-представительном органе), однако чаще всего их притязания на равные правовые возможности удовлетворяются путем предоставления индивидуальных прав.

Индивидуальные и коллективные права имеют сходные исторические корни и общие теоретические основания. Как отдельные личности, так и коллективы на протяжении мировой истории подвергались различным формам угнетения, и одним из выходов из этих ситуаций стало признание прав

¹ Котленко Н.С. Проблема позитивной дискриминации сквозь опыт Соединённых Штатов Америки и России // Вопросы российской юстиции. – 2019. – С. 182.

человека на институциональном уровне. Эти права были обеспечены системой гарантий и особым механизмом защиты и охраны. Сегодня существование коллективных прав не вызывает особых споров: очевидно, что существуют права, реализуемые группой людей совместно.

Тем не менее, в теории конституционного права встречаются мнения, что правоспособность принадлежит исключительно индивидуумам. Эта точка зрения поднимает важный вопрос о правосубъектности коллективов и о том, каким образом права, признаваемые за группами, могут быть совместимы с индивидуальными правами. В условиях современных демократических систем, где высоко ценятся как личные свободы, так и коллективные интересы, развитие правовой базы для защиты прав как индивидов, так и сообществ остается актуальной задачей, требующей дальнейшего теоретического и практического обоснования.

Права определяются нормами, которые регулируют отношения между субъектами, обладающими правами, и теми, кто несет обязанности, вытекающие из этих прав. Такие нормы накладывают ограничения на действия ответственных субъектов. Основанием для возникновения права, с одной стороны, является наличие законного интереса у лица, а с другой стороны — свобода выбора лица, обладающего правом, относительно того, как будут наложены ограничения на лицо, ответственное за исполнение обязательств. Интерес лица может служить основанием для предоставления ему права, но само право предполагает, что у другого лица может возникнуть обязанность, исполнение или неисполнение которой остается в рамках решений носителя права.

Этот подход подчеркивает гибкость правовой системы, которая позволяет балансировать интересы различных сторон в правовых отношениях. Он также указывает на значимость добровольного выбора со стороны носителя права и необходимость учитывать интересы других субъектов, на которых возлагаются обязанности.

Данная позиция была подробно изложена Дж. Разом. По его мнению, «А имеет право на х только в том случае, если заинтересованность А в наличии х является достаточной причиной для возложения обязанности на В»¹. В этом случае интересы, а значит, и права определяются конечными ценностями². Дж. Раз утверждает, что интересы разных людей могут конфликтовать между собой, так как разногласия, связанные с различными ценностями, могут препятствовать согласию в отношении прав. Даже если люди приходят к общему мнению о некоторых правах, риск споров, вызванных несовместимостью фундаментальных ценностей, остается высоким. В то же время наличие общего интереса становится ключевым условием для возникновения коллективного права. Именно общие интересы и ценности позволяют выявить связь между индивидуальными и коллективными правами, поскольку они служат основой для формирования прав.

Общий интерес может обосновывать коллективное право, как, например, интерес в самоопределении обосновывает коллективное право на самоопределение. При этом индивидуальное право на самоопределение в подобном контексте не может существовать, поскольку коллективное самоопределение подразумевает определенные ограничения на действия других лиц: интересы одного человека не могут оправдать возложение такого бремени на общество. Очевидно, что люди стремятся развиваться в едином, хотя и разнообразном сообществе, но именно коллективы, такие как нации и народы, обладают правами на самоопределение. На наш взгляд, это объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, интересы коллектива могут быть настолько значимы, что оправдывают наложение определенных обязанностей и ограничений на других лиц, при этом численность группы не должна играть определяющей роли. Если бы права зависели от масштабов общности, это могло бы создать

¹ J. Raz. *The Morality of freedom*. Oxford, Clarendon. 1986. Pp 174, 190, 194, 207-209, 288-289.

² J. Raz. *The Morality of freedom*. Oxford, Clarendon. 1986. Pp. 216, 150-157. 308-313.

риск нарушения индивидуальных или коллективных прав, особенно когда интересы конкурирующих групп разного размера вступают в конфликт.

Во-вторых, коллективное благо, на которое направлен интерес определенной общности, часто требует совместной реализации, и здесь интерес одного человека не может превалировать над интересом всей группы, объединенной этим общим благом. В противном случае отдельное лицо получило бы возможность навязывать свою волю большинству. Но и наоборот, общность, даже если её интересы важны для её членов, не может заставить других людей или группы следовать её интересам, например, принимать её образ жизни. Этот баланс предполагает, что коллективные права защищают значимые для группы интересы, оставаясь в границах, которые исключают посягательства на права и свободы других. Такой подход позволяет учитывать разнообразие интересов в обществе и предотвращает потенциальные конфликты между коллективными и индивидуальными правами.

Коллективные права человека имеют самостоятельный характер и не могут быть сведены к индивидуальным правам, хотя между этими категориями существует тесная связь. Каждое коллективное право — это не просто сумма прав отдельных членов группы, но оно может основываться на признании индивидуальных прав и находиться в зависимости от них. Важность коллективных прав заключается в их способности решать широкий спектр задач, в том числе обеспечивать справедливость, балансировать интересы и способствовать поддержанию мира и согласия¹. Однако между индивидуальными и коллективными правами заложено фундаментальное противоречие: в случае конфликта встает вопрос, должны ли первенствовать

¹ Дерябина Е.М. Изменение взглядов на права человека под воздействием процессов глобализации и регионализации // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред.: Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. С. 41.

интересы отдельного человека или группы. Этот вопрос по-прежнему остается одной из ключевых проблем конституционного права.

Хотя теория коллективных прав не может полностью устранить эту дилемму, их признание и стремление к согласованию с индивидуальными правами способствуют смягчению границ между личными и коллективными интересами. Такое взаимодействие признает важность как индивидуальной автономии, так и коллективной солидарности, укрепляя правовую систему за счет признания этих ценностей. В результате правовое признание коллективных прав может создать более гибкий и инклюзивный подход к управлению интересами всех участников общества, уменьшая риск столкновений между личными и групповыми интересами.

В теории конституционного права в отношении подходов к пониманию содержания коллективных прав человека сложились различные точки зрения. М.А. Южанин выделяет пять подходов к определению коллективных прав:

1. Индивидуальные права, реализуемые в коллективе совместно с другими людьми (так называемое коллективное измерение индивидуальных прав);
2. Общие права человека и гражданина применительно к членам определенной группы;
3. Специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории;
4. Правомочия организации;
5. Права социальной общности, как таковой (групповые права)¹.

Один из распространенных подходов к пониманию коллективных прав заключается в том, что коллективные права рассматриваются как права, изначально принадлежащие индивидам, но реализуемые в составе коллектива.

¹ Южанин М.А. «Коллективные права» этнических общностей: анализ социально-правовой концепции // «Мир» (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 3 (7). С. 105-110.

При этом коллективность понимается скорее как форма реализации права, а не как его содержательная характеристика.

Так, по мнению Б. Дж. Сингера, коллективные права представляют собой права, которыми индивиды обладают в силу своей принадлежности к определенной группе или подсообществу¹. Поскольку эти права реализуются коллективно, Сингер полагает, что их можно считать правами подсообщества, хотя фактически они принадлежат каждому члену в отдельности. Этот взгляд позволяет рассматривать коллективные права как средство поддержания групповой идентичности и солидарности, но при этом оставляет за индивидуумом свободу пользоваться правами в рамках общего пространства, что подчеркивает их индивидуальную значимость даже в коллективном контексте.

Некоторые права по своей природе могут быть исключительно коллективными, как, например, свобода объединений, которая в первую очередь обеспечивает саму возможность формирования сообществ. Е.Р. Зайцева приводит в пример такие коллективные права, которые принадлежат каждому индивидуально, но могут быть реализованы только совместно с другими людьми. К ним относятся право на петицию (ст. 51 Конституции РФ), право на объединение (ст. 50), а также право на проведение митингов, шествий и демонстраций (ст. 49).

Эти права подчеркивают значимость коллективных действий для реализации определенных свобод, поскольку они формируют условия для активного гражданского участия и выражения общественных интересов. В этом отношении коллективные права служат важным инструментом поддержки социальной сплоченности и общественного диалога, демонстрируя, что некоторые свободы могут быть достигнуты и защищены

¹ Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического многообразия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 94.

только через коллективное взаимодействие и поддержку со стороны других членов общества¹.

По мнению А.А. Ковалева, «коллективными правами может пользоваться как весь народ, вся нация, так и отдельные лица, их образующие»². А.В. Шавцова определяет коллективные права и свободы человека как «совокупность прав и свобод, особенность которых состоит в возможности реализации их группой лиц, коллективно»³.

Конституция Сербии содержит редкое для основных законов положение, признающее существование коллективных прав и дающее ориентиры для их определения. В соответствии с пунктом 1 статьи 75 Конституции Сербии, «лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, должны гарантироваться особые личные и коллективные права в дополнение к правам, гарантированным всем гражданам Конституцией. Личные права реализуются индивидуально, а коллективные права — совместно с другими лицами, в соответствии с Конституцией, законом и международными соглашениями». Из этого положения видно, что ключевым признаком, определяющим природу права, является способ его реализации: личные права предназначены для индивидуального исполнения, тогда как коллективные права требуют совместных действий.

Этот подход подчеркивает важность отличий в способах реализации прав и признает, что некоторые права могут быть защищены и использованы только через взаимодействие с другими людьми. Конституция Сербии делает важный шаг: она не только подтверждает наличие коллективных прав, но и предоставляет им отдельный правовой статус, что может служить примером для дальнейшего развития правовых систем в направлении более четкого

¹ Зайцева Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод граждан: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1993. С. 44.

² Ковалев А. А. Проблема «коллективных» прав народов в международном праве // Советский ежегодник международного права. М., 1986. С. 158.

³ Шавцова А.В. Коллективные права и свободы человека // Белорусская юридическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. Минск, 2009. С. 49-50.

разграничения индивидуальных и коллективных прав и их способов реализации.

Данный подход к разграничению индивидуальных и коллективных прав (исходя из критерия совместности действий) является распространенным в научной литературе. Д.Г. Реом, к примеру, считает, что исходное различие между индивидуальными правами, защитой индивидуальных интересов и коллективными правами, защитой коллективных интересов сводится к критерию «совместности» их реализации¹. Право рассматривается как благо, и если индивидуальный интерес в «благе осуществляется индивидуально», коллективный интерес «может быть реализован только совместно (коллективно)»².

Аналогичный критерий ставится в основу понимания и отечественными учеными. В.И. Червонюк считает, что коллективные права – это такие права, реализация которых требует «коллективных действий граждан»³. Схожей точки зрения придерживается и Н.В. Варламова⁴.

Среди ученых бытует мнение, что теоретическое конституирование категории коллективных прав в подобном прочтении нецелесообразно, поскольку коллективная реализация не меняет сущности права. Как отмечает А.Г. Осипов, осуществление личного права на вступление в брак лишь при условии совместности его реализации с другим субъектом не делает данное право коллективным⁵.

На наш взгляд, понимание сущности коллективных прав не приносит существенной пользы для теории права, поскольку многие индивидуальные права, такие как обращение в суд, могут реализовываться коллективно, если

¹ Reaume Denise G. The Group Right to Linguistic Security: Whose Rights, What Duties (1994). Group Rights, Judith Baker, ed., University of Toronto Press, 1994. P. 120.

² Ibid., p. 121.

³ Конституционное право России. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2002. С. 119.

⁴ Варламова, Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 157.

⁵ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 102.

так решат сами граждане. Кроме того, вызывает сомнение тезис о том, что права на митинг, шествие и демонстрацию принадлежат исключительно коллективам, а не индивидам. Эти права, реализуемые совместно, изначально принадлежат каждому индивидууму и отражают его возможность участвовать в общественной жизни через коллективные действия, а не через правосубъектность группы как самостоятельного образования. Возникает вопрос: как может принадлежать субъекту право, которое он самостоятельно не в силах реализовать?

Субъективное право по своей природе принадлежит конкретному индивиду и предполагает возможность его самостоятельного усмотрения и распоряжения предоставленными ему возможностями. Даже если реализация такого права требует коллективного участия (например, как в случае с правом на митинг или демонстрацию), сама его сущность остается индивидуальной. Коллективность здесь выступает лишь как форма, в которой выражается и защищается это право, но сама по себе она не изменяет его природы. Каждый участник коллективного действия действует как самостоятельный носитель права, осуществляющий свое волеизъявление наряду с другими, а не как часть единого коллективного субъекта.

Сам факт, что право реализуется коллективно, не превращает его в «коллективное право». Это остается индивидуальным правом, которым каждый может воспользоваться по своему усмотрению, хотя для достижения большей эффективности он может сделать это в сотрудничестве с другими. Индивидуальная природа права сохраняется даже при объединении усилий граждан в рамках коллективного действия.

Коллективные формы реализации индивидуальных прав, такие как митинги, шествия или коллективные обращения, выполняют, прежде всего, функциональную роль, обеспечивая гражданам возможность более эффективно осуществлять свои индивидуальные права и защищать личные интересы. Эти формы выступают лишь инструментом, средством для усиления воздействия, однако не меняют правовую природу самих прав. В

каждом случае коллективного участия каждый человек выражает собственную волю и реализует свое собственное субъективное право, а коллективная форма служит лишь способом совместного осуществления этих прав для достижения общей цели.

Например, при подаче коллективного иска каждый заявитель сохраняет собственные индивидуальные требования и интерес, и юридическая защита в таком случае направлена на обеспечение прав каждого участника по отдельности. Коллективная подача иска здесь рассматривается лишь как инструмент, позволяющий гражданам более эффективно воспользоваться своим правом на судебную защиту, но не трансформирует это право в коллективное.

Таким образом, при реализации прав в коллективной форме присутствует лишь организационная объединенность, без слияния интересов и прав в нечто единое, образующее коллективное право. Право каждого гражданина остается индивидуальным по своей сути, и каждый участник коллективного действия действует, руководствуясь своими личными потребностями и интересами. Следовательно, сама коллективная форма реализации не изменяет сущности права и не создает отдельного «коллективного права» как самостоятельного правового явления.

А. Бьюкенен, рассматривая эту проблему через призму либерализма, полагает, что индивидуальные права — это те права, которые «принадлежат человеку, который ... может обладать правом», способному лично их осуществлять. Такие права позволяют лицу реализовать их, использовать для защиты своих интересов или отказаться от них по своему усмотрению, действуя автономно и независимо от других лиц. Эти права принадлежат исключительно дееспособным людям, в отличие от лиц с ограниченной дееспособностью, таких как несовершеннолетние, которые не могут реализовать такие права полностью.

С другой стороны, Бьюкенен подчеркивает, что коллективные права реализуются по-иному и могут воплощаться двумя способами: а)

непосредственно самим коллективом через совместные процедуры, такие как принятие решений на основе голосования; б) с помощью «агента», выбранного коллективом для представления его интересов. Такой подход позволяет коллективным правам выполнять функцию, направленную на достижение интересов группы в целом, через механизмы, которые учитывают общие интересы, но также требуют формальной организации или представительства, что подчеркивает отличие от индивидуальных прав¹. Данные права А. Бьюкенен называет «коллективными правами, реализуемыми неиндивидуально». Во втором случае речь идет о правах, именуемых Бьюкененом ‘dual standing rights’ – «двойственными правами»: «любой человек, являющийся членом коллектива, может обладать правом, осуществляя его либо от своего собственного имени, от имени любого другого члена коллектива, либо право может быть реализовано «неиндивидуально» неким коллективным механизмом или посредством назначения какого-либо агента или агентов, действующих от имени коллектива».

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что «двойственные» коллективные права обладают сходством с индивидуальными правами, так как они могут реализовываться конкретным индивидом, выступающим от своего имени. Однако существует принципиальное различие между реализацией индивидуальных и коллективных прав: защита индивидуального права может осуществляться только тем лицом (или его представителем, прокурором), чье право непосредственно нарушено. В случае же коллективного права любое лицо, входящее в состав группы или сообщества, может апеллировать к нарушению коллективного права, даже если оно лично не пострадало от этого нарушения. Это отличие подчеркивает особенность коллективных прав, которые представляют интересы группы как целого и позволяют каждому члену сообщества защищать права коллектива, исходя из общей заинтересованности, а не только из личной выгоды.

¹ Allen Buchanan. ‘The Role of Collective Rights in the Theory of Indigenous Peoples’ Rights’. *Transnational Law & Contemporary Problems* 3 (1993). P. 94.

Это обстоятельство играет значительную роль при судебной защите нарушенных прав. Индивидуальные права часто защищают не только интересы самого носителя права, но и общественные интересы, даже если это происходит косвенно. В то же время, коллективное право не теряет своей коллективной природы, если правовая система предусматривает, что только отдельный член группы может отстаивать нарушенное право в суде — такая ситуация обычно возникает, когда коллективные права реализуются индивидуально. Важно подчеркнуть, что, несмотря на очевидную связь между обладанием правом и его реализацией, сам факт реализации права не является определяющим при идентификации субъекта законного права.

Наиболее обоснованное понимание института коллективных прав, на наш взгляд, предлагает В.А. Федосенко, который определяет коллективные права как права коллектива, рассматриваемого как самостоятельного субъекта, а не как права отдельных людей, осуществляемых в коллективной форме. Такой подход акцентирует внимание на том, что коллективные права принадлежат именно группе как целостному субъекту, что позволяет коллективу отстаивать свои интересы независимо от интересов отдельных членов¹. Коллективные права отличаются тем, что они принадлежат не каждому индивиду отдельно, а группе людей, объединенной общей культурной, социальной или иной солидарностью. Эти права невозможно реализовать в одиночку; отдельный человек может участвовать в их осуществлении только как член определенного сообщества, при этом его личные характеристики или статус не имеют значения. К примеру, представитель коренного малочисленного народа не может индивидуально реализовать право на самоопределение, однако он может пользоваться установленными государством льготами, реализуя это право вместе с другими

¹ Федосенко В.А. Особенности становления и обособления института коллективных прав // Актуальные проблемы государства и права. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 апреля 2005 г. Новокузнецк: Изд-во НФИ КемГУ, 2005. С. 140.

представителями своего народа¹. Аналогичной точки зрения придерживается и М.А. Кривоногова: «Коллективность в обладании и реализации коллективных прав выражается не только в их принадлежности коллективу, группе лиц, некой общности людей, объединенных общими интересами, но и в том, что осуществляется эта реализация сразу всем объединением, а не каждым лицом в отдельности»².

В.А. Федосенко полагает, что коллективные права не могут считаться естественными, поскольку они возникают и получают свое юридическое оформление лишь с развитием и осознанием интересов конкретного коллектива. По его мнению, применение этой концепции к коллективным правам, некорректно, поскольку термин «естественные права» применим исключительно к правам индивидуальным, так как классическая теория естественных прав подразумевает их принадлежность личности³.

Действительно, естественные права не всегда закреплены в конституции, и отсутствие такого закрепления не отменяет их существование и неотчуждаемость от человека как субъекта права (по крайней мере, до момента их официального признания в конституции или высшими судебными органами). Как справедливо отмечает Г.А. Гаджиев, одновременное существование естественных прав человека и позитивного права демонстрируют дуалистический характер права, отрицание же этого «порождает недоверие в отношении того, существуют ли права человека»⁴.

Эта мысль позволяет более глубоко рассмотреть природу коллективных прав. В отличие от естественных прав, коллективные права не присущи человеку от рождения и не возникают в силу его человеческого достоинства или свободы воли. Коллективные права являются продуктом позитивного

¹ Там же.

² Кривоногова М.А. Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4 (14). С. 86.

³ Федосенко В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития // Юрист. 2002. № 10. С. 63.

⁴ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 33.

права и вводятся с целью защиты интересов группы или сообщества. Их природа делает их отчуждаемыми — государство может ограничивать или изменять эти права в зависимости от общественных потребностей или политических решений: коллективные права зависят от нормативного регулирования и не обладают той же абсолютной устойчивостью, что и естественные права человека. Однако это вовсе не значит, что коллективные права противоречат естественным или конституционно закрепленным индивидуальным правам. Напротив, они могут сосуществовать с ними в системе права, так как их цель — защищать интересы общностей, а не заменять или отменять права личности.

Более того, отрицание возможности признания за коллективами конституционных прав может повлечь за собой более серьезные последствия, вплоть до отрицания правосубъектности коллективов. Правосубъектность, понимаемая как способность быть носителем прав и обязанностей, может принадлежать не только индивидам, но и объединениям, которые выполняют самостоятельную общественную функцию. Конституционное признание коллективных прав позволяет обеспечить защиту таких групповых интересов, которые не могут быть реализованы на индивидуальном уровне, например, право профсоюзов на представление интересов своих членов.

Коллективные права не должны восприниматься как естественные и неотчуждаемые, однако их существование в рамках позитивного права не только не противоречит естественным правам индивидов, но и расширяет возможности правовой защиты в социально значимых сферах. В этой связи конституционное закрепление коллективных прав может быть обосновано не столько их природной неотчуждаемостью, сколько необходимостью защиты общественных интересов, выходящих за рамки индивидуальных прав.

Под предметом регулирования института коллективных прав в теории права В. Федосенко понимает специфическую группу общественных отношений, урегулированную правом, характеризующуюся наличием коллективного элемента. Именно коллективный элемент, проявившись в

сфере определенной группы лиц, превращает данную группу в качественно новое образование — коллективного субъекта права¹.

Предлагается условная классификация коллективных прав на две группы:

1) собственно коллективные права, то есть те, которые могут принадлежать исключительно коллективам (право наций на самоопределение, на создание национально-культурных автономий и т.д.)

2) коллективные права с двойственной или смешанной природой, такие, которые могут одновременно принадлежать и коллективам, и отдельным индивидам (право на благоприятную окружающую среду, на мир, на международное общение и т.д.).

А.Г. Осипов указывает, что включение общих гражданских прав в категорию прав меньшинств может быть оправдано в странах, где этнонационализм преобладает и, соответственно, дискриминация лиц, не принадлежащих к «основной» этнической группе, является системной. В таких случаях выделение общих прав как прав меньшинств помогает подчеркнуть их особую значимость в условиях дискриминации. Однако в ином контексте, когда права граждан гарантированы всем без исключения, включение этих прав в категорию прав меньшинств лишается самостоятельного значения и приобретает скорее символический характер. Подчеркивается, что такой подход может привести к ненужному усложнению системы прав меньшинств, поскольку основополагающие права уже включены в базовые права гражданина и не нуждаются в дополнительном обосновании².

М.Д. Смыслов предлагает использовать критерий «нарушения» для разграничения индивидуальных и коллективных прав, то есть рассматривать

¹ Федосенко В.А. Особенности становления и обособления института коллективных прав // Актуальные проблемы государства и права. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 апреля 2005 г. Новокузнецк: Изд-во НФИ КемГУ, 2005. С. 140.

² Осипов А.Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 102.

возможность нарушения прав либо в отношении целого сообщества, либо в отношении отдельного индивида. Коллективные права, по его мнению, — это такие права, которые не только реализуются совместно, но и могут быть нарушены исключительно в отношении группы в целом, а не отдельных её членов. Например, такие права, как право на собрания, свобода ассоциаций или право на выборы, могут быть нарушены в отношении конкретного человека. Напротив, право народов на самоопределение или права меньшинств на сохранение и развитие своей культурной идентичности подлежат нарушению только в отношении всей общности, а не отдельного индивида¹.

Наиболее обоснованным представляется подход, при котором коллективные права следует рассматривать как правомочия, принадлежащие коллективному субъекту, то есть общности лиц, объединенной для достижения общих целей и интересов. Ключевой характеристикой таких прав является их носитель — коллективный субъект, обладающий самостоятельной правосубъектностью. Этот подход позволяет отделить коллективные права от индивидуальных прав, подчеркивая их связь с конкретной группой, которая выполняет определенные функции и преследует значимые социальные цели.

Коллективные права возникают тогда, когда социальные или экономические условия требуют защиты интересов не отдельных лиц, а всей группы. В таких случаях группа — будь то профсоюз, религиозная община или иное общественное объединение — становится самостоятельным субъектом права, способным действовать в правовых отношениях от своего имени. Как коллективный субъект, общность получает право использовать коллективные права и свободы, которые необходимы для защиты его интересов, выражения своих позиций и осуществления деятельности в правовом поле.

Коллективные права играют важную роль в поддержании социальной солидарности и в защите групповых интересов. Признание группы в качестве

¹ Смыслов М. Д. Определение меньшинства. Меньшинства и право на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 106.

субъекта права позволяет ей действовать на равных в правовой системе, защищая интересы своих членов и поддерживая коллективную идентичность, что является особенно значимым для групп, чьи интересы могут оставаться незащищенными на индивидуальном уровне.

Конституционно-правовое закрепление коллективных прав подчеркивает, что они принадлежат не отдельным членам, а группе как единому правовому субъекту. Коллективные права существуют только при наличии объединения и направлены на защиту его общих интересов, которые не могут быть защищены через исключительно индивидуальные права участников. Это подтверждает важность коллективных прав в ситуациях, где интересы и потребности группы выходят за рамки индивидуальных интересов её членов. Коллективные права позволяют объединению отстаивать свои цели и функции в правовом поле, обеспечивая более комплексную защиту, необходимую для сохранения единства и стабильности группы как целого.

В рамках конституционного правопорядка коллективные права могут рассматриваться как гарантия автономии общественных объединений и организаций. Конституция Российской Федерации, например, гарантирует свободу объединений и тем самым подтверждает, что такие объединения вправе пользоваться определенными правами, направленными на защиту их организационной самостоятельности и независимости. Таким образом, коллективные права обеспечивают правовую защиту групповых интересов, учитывая потребности, связанные с существованием и функционированием социальных групп и организаций.

По мнению Н.С. Катько, одно из важнейших назначений коллективных прав – это предохранение коллективного субъекта от ассимиляции (процесса, в результате которого один коллективный субъект лишается своих отличительных черт и заменяется чертами другого общества, в результате чего происходит смещение)¹. В результате ассимиляции происходит

¹ Катько Н.С. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 4. С.11.

нивелирование отличительных характеристик группы, что может привести к ее постепенному исчезновению как самостоятельного субъекта.

Однако данное мнение вызывает определенные сомнения. Не каждая общность ставит перед собой цель самосохранения и устойчивого развития в качестве самостоятельного субъекта. В большинстве случаев объединения лиц формируются не для поддержания идентичности группы, а для удовлетворения конкретных нужд и интересов, которые имеют ограниченный временной и функциональный характер. Цель существования подобных объединений — не защита уникальности и независимости, а обеспечение тех прав и свобод, которые позволяют их участникам удовлетворять свои социальные, экономические или культурные потребности.

С точки зрения конституционного права, основной функцией коллективных прав является создание правовых гарантий для реализации групповых интересов, которые невозможно полностью осуществить на уровне индивидуальных прав. Так, коллективные права профсоюзов направлены на защиту трудовых интересов членов, а права общественных объединений — на выражение и защиту общих ценностей и интересов, важных для их участников. В этих случаях правосубъектность группы обусловлена не столько потребностью в сохранении уникальной идентичности, сколько необходимостью коллективной защиты прав и интересов членов объединения.

Кроме того, важно отметить, что многие общественные объединения являются динамичными и способны менять свои цели и задачи, исходя из изменений интересов своих членов и социальных условий. Например, объединения, созданные для реализации экологических или правозащитных задач, не стремятся к сохранению своей идентичности, а сосредоточены на достижении конкретных целей в конкретное время.

Таким образом, не все коллективные субъекты нуждаются в защите от ассимиляции, так как их предназначение — временное удовлетворение актуальных потребностей. Поэтому следует признать, что коллективные права в большей степени направлены на создание правовых условий для

деятельности групп, обеспечивая возможности для выражения и защиты их интересов, а не на обязательное сохранение их уникальной идентичности. В этом отношении цель коллективных прав — обеспечение функциональной правосубъектности и возможностей для достижения тех целей, ради которых формируется объединение.

Отличительной чертой коллективных прав, которая выделяет их среди индивидуальных прав, является их объединяющий эффект. Коллективные права представляют собой не просто совокупность индивидуальных прав членов группы, а обладают качественно новыми характеристиками, определяемыми общими целями и интересами каждого конкретного коллектива; здесь единое целое, состоящее из множества индивидуальных субъектов, наделяется новыми качествами и свойствами, которые возникают благодаря взаимодействию участников в рамках сложной системы социальных связей.

Так, этнические общности, будучи самостоятельными субъектами коллективных прав, обладают потребностями, которые выходят за рамки индивидуальных потребностей отдельных членов. Как уникальные коллективные субъекты, они характеризуются своей культурной, языковой и религиозной идентичностью, которая формирует их особую правовую и социальную ценность в рамках национальных и международных правопорядков.

Уникальные особенности коллективных прав требуют создания особых процедурных норм и правовых институтов, которые могли бы учитывать специфические потребности общностей в процессе их правового регулирования и защиты. Для полноценной правовой защиты национальных меньшинств в нормативных правовых актах следует закреплять не только права отдельных членов этих групп, но и права самих общностей как самостоятельных правовых субъектов, обладающих цельной правосубъектностью.

Такой подход обеспечивает защиту уникальной культурной и социальной идентичности общностей, поддерживая их возможность развиваться наравне с большинством. Включение коллективных прав в правовые акты помогает избежать риска игнорирования интересов целых общностей и признает, что полноценное правовое равенство возможно только при учете как индивидуальных, так и коллективных потребностей. В условиях многонационального российского общества это не только способствует поддержанию социальной гармонии, но и укрепляет правовые механизмы защиты культурного многообразия.

Признание таких коллективных прав может включать права на сохранение и развитие культурного наследия, языка и религиозных обычаев, которые важны для поддержания уникальной идентичности и социальной целостности общностей.

Законодательное закрепление коллективных прав за этническими общностями также отвечает принципу культурного плюрализма и уважения к национальному многообразию, который лежит в основе современной конституционной и международной правовой системы. Это влечет за собой признание потребностей и интересов общностей как правомерных и подлежащих защите в рамках правового государства. Достижение этой цели требует разработки и внедрения правовых институтов, таких как специализированные органы по защите прав национальных меньшинств, которые обеспечивали бы соблюдение прав этнических общностей на всех уровнях правоприменительной деятельности.

Формулирование и закрепление коллективных прав этнических общностей также будет способствовать гармонизации межэтнических отношений, снижая риски ассимиляции и правовой дискриминации, способных подорвать культурное многообразие и устойчивое развитие общества. Такой подход отвечает как задачам национального законодательства, так и международным стандартам защиты прав национальных меньшинств, позволяя этническим общностям сохранять и

развивать свои традиции и обычаи, а также реализовывать свой культурный потенциал в рамках более широкого правового пространства.

Важно подчеркнуть, что коллективные права не должны противопоставляться индивидуальным, а должны дополнять их, формируя комплекс прав, способствующих гармоничному и прогрессивному развитию общества. Различие между коллективными и индивидуальными правами проявляется в способах их реализации. Индивидуальные права личности могут осуществляться следующими способами:

1) Лицо, обладающее конкретным правом, может самостоятельно реализовывать его, что является наиболее распространенным способом для большинства индивидуальных прав;

2) В случаях, когда права недееспособных или частично дееспособных лиц, таких как несовершеннолетние или люди с психическими нарушениями, требуют защиты, их интересы представляют законные представители. Также дееспособные лица могут передавать свои права на представительство профессиональным юристам, и в этих ситуациях права осуществляются в индивидуальном порядке через представителя;

3) Некоторые индивидуальные права, такие как свобода собраний, право на забастовку или объединение, требуют совместных действий для своей реализации, поэтому их осуществление возможно только через коллективные формы, даже если сами права остаются индивидуальными.

Несмотря на коллективный аспект, связанный с реализацией некоторых прав, это не является основанием для исключения их из категории индивидуальных прав. Точно так же определенные коллективные права, которые могут реализовываться индивидуально, остаются коллективными по своей сути. Например, право, принадлежащее национальному меньшинству как социальной общности, может быть реализовано любым ее членом в индивидуальном порядке.

Аналогичную позицию отражает Пояснительный доклад к Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут осуществлять права и пользоваться свободами, вытекающими из принципов, закрепленных в настоящей Конвенции, как индивидуально, так и совместно с другими лицами». Уточняется, что совместное осуществление определенных прав и свобод отличается от понятия коллективных прав, хотя критерии этого разграничения не определены.

Что касается коллективных прав, то наиболее естественной формой их реализации является все же совместное осуществление прав коллективом. Данный тезис можно проанализировать при помощи определения понятия права на самоопределение, закрепленного в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. Согласно указанному документу, в силу права на самоопределение «народы» могут «свободно определять свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие», а также «свободно распоряжаться своими природными богатствами и ресурсами»¹.

Очевидно, что коллективные права предполагают совместный процесс принятия решений, при котором люди, действующие как единое сообщество, например, в качестве «народа», осуществляют данное право коллективно. На практике это нередко вызывает трудности, так как не все члены группы всегда участвуют в коллективных действиях, направленных на реализацию права. Кроме того, коллективное осуществление прав сопряжено с материальными и организационными затратами, что делает индивидуальные права более удобными и универсальными; поэтому они зачастую предпочтительнее.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. N 17.

Однако данный аргумент становится менее убедительным, когда становится очевидно, что некоторые права могут быть реализованы только коллективно. Это подчеркивает значимость коллективных прав для решения вопросов, которые выходят за рамки индивидуальных интересов, и показывает, что, несмотря на издержки, такие права необходимы для достижения целей, которые не могут быть достигнуты исключительно личными усилиями. Коллективные права, таким образом, служат важной основой для социальной солидарности и выражения общих интересов, поддерживая структурное единство сообщества.

Важным является вопрос корректного обозначения: может ли право, осуществляемое группой лиц совместно, по-прежнему считаться правом личности? Некоторые правоведы полагают, что права личности, исходя из самого термина, могут принадлежать исключительно отдельному человеку, хотя они признают существование коллективных прав как самостоятельной категории. Эти исследователи также придерживаются мнения, что коллективные права могут представлять угрозу правам человека, особенно в ситуациях, когда коллектив защищает свои интересы в противовес интересам отдельных лиц.

Исторический опыт развития прав человека показывает, что основная цель этой доктрины — защита индивидов от давления и посягательств со стороны групп, обладающих властью или влиянием, независимо от их статуса. Учитывая это, некоторые правоведы считают, что включение коллективных прав в категорию прав личности может поставить под угрозу защиту индивидуальных прав. Они опасаются, что в такой системе защита прав человека как инструмента защиты от группового давления может быть подорвана, открывая возможности для легитимации давления на каждого отдельного индивида.

По мнению А. Рэнд, «Термин «индивидуальные права» избыточен: не существует никаких других прав, и никто не может иметь никаких других прав». Объясняется это тем, что право (в своей сути являющееся моральным

принципом), нарушающее или требующее нарушения прав другого человека, не может являться правом: только сам человек может приложить усилия для осуществления своего права, и никто не может принудительно реализовать право посредством другого человека. А. Рэнд пишет, что отцы-основатели «говорили о праве стремиться к счастью, а не о праве на счастье. Это значит, что человек имеет право предпринимать шаги, которые считает необходимыми для достижения счастья: это не означает, что другие должны сделать его счастливым». Исходя из логики тезиса «не существует прав потребителей на молоко, туфли, кино или шампанское, если никто не захочет производить эти товары (есть только право самому начать их изготовление)», А. Рэнд отрицает существование прав особых групп, фермеров, рабочих, бизнесменов, служащих, нанимателей, стариков, молодых и еще не родившихся и приходит к выводу о том, что «существуют только права человека — права, которые имеет каждый человек и все люди как отдельные индивидуумы».

Ряд исследователей придерживаются позиции, согласно которой права человека могут иметь как коллективное, так и индивидуальное измерение, поскольку законные интересы иногда выходят за рамки личных и приобретают общественную значимость¹. Они полагают, что ограничение концепции прав человека исключительно индивидуальными правами не отражает современных общественных реалий, где защита интересов коллективов стала насущной необходимостью. Отсутствие правовой защиты для целых сообществ означало бы, что концепция прав человека, сосредоточенная исключительно на независимых лицах, утрачивает актуальность в условиях сложных социальных взаимосвязей.

В поддержку этой точки зрения приводится также тот факт, что вопрос о коллективной природе прав человека неоднократно обсуждался на уровне

¹ William F. Felice. The case for collective human rights: the reality of group suffering. *Ethics & International Affairs*, 1996. P. 47; Michael Freeman, Are There Collective Human Rights? *Policy Studies*, 1995. P. 25; Antonio Cassese. Self-determination of peoples: a legal reappraisal, 1995. P. 51-52.

ООН, что в итоге способствовало принятию статьи 1 в обоих Международных пактах — о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах¹.

Некоторые авторы придерживаются мнения, что, хотя между коллективными правами и правами человека существуют различия, между ними нет концептуального противоречия. Наоборот, эти два вида прав взаимно дополняют друг друга, поскольку их цели и ценности пересекаются и направлены на решение схожих задач. Так, в Африканской хартии прав человека и народов² коллективные права и права человека обозначены как отдельные категории, однако при внимательном анализе становится ясно, что они поддерживают и укрепляют друг друга.

Коллективные права и права человека служат общей цели — защите достоинства, свободы и безопасности личности. Их взаимодополняемость способствует созданию более комплексной и устойчивой правовой системы, которая может учитывать как потребности отдельных лиц, так и интересы общностей.

Существует также позиция, согласно которой между индивидуальными и коллективными правами есть определенные противоречия. Тем не менее, сторонники этой точки зрения отмечают, что коллективные права играют важную роль в корректировке и сдерживании проявлений крайнего индивидуализма, который иногда может принимать радикальные формы³.

На наш взгляд, обе точки зрения справедливы в равной степени. Коллективные и индивидуальные права не могут существовать в полной изоляции друг от друга: индивидуальные права зачастую включают коллективный компонент так же, как и коллективные права касаются каждой личности, входящей в состав общности. Поскольку конфликт между

¹ Miodrag A. Jovanović. *Collective rights: a legal theory*. Cambridge University Press, 2012. P. 324.

² Африканская хартия прав человека и народов (Принята в г. Найроби 26.06.1981) // Международные акты о правах человека. Сб. документов. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.

³ Marlies Galenkamp. *Individualism versus collectivism: the concept of collective rights*, 1993. PP. 20-25, 64-73, 77-100.

коллективными и индивидуальными правами полностью исключить невозможно, для его разрешения может быть использован принцип соразмерности. Ограничение индивидуальных прав и свобод допустимо только в той степени, в которой защита коллективного интереса признана оправданной в судебном порядке, и лишь в объеме, необходимом для урегулирования данного конфликта.

При этом важным остается понимание, что критерий «масштабности» группы не должен служить достаточным основанием для признания приоритета коллективных интересов над индивидуальными. Такой подход подчеркивает необходимость соблюдения баланса, при котором интересы общности и индивидов защищены равноправно, что способствует более устойчивому правовому порядку.

На наш взгляд, коллективные права человека включают как собственно коллективные права, принадлежащие группе людей в целом, так и права, которые могут быть реализованы как всей общностью, так и отдельными её членами. В эту категорию также входят индивидуальные права, которые приобретают коллективный характер в процессе их реализации, например, в ходе волеизъявления на выборах или при осуществлении права на свободу собраний.

Анализ содержания и соотношения индивидуальных и коллективных прав в системе прав человека выявил их комплексное взаимодействие, обусловленное как историческими, так и социальными факторами. С одной стороны, индивидуальные права направлены на защиту автономии личности и обеспечивают каждому члену общества возможность самостоятельного выбора и реализации своих прав. С другой стороны, коллективные права отражают интересы групп и сообществ, обладая синергетическим качеством, которое позволяет защищать культурную, национальную и социальную идентичность коллективов, что невозможно в рамках исключительно индивидуальных прав.

Признание коллективных прав особенно значимо в условиях многонациональных и многокультурных обществ, где важно учитывать специфику различных сообществ для обеспечения справедливости и социальной стабильности. Конституционно-правовое закрепление таких прав подчеркивает значимость групповых интересов, которые требуют защиты от ассимиляции и обеспечения условий для сохранения культурных и социальных особенностей. Это является необходимым шагом для гармонизации межэтнических отношений и предотвращения конфликтов, которые могут возникать из-за пренебрежения правами меньшинств.

Признание коллективных прав также не должно нарушать принцип верховенства закона и универсальности прав человека. На практике это означает, что коллективные права не могут применяться в ущерб основополагающим правам личности. Важно соблюдать принцип соразмерности, который позволяет ограничивать индивидуальные права и свободы только в той мере, в которой это необходимо для защиты коллективного интереса. Применение этого принципа способствует достижению баланса между интересами личности и группы, предотвращая доминирование одной стороны над другой.

Таким образом, концепция коллективных прав человека представляет собой важный элемент современной правовой системы, способствующий учёту и защите общественных интересов, не противореча правам индивидов. Признание за коллективами способности быть субъектами права, равно как и их конституционное закрепление, обоснованно и необходимо для создания правовых условий, способствующих социальному миру и культурному разнообразию. В конечном итоге, это позволяет эффективно решать социальные и правовые задачи, ориентированные на устойчивое развитие общества, в котором индивидуальные и коллективные права сосуществуют и взаимодополняют друг друга в целях наиболее полноценного обеспечения правового статуса личности.

2.2. Индивидуально реализуемые основные права и свободы как самостоятельный предмет осуществления и закрепления

Осмысление концепции коллективных прав, коллективных форм реализации прав личности неразрывно связано с вопросом их соотношения с правами индивидуальными. В научных кругах широко распространена точка зрения о том, что коллективные права могут находиться в противоречии с индивидуальными, что порождает сомнения в обоснованности их существования. Вопрос о балансе между индивидуальными и коллективными правами является одной из наиболее дискуссионных и неоднозначных тем в современных социальных и правовых исследованиях, и каждая позиция нуждается в глубоком теоретическом обосновании.

Существенный вклад в защиту коллективных прав дает либерально-коммунитарный дискурс, где мультикультуризм, возникший как философское и политическое движение, использует идею коллективных прав как важную составляющую индивидуальной свободы выбора. В рамках этого направления ведутся активные обсуждения о роли коллективных прав в обеспечении личных свобод, подчеркивая, что права групп и общностей не обязательно противостоят правам личности, а могут расширять возможности для самоопределения и культурной самобытности.

Развитие либеральной философии опирается на две ключевые концепции, лежащие в основе современного демократического государства: естественное право (доктрину прав человека) и позитивное право (нормативное законодательство). Важная веха в согласовании этих концепций в рамках либеральной философии наступил после публикации в 1971 году работы Дж. Ролза «Теория справедливости»¹. Этот труд, соединивший принципы естественного права с нормами позитивного права, оказал значительное влияние на либеральную мысль. Либеральный теоретик права Р.

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. 532 с.

Дворкин также обращает внимание на это единство, подчеркивая, что современные демократические системы могут использовать сочетание естественных и позитивных принципов для защиты прав и обеспечения справедливости¹.

В 1980–1990-е годы начался новый этап критики фундаментальных положений либеральной философии, известный в современных исследованиях как «либерально-коммунитарный спор»². Коммунитаристы, выступая с позиций критики, ставят под сомнение центральное понятие либерализма — «автономного индивида», вокруг которого строится защита прав и свобод личности в правовой системе, на основании того, что этот подход излишне абстрактен и теоретичен, не учитывающий конкретных общественных контекстов, в которых живет человек. Кроме того, коммунитаристы считают концепцию индивидуальных прав недостаточной для построения полноценной нормативной теории права, способной решать все правовые вопросы на практике.

Согласно их точке зрения, понятие индивидуальных прав должно быть дополнено коллективными правами, которые обеспечивают защиту интересов и ценностей общностей и групп, поддерживая социальную сплоченность и коллективные интересы.

Либеральные идеи опираются на кантовское понимание человека как «автономного, рационального морального субъекта», который сам устанавливает нормы и цели своего существования — известный как «трансцендентальный субъект»³. В либеральной теории общество часто рассматривается как совокупность независимых индивидов, действующих по отдельности и лишенных коллективной идентичности. Государство, в этой модели, воспринимается не как воплощение общих интересов, а как

¹ Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 12.

² Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 471.

³ Сэндел М. Либерализм и пределы справедливости / Современный либерализм: Джон Ролз, Рональд Дворкин, Исая Бёрлин, Уил Кимлика, Майкл Дж. Сэндел, Джереми Уолдрон, Чарльз Тейлор. М.: Прогресс-Традиция: Дом интеллектуал. кн. 1998. С. 199.

инструмент для решения индивидуальных потребностей, которые понимаются вне связи с другими членами общества¹.

Из этого следует, что коллективная идентичность групп, по сути, является «фиктивной», так как представляет собой лишь идею «воображаемого сообщества», члены которого связаны только условными, воображаемыми связями. В этом понимании не существует «коллективных прав», так как отсутствует коллективный субъект, обладающий такими правами; есть лишь множество индивидов, координирующих свои действия в рамках собственных интересов, но не объединенных общими интересами сообщества.

Коммунитаристы, такие как М. Сандел и Э. Макинтайр, отмечают, что либеральная теория часто делает акцент на абстрактных и универсальных принципах, тогда как реальный мир состоит из множества сообществ, каждое из которых имеет свои уникальные интересы и культурные особенности. Исходя из этого, коммунитаристы предлагают сменить фокус: от анализа формально-абстрактных вопросов перейти к изучению конкретных культурных форм и ценностей, характерных для разных сообществ.

Либеральная теория предполагает, что главным фокусом государства и одновременно границей, определяющей пределы его деятельности, является признание и защиты прав личности. Согласно позиции Р. Дворкина, индивидуальные права и справедливость «опираются на предположение о естественном праве всех людей на равную заботу и уважение, причем этим правом они наделены не в силу рождения, не в силу своих особенностей, заслуг или отличий, а просто как человеческие существа, способные составлять планы и воздавать справедливость другим»².

При этом, несмотря на то что ключевой идеей либеральной теории является свобода от вмешательства государства, это не означает обратного, что государство представляет собой наибольшую угрозу для человека –

¹ Там же.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 249.

государство создается как раз для защиты личности. Государство становится угрозой для человека лишь тогда, когда оно посягает на его права и свободы.

При реализации коллективных прав те или иные общности стремятся к двум взаимосвязанным целям:

1) Получение абсолютного права на равные возможности в области образования, предпринимательской и иной экономической деятельности, культуры, участия в политической жизни, а также гарантии запрета дискриминации по признаку этнической, культурной, религиозной и т.д. принадлежности;

2) Получение права на особую защиту, преференциальный доступ к определенным ресурсам и позитивную дискриминацию (особенно в отношении меньшинства) с соответствующим государственным финансированием.

Р. Дворкин, рассматривая индивидуальные права, сравнивает их с коллективными правами, провозглашаемыми в рамках социалистической теории права. Для этих целей используется собственная терминология и выделяет «стратегию, принципы и нормы», где «стратегией» является «стандарт, формулирующий необходимость достижения некоторой цели, обычно связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе (хотя некоторые цели являются негативными – в том смысле, что они требуют защиты существующего положения от неблагоприятных изменений)»¹. Социалисты, как считает Р. Дворкин, рассматривают стратегию как цель, помощь государству в достижении которой важно участие как общества в целом, так и каждого гражданина в отдельности. Стратегия рассматривается как желаемый стандарт, отражающийся в правовых нормах, а они, в свою очередь, составляют законодательную базу государства. Таким образом, правовые нормы должны предоставлять защиту гражданам – но только в том случае, если они совпадают с желаемой политикой государства.

¹ Там же. С. 45.

Индивидуалистское государство, считает Р. Дворкин, напротив, следует не «стратегии», а принципам. Принципами в данном контексте называются «стандарты, которые следует соблюдать не потому, что они способствуют изменению или сохранению некоторой экономической, политической или социальной ситуации, а потому что они выражают некоторые моральные требования – будь то требования справедливости, честности и т.д.».

Как пишет Р. Дворкин, главной слабостью коллективизма является признание данной концепцией таких призрачных сущностей, как «национальный дух» или «коллективная воля». По его мнению, индивидуалистская концепция прав человека существует за счет «ключевой идеи утилитаризма, а именно – идеи коллективной цели сообщества в целом».¹

Тем не менее, коллективные права безусловно основаны на моральных принципах, таких как уважение к многообразию и равенство. Права на культурную автономию, на сохранение языка и традиций исходят из тех же моральных требований справедливости, что и индивидуальные права. Коллективные права не только не противоречат морали, но и являются её выражением, обеспечивая справедливость для общин и групп в условиях многонациональных и многокультурных обществ.

Практика конституционного права многих демократических государств свидетельствует о стремлении к балансу между индивидуальными и коллективными правами. Коллективные права, такие как право на свободу ассоциации и объединений, служат инструментом защиты и выражения индивидуальной автономии через коллективные действия. Кроме того, принцип соразмерности, применяемый в правовом порядке многих стран, позволяет в случае конфликта ограничивать как индивидуальные, так и коллективные права в зависимости от общественного интереса. Поэтому представление об индивидуальных правах как о неприкасаемых и абсолютных не отражает реальность.

¹ Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 10.

Люди пользуются индивидуальными правами тогда, когда коллективной цели недостаточно для того, «чтобы у них не было возможности иметь или делать то, что они хотят иметь или хотят делать, или для того, чтобы их чего-либо лишить или нанести им какой-либо ущерб»¹. Следовательно, таким образом, индивидуальное право и коллективное право не могут противоречить друг другу: «обществу ничего не мешает одновременно преследовать разные цели или рисковать одной целью ради достижения другой»².

Важно разграничивать индивидуальные и коллективные формы реализации права, поскольку они предполагают разные подходы к защите и осуществлению прав. Важной является роль индивида в реализации своих прав и свобод, а также значение его социальной активности, которая дополняет правоприменительную деятельность государственных органов, образуя ключевой элемент в механизме защиты прав личности.

Реализация прав в индивидуальной форме охватывает как активные, так и пассивные действия личности, давая гражданину возможность самостоятельно распоряжаться своими правами. Законодатель, закрепляя правовые нормы, направленные на защиту прав человека, во многом ориентируется на их самостоятельное использование. Конституция РФ признает права и свободы граждан непосредственно действующими, вне зависимости от наличия специфических законодательных актов, регулирующих механизмы и процедуры их реализации. Гражданин вправе сам решать, каким образом реализовать свои права, в соответствии с личными интересами и возможностями, если закон не требует вмешательства компетентных органов.

Полная автономия личности от государственных органов в реализации прав и свобод невозможна, поскольку некоторые права, такие как те, что описаны в ст. 18 Конституции РФ, требуют обязательного участия

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 134.

государства. Однако значительная часть прав позволяет и предполагает самостоятельное осуществление, без вмешательства третьих лиц.

Такая форма реализации прав основывается на принципе саморегулирования, при котором граждане выбирают свое поведение в рамках правовых предписаний самостоятельно, без участия специальных органов. При этом отграничение касается не только государственных структур, но и иных субъектов права, что обеспечивает гражданам возможность воплощать закрепленные нормы через собственные действия. Таким образом, в государстве реализуется система, при которой поведение граждан направляется правовыми нормами, создающими условия для свободного и осознанного выбора, в соответствии с общественными интересами.

Индивидуальная форма реализации прав предполагает самостоятельное использование, исполнение или соблюдение прав и свобод, без вмешательства других субъектов, в первую очередь государственных органов. При осуществлении ряда прав личность сама решает, как организовать их реализацию, исходя из своих предпочтений и обстоятельств. Когда закон позволяет гражданину полностью определять порядок реализации своих прав, можно говорить об «инициативной» форме, при которой процесс осуществляется без правоприменительных вмешательств, целиком полагаясь на активность и инициативу индивида.

Так реализуются многие личные и политические права и свободы, включая свободу мысли, слова, совести, вероисповедания, а также право на обращение и право пользования родным языком. Например, согласно ст. 28 Конституции РФ, человек сам решает, исповедовать ли религию индивидуально или с другими, либо вовсе не исповедовать, и распространять свои убеждения. Этот подход подчеркивает роль индивидуальной свободы и ответственности в выборе и реализации прав, создавая основу для развития активного и сознательного гражданства.

И.А. Минникес под индивидуальным правовым регулированием понимает «правовое воздействие на общественные отношения, связанное с

установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений, либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты»¹.

С.Г. Краснояружский считает, что индивидуальное правовое регулирование есть «осуществляемый на стадии реализации юридических норм вид правомерной деятельности субъектов права, направленный на упорядочение общественных отношений путем конкретизации масштабов поведения их персональных участников»².

По-видимому, выделение индивидуального правового регулирования данными авторами основано не на составе участников, а на специфике самих правовых актов, принимаемых в рамках этого процесса. Стоит отметить, что некоторые исследователи используют для этого вида регулирования иные термины, подчеркивая особенности подхода к каждому конкретному случаю и индивидуализированный характер воздействия правовых норм.

Так, Ю.В Медная использует термин «поднормативное правовое регулирование», понимая под ним «упорядочение общественных отношений, не урегулированных либо недостаточно урегулированных нормами действующего законодательства, которое осуществляется правоприменителем в соответствии с действующим правом и вновь возникающими жизненными обстоятельствами путем выработки особых юридических конструкций и правоположений»³.

¹ Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование. Теоретико-правовой анализ: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9.

² Краснояружский С.Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе. Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 8.

³ Медная Ю.В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений : автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 8–9.

В.Р. Шарифуллин разделяет правовое регулирование на публичное и частное, где последнее предполагает свободу волеизъявления и равенство сторон, позволяя субъектам самостоятельно устанавливать права и обязанности. Он также определяет «правовое саморегулирование» как санкционированную государством деятельность субъектов частного права по созданию норм для регулирования собственного поведения¹.

И.А. Минникес и Т.В. Кашанина отмечают, что индивидуальное правовое регулирование характеризуется следующими чертами: оно осуществляется через правомерные односторонние действия, устанавливается в одностороннем порядке и не зависит от волеизъявления других лиц².

Таким образом, именно при данном виде правового регулирования субъект действует исключительно по своему усмотрению.

Реализация Конституции связана с базовым элементом механизма права — саморегулированием субъектами своего поведения. В полной мере это проявляется в осуществлении конституционных прав и свобод, где достигается высший уровень саморегуляции в правореализующем поведении³.

О.В. Белянская под непосредственной реализацией прав и свобод личности регламентированный нормами права процесс, в котором личность самостоятельно осуществляет свои права без участия специальных государственных органов. Автор подчеркивает, что такое осуществление прав предполагает независимость от государственных органов, но допускает взаимодействие с другими негосударственными субъектами права⁴. Как видно из определения, автор отграничивает данную деятельность лишь от

¹ Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Казань, 2006. С. 11.

² Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование. Теоретико-правовой анализ: автореф. дис.... д.ю.н. Екатеринбург, 2009. С. 79; Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. М.: Наука, 1992. № 1. С. 125.

³ Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 60.

⁴ Белянская О.В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003. С. 10.

государственных органов и лиц, тем самым допуская возможность в процессе непосредственной реализации прав и свобод взаимодействия с иными «негосударственными» субъектами права. Автор приводит примеры непосредственной реализации прав и свобод, такие как право на проведение собраний, митингов, демонстраций¹, а также право на обращение в государственные и муниципальные органы. Однако эти примеры не вполне соответствуют рассматриваемому вопросу, поскольку требуют участия как минимум одного дополнительного субъекта. Так, реализация права на проведение собраний или митингов невозможна без содействия других лиц или санкции административного органа². Для таких публичных мероприятий необходимо согласие или участие других людей, поскольку они затрагивают общественные интересы и требуют совместного волеизъявления³. Таким образом, несмотря на то что эти права формально остаются индивидуальными, их реализация происходит в коллективной форме, что исключает их отнесение к категории «непосредственной» реализации. По нашему мнению, более точным будет понимание «непосредственности» как прямого, самостоятельного осуществления права, не зависящего от участия или помощи других. Ключевой аспект здесь заключается в том, что субъект права использует свои возможности без какого-либо посредничества или содействия со стороны иных лиц.

Признаки индивидуальной формы реализации права, которые отличают ее от коллективной, можно выделить следующим образом:

– Реализация права в индивидуальной форме происходит посредством соблюдения, исполнения и использования.

¹ Белянская О.В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003. С. 42.

² Мельников С.А. Индивидуальная форма реализации права: понятие и виды // Юридическая гносеология. 2017. № 2. С. 21.

³ Чиркин В.Е. Индивидуальные права, коллективные права и права, осуществляемые коллективно // Гражданин и право. 2011. № 3. С. 7.

- Эта форма предполагает возможность осуществления права как единолично, так и с привлечением других субъектов, но без их обязательного участия.

- Индивидуальная форма реализации не требует правоприменения со стороны государства; субъект действует самостоятельно, следуя правовым предписаниям, без вмешательства третьих лиц.

- Процедура упрощена, а в некоторых случаях вовсе не определена, исходя из принципа «разрешено все, что не запрещено»¹.

Такой подход к реализации прав подчеркивает свободу и инициативу индивида, позволяя ему самостоятельно и ответственно выбирать пути для достижения своих целей. В этом проявляется особое правовое дозволение, которое открывает новые возможности для автономной и творческой деятельности, поддерживая как индивидуальную, так и коллективную реализацию правовых норм.

Индивидуальная форма реализации права представляет собой как активную, так и пассивную деятельность субъекта, который самостоятельно осуществляет свои права и обязанности, следуя правовым предписаниям и действуя без внешнего вмешательства, самостоятельно определяя свои действия и методы защиты своих прав.

Особенность индивидуальной реализации права заключается в том, что личность сама выбирает варианты своего поведения и методы защиты своих интересов, что способствует развитию самостоятельности, самовыражения и осознанию личного достоинства, посредством чего поддерживается личностный индивидуализм и автономия.

Вместе с тем специфика конституционно-правового пути индивидуальной реализации прав личностью, иным субъектом состоит в том, что для этого зачастую требуются предварительные либо сопутствующие, параллельные, одновременно совершаемые действия иных субъектов права,

¹ Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 64.

участников правоотношений. В частности, реализация избирательных прав гражданина требует координированных действий со стороны избирательных комиссий и других участников избирательного процесса. Гражданин осуществляет своё право на голосование индивидуально, однако для этого необходимы определённые подготовительные меры.

Согласно статье 17 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», избирательные комиссии обязаны составлять списки избирателей, включающие граждан, обладающих активным избирательным правом (ст. 17).

При посещении избирательного участка гражданин обязан предъявить документ, удостоверяющий личность (п. 2 ст. 2). Член участковой избирательной комиссии выдаёт избирательный бюллетень под расписку (ст. 68).

Для заполнения бюллетеня гражданину предоставляется кабина для голосования, оборудованная необходимыми принадлежностями (ст. 68). После заполнения бюллетеня гражданин опускает его в стационарный ящик для голосования, установленный участковой избирательной комиссией (ст. 68).

Все перечисленные действия каждый избиратель совершает индивидуально. Коллективное получение бюллетеней или совместное заполнение их в одной кабине не допускается, что соответствует принципу тайного голосования, закреплённому в статье 7 Закона.

Оформление помещения для голосования, включая установку столов для членов комиссии, размещение списков избирателей, установку кабин и ящиков для голосования, а также оснащение средствами видеонаблюдения, также осуществляется исключительно избирательными комиссиями в соответствии с их полномочиями (ст. 20).

Таким образом, хотя процесс голосования осуществляется каждым избирателем индивидуально, его организация требует коллективных усилий

избирательных комиссий и других участников избирательного процесса, обеспечивающих необходимые условия для реализации избирательных прав граждан.

Таким образом, индивидуальные права и свободы представляют собой автономную форму правовой реализации, предполагающую активные и пассивные действия субъекта без необходимости участия других лиц или субъектов. Саморегулирование в рамках индивидуальной реализации прав позволяет субъекту самостоятельно выбирать способы и порядок осуществления своих прав и свобод, что отражает инициативный характер правореализации.

Конституционное право нацелено на обеспечение возможностей для самостоятельного осуществления прав и свобод личности, особенно в случаях, когда право реализуется напрямую без правоприменительных органов. Коллективные усилия могут потребоваться для организации условий, способствующих реализации индивидуальных прав (например, в избирательных процессах), но сами права реализуются каждым субъектом индивидуально, что подчеркивает личную ответственность и автономию в их осуществлении.

Принцип правового саморегулирования предполагает, что субъект права осуществляет свои права независимо, в рамках правовых норм, в соответствии с конституционными и законодательными гарантиями. Эти положения закрепляют индивидуальную форму реализации прав как значимый элемент в правоприменительной практике, способствующий независимости личности в правовом поле.

2.3. Коллективные формы реализации прав и свобод человека

Коллективные права отличаются от индивидуальных тем, что они не могут быть реализованы усилиями одного человека; их реализация требует коллективного участия, поскольку они касаются благ, значимых для крупных сообществ, а не для отдельного индивида. Несмотря на это, такие права

признаются полноценными правами, позволяя каждому члену сообщества выступать в их защиту. Реализация коллективных прав независима от личных интересов отдельных лиц, что отличает их от политических, личных или социально-экономических прав, требующих большей индивидуальной защиты.

В современных условиях коллективные права, такие как право на доступ к информации, право на экологически чистую среду, право на защиту от техногенных катастроф и террористических актов, а также право на социальный порядок, в котором права могут быть надежно защищены, требуют особой юридической защиты¹.

Почему реализация таких прав юридически невозможна индивидуально? Например, в отношении права на доступ к культурным ценностям, гарантированном и Конституцией РФ, и многими международными актами, можно заметить, что культурная ценность воспринимается как общественное достояние, государство может предпринимать определенные меры по защите культурной ценности, по созданию особого правового режима. Данный особый правовой режим — это и есть то, что необходимо для реализации коллективных прав. Если речь идет о каком-то археологическом памятнике, для государства из коллективного права граждан на защиту культурных ценностей вытекает обязанность создать такой режим, который будет обеспечивать сохранность, защиту именно этого памятника, и предполагается, что для памятника, который имеет соответствующий статус, будут предусмотрены правовые гарантии, которые исключают принудительное воздействие, разрушение этого памятника, или возможность, например, растаскивания каких-то частей археологического места на какие-то отдельные экспонаты гражданами или организациями.

Данный режим должен распространяться на соответствующий культурный объект, причем не в отношении абстрактного гражданина, а именно в качестве общей, систематической практики, созданного юридически

¹ Миронов О.О. Очерки государственного правозащитника. М., 2009. С.199-200.

режима защиты и обеспечения возможности доступа к этому культурному объекту. Государство таким образом создает предпосылки, условия, необходимые для реализации коллективных прав.

Когда речь идет об информационных правах, то необходимость именно в таком, коллективном, формате защищать право на информацию предопределена тем, что гражданин может не знать о существовании какой-то информации, важной и значимой для его прав. Например, информация, которую по действующему российскому законодательству запрещено засекречивать: информация об экологических бедствиях, событиях, которые связаны со значительным ущербом окружающей среде. Соккрытие данной информации, не зная о том, что произошла техногенная катастрофа, авария или иное событие, повлиявшее на состояние окружающей среды, граждане не могут адресовать государству, поскольку они не знают, что данная информация существует, и поэтому не могут требовать ее раскрытия. Здесь может существовать только общий режим, согласно которому появление подобного рода информация у государственных органов вызывает обязанность донести ее до сведения всех граждан, общественности, коллектива, сообщества людей, которых эта информация непосредственно затрагивает.

В отношении окружающей среды не подразумевается возможность обеспечить благоприятную окружающую среду отдельно взятому человеку. Невозможно создать какое-то пространство для человека, оградить его от всей окружающей его среды, и гарантировать чистоту воздуха, чистоту воды, почв и т.д. Человек живет в той окружающей среде, которая должна соответствовать определенным стандартам, требованиям по ее качеству и безопасности. Обязанность по содержанию благоприятности окружающей среды лежит не только на государстве, но и на обществе в целом и каждом человеке в отдельности.

Наиболее очевидным объемом коллективных инструментов реализации прав и свобод обладают демократические институты. Это обусловлено тем,

что в их основе лежит коллективный субъект-источник правосубъектности (народ, население определенной территории). Одним из точных определений современной демократии¹ является ее понимание как механизма принятия управленческих решений на основе свободного и мирного выражения и согласования интересов различных социальных групп². Основой демократии становится система выявления, представительства и учета разнообразных позиций, которая через специальные институты превращается в политику компромиссов. Это включает не только право большинства, но и гарантии интересов меньшинства, что отражает переход к плюралистической демократии³, отходя от руссоистской концепции единой воли⁴. Такая трактовка усиливает роль демократии в укреплении солидарности между индивидом и коллективными субъектами общества⁵.

В процессе эволюции демократии защита уязвимых общностей, подверженных угнетению в системе правления большинства, стала важной вехой. Концепция мажоритарной демократии постепенно сменяется демократией участия, ориентированной на компромиссы, где социальные группы стремятся согласовать интересы и находить обоюдодоприемлемые решения.

Политическая практика и конституционное законодательство разработали различные модели защиты интересов меньшинств и уязвимых слоев, включая льготы и преференции, как отход от формального равенства. Такая асимметрия направлена на компенсацию социальной или

¹ Бегунов Ю. К., Лукашев А. В., Пониделко А. В. 13 теорий демократии. СПб., 2002. 240 с.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 11—12; Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999. С. 5.

³ Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия в конституционном строе России: формы, конкурентная природа, избирательные права граждан // Гражданин, выборы, власть. 2013. № 1. С. 6.

⁴ Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008. С. 12; Варламова Н. В., Пахоленко Н. Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997. 65 с.

⁵ Ильин В. Либеральная демократия // URL: <http://www.democrasy.ru/curious/democrasy/> (дата обращения: 20 октября 2021).

биосоциальной уязвимости этих групп, улучшение их возможностей и устранение фактического неравенства¹.

В современных государствах, учитывающих полиэтничность и поликонфессиональность, а также миграцию в эпоху глобализации, внимание уделяется обеспечению межнационального и межрелигиозного мира и сохранению культурного многообразия. В международном и национальном праве разработаны два подхода: интеграция, акцентирующая внимание на формальном равенстве граждан, и адаптация, предусматривающая привилегии для меньшинств, такие как квоты или культурные автономии. Интеграция используется для «новых» меньшинств (иммигрантов), а адаптация — для коренных народов². Для «старых» меньшинств (интегрированным в общественную и государственную структуру) применяются комбинированные подходы, с тенденцией к усилению адаптации³.

Гибкость подходов объясняется различными условиями, в которых существуют национальные большинство и меньшинства в различных государствах. Так, автономия коренных народов не несет никакой угрозы целостности соответствующих государств ввиду явной недостаточности масштабности данных народов для укрепления сепаратизма⁴.

В постсоветских государствах процесс интеграции русскоязычного населения, который иногда достигает формы дискриминации, происходит на фоне усиления этноцентризма — акцента на собственных культурных особенностях и идентичности⁵. Это проявляется, прежде всего, в таких сферах,

¹ Лапаева В. Российская философия права в свете актуальных задач политико-правовой практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2. С. 56.

² Ирхин И. Дело «Дэниелс против Канады»: шаг к обеспечению конституционного равенства коренных народов // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 131—134.

³ Кимличка У. Права меньшинств выходят на международный уровень // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 17—41.

⁴ Кряжков В. А. Законодательство об общинах коренных малочисленных народов Севера как развивающаяся система // Государство и право. 2015. № 11. С. 49—58; Коренные малочисленные народы Севера в Российском праве. М., 2010.

⁵ Вежбицки А. Этничность и права этнических меньшинств в конституционализме государств Центральной Азии // Проблемы конституционализма и его судебной защиты в государствах Восточной Европы. Варшава. 2014. С. 256—272.

как законодательство о гражданстве, национальный состав органов власти и использование языка. Важно отметить, что жесткая политика интеграции часто приводит к противоположному результату — нарушению территориальной целостности государства, как это наблюдается, например, в Грузии по отношению к Южной Осетии и Абхазии или в Украине по отношению к русскоязычному населению.

Современные конституции стран, в которых живут коренные малочисленные народы, объединяют политику интеграции и адаптации, устанавливая нормы для обеспечения и согласования интересов людей с различной культурной, этнической и религиозной идентичностью. Эти нормы могут быть как декларативными, так и включать конкретные механизмы реализации. Примером декларативных норм служат положения четвертого раздела второй главы Конституции Словакии 1992 года, посвященные правам национальных меньшинств и этнических групп: «Принадлежность к какому-либо национальному меньшинству или этнической группе не должна никому причинять ущерб» (ст. 33). Конституция предлагает и конкретные механизмы такой реализации: «Гражданам, образующим в Словацкой Республике национальные меньшинства или этнические группы, гарантируется всестороннее развитие, в частности право совместно с другими представителями меньшинства или группы развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке, объединяться в национальные объединения, создавать и содержать учреждения образования и культуры. Гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, на условиях, установленных законом, кроме права на овладение государственным языком, гарантируются: право пользоваться своим языком в официальных отношениях; право участвовать в решении вопросов, касающихся национальных меньшинств и этнических групп. Осуществление прав граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам и этническим группам, гарантированных настоящей Конституцией, не должно создавать угрозу суверенитету и территориальной целостности Словацкой Республики

или приводить к дискриминации остального населения» (ст. 34). Конституция представляет собой тщательно разработанную концепцию защиты прав национальных меньшинств, однако при этом не абсолютизирует эти права, учитывая необходимость сохранения государственного суверенитета и культурной идентичности¹.

В период перехода к демократическому устройству в России (1990-е — начало 2000-х гг.) ряд субъектов Федерации (таких как Республика Дагестан, Республика Алтай, Республика Бурятия и автономные округа) установили национальные квоты в региональных законодательных актах. Также Федеральный закон 1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» в первоначальной редакции позволял регионам устанавливать квоты представительства для этих народов в местных и региональных органах власти. Однако к середине 2000-х гг. практика применения национальных квот исчезла.

Принцип этнического и религиозного представительства может быть полезен в условиях острой напряженности между доминирующими народами, когда возникает угроза стабильности всего сообщества. Такой подход может служить временным механизмом для разрешения конфликтов в молодых независимых странах, особенно после этнических или гражданских столкновений – но лишь временным. Однако с исчезновением напряженности этот принцип часто становится фактором разобщения и дискриминации. Именно поэтому этническое и религиозное представительство не получило широкого распространения.

Механизмы учета и согласования национальных интересов, а также защиты прав меньшинств, развиваются в рамках международно признанного права наций на самоопределение. Это право включает в себя возможность наций самостоятельно определять свой статус, в том числе через культурную и политическую автономию, что способствует сохранению их уникальности и

¹ Осятынский В. Парадоксы конституционного заимствования // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 60.

идентичности. В разных странах право на самоопределение реализуется через территориальную или нетерриториальную автономию¹, а также через отделение от государства с образованием независимого государства или переходом в юрисдикцию другого государства². Таким образом, право на самоопределение имеет как внутренние, так и внешние аспекты, что подтверждает его разнообразные формы реализации³.

Главной формой нетерриториальной автономии является культурная автономия⁴. Вопрос о целесообразности предоставления территориальной автономии национальным меньшинствам в разных странах решается различными способами⁵. В то же время культурная автономия считается общепризнанным демократическим стандартом для защиты прав меньшинств⁶.

Вопросы реализации внешней формы самоопределения наций, включая отделение территорий с компактным проживанием национальных меньшинств, являются особенно сложными и чувствительными, поскольку они могут привести к существенным политическим и социальным последствиям. Решение подобных вопросов требует особой осторожности и взвешенности, учитывая, что затронутыми являются не только нации, стремящиеся к самоопределению через отделение, но и другие этнические группы, проживающие на этих и соседних территориях. Кроме того, в условиях, когда мононациональные государства фактически отсутствуют, проблема отделения может возникнуть в большинстве стран, что делает ее

¹ Brunner G., Kupper H. European Options of Autonomy // *Minority Governance in Europe* / ed. by K. Gal. Budapest, 2002. P. 26—28.

² Нарутто С. В. Проблемы соотношения принципов самоопределения народов и территориальной целостности государства: международный и национальный аспекты // *Материалы международной науч-практич. конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ*. М.: МГЮА, 2009. Т. 1. С. 160.

³ Михалёва Н. А. Проблемы федерализма и автономии в российской юриспруденции // *Актуальные проблемы конституционного и муниципального права*. М., 2012. С. 150—170.

⁴ Осипов А. Г. Международно-правовые аспекты культурной автономии // *Право*. 2012. № 3. С. 156.

⁵ Potier T. *Autonomy in the 21-th Century: Through Theoretical Binoculars* // Paper prepared for the Commission on Human Rights. 7th Session. 14—18 May 2001

⁶ Тишков В. А. *Очерки теории и политики этничности в России*. М., 1997. С. 297.

предметом международного правового регулирования, направленного на предотвращение эскалации межэтнических конфликтов и нарушений прав человека. Внутреннее регулирование вопроса отделения, т.е. выхода части территории из состава государства, должно носить исключительный и индивидуализированный характер, поскольку универсальные нормы, регулирующие такие процессы, могут угрожать принципу государственного суверенитета и вызвать значительные риски¹.

Вопросы сохранения национальной самобытности, идентичности и культурного многообразия народов, проживающих на территории Российской Федерации, являются важнейшими направлениями современной государственной политики. В условиях всемирной глобализации перед коренными малочисленными народами Кавказа, Севера, Сибири и Дальнего Востока России остро стоит вопрос о сохранении их самобытности, культурного наследия, образа жизни, неразрывной связи с территорией исконного проживания, традиционных промыслов и даже физического существования. Данные права и свободы определяются как объективные условия, а также как возможность достойной жизнедеятельности гражданина, без которых невозможна сама жизнь человека.

Сложный и иногда деликатный вопрос сохранения национальной самобытности сталкивается с грубыми коллизиями на практике. Так, статья 10 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»² предоставляет лицам, относящимся к малочисленным народам, объединениям малочисленных народов право сохранять и развивать родные языки, получать и распространять информацию на родных языках, создавать средства массовой информации в целях сохранения и развития своей самобытной культуры. Статья 14 Федерального

¹ Критеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк, 1981. С. 4—10.

² Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.

закона «Об образовании в Российской Федерации»¹ предоставляет гражданам Российской Федерации право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Однако современные тенденции развития языков народов Дагестана демонстрируют постепенное сокращение численности их носителей. Причин множество, но большинство из них сходится в одном: при точечном федеральном правовом регулировании данного вопроса региональная политика оставляет нерешенным множество вопросов как, в частности, создания письменности малочисленных этнических общностей, так и в получении основного общего образования на родном языке в общеобразовательных учреждениях.

Коренными малочисленными народами Российской Федерации признаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Численность является одним из ключевых признаков, определяющих, может ли тот или иной народ быть признан коренным малочисленным. В то же время Постановление Государственного Совета Республики Дагестан² признает коренными малочисленными народами Дагестана, к примеру, аварцев и даргинцев, численность которых, согласно последней переписи населения 2021 г., составляет 956.831 и 521.381 человек

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Постановление Государственного Совета Республики Дагестан «О коренных малочисленных народов Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 31.10.2000. №10.

соответственно, что явно превышает требования федерального законодательства.

Складывается неоднозначная ситуация. Согласно п. 1 ст. 1 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», в силу уникальности этнического состава населения Республики Дагестан по числу проживающих на ее территории народов, «высшее должностное лицо Республики Дагестан (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти Республики Дагестан) определяет количественные и иные особенности ее коренных малочисленных народов, а также устанавливает перечень этих народов с последующим включением его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации». Упомянутая норма как раз и содержит условия, при которых народ может быть признан коренным малочисленным, что, как уже было сказано выше, вступает в противоречие с Постановлением Государственного Совета Республики Дагестан. Предполагается, именно это обстоятельство вкупе с тем, что рассматриваемое Постановление не рассматривает целый ряд малых народов Дагестана, является причиной того, что перечень коренных малочисленных народов Дагестана до сих пор не включен непосредственно в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. И это несмотря на то, что согласно Постановлению Правительства Российской Федерации¹, данный перечень считается частью Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. №255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»².

¹ Постановление Правительства РФ от 28 марта 2001 г. №236 «О постановлении Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 года № 191» // <https://docs.cntd.ru/document/901785458?section=text> (Постановление не было опубликовано)

² Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 03.04.2000. Ст.1493.

Кроме того, согласно данным Всероссийской переписи населения, многие самостоятельные народы все еще выделяются в составе аварцев и даргинцев, что представляется в корне неверным. Представители данных народов создают национально-культурные автономии, которые пытаются отстаивать собственное право на включение в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Тем не менее, их попытки остаются безуспешными, несмотря на то, что это могло бы им дать существенные гарантии в сохранении языка, культуры, среды обитания и образа жизни. И именно Постановление Государственного Совета Республики Дагестан «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан» является тому препятствием¹. На наш взгляд, необходимо не только предусматривать гарантии предоставления прав коренным малочисленным народам на федеральном уровне, но также обеспечивать их реализацию в субъектах, а также предусмотреть механизмы предоставления коренным малочисленным народам возможности признания за ними соответствующего статуса путем внесения в соответствующий Единый перечень напрямую, а не через «посредника» в виде тех или иных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

За последние годы в Российской Федерации сформировались тысячи общественных объединений, созданных по этнокультурному признаку. По состоянию на 14 июля 2023 г. в реестре Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) значатся 1 268 национально-культурные автономии, в том числе 22 – федеральные, 289 – региональные, 957 – местные². Всего в этнокультурном секторе гражданского общества действуют более 10 тыс. некоммерческих организаций, зарегистрированных Минюстом России. Следует отметить, что согласно статье 1 Федерального закона «О

¹ Пашаева, Ш.Ю. История борьбы 16 малочисленных непредставленных коренных народов Дагестана за восстановление конституционных прав (период: 1959-2023) / Ш.Ю. Пашаева // Вестник науки и образования. – 2023. – № 3 (134). С. 14-15.

² ФАДН России: реестр НКА // <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/reestr-nka/> (дата обращения: 01.04.2024).

национально-культурной автономии»¹ национально-культурная автономия является видом общественного объединения и действует в организационно-правовой форме общественной организации. В законе особо подчеркивается, что национально-культурная автономия имеет экстерриториальный характер, и право на неё не следует воспринимать как право на национально-территориальное самоопределение. Это право ограничивается лишь культурными аспектами и не затрагивает вопросы территориальной автономии.

Академиком О. Е. Кутафин рассматривал этот институт как способ сохранить единство России, обеспечивая реальное самоуправление и учет региональных, включая национально-региональные, интересов².

В свою очередь, В.Е. Чиркин определял территориальное автономное образование как «часть территории государства, которая в соответствии с конституцией и законами государства наделена правом автономного самоуправления»³. И. А. Алебастрова исходит из того, что «национально-территориальная автономия является формой территориального самоопределения этнических общностей, что естественным образом предполагает установление правового статуса соответствующей территории»⁴.

Существует мнение, что национальные меньшинства, проживающие в определенных регионах, порой пытаются проводить политику исключения других этнических и социальных групп. Бывший Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали отметил, что если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет стремиться к государственности, это приведет к бесконечному дроблению, что сделает достижение мира, безопасности и

¹ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 01.04.2024).

² Кутафин О.Е. Российская автономия. М., 2006. С. 4.

³ Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М., 2011. С. 256.

⁴ Алебастрова И.А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // *Lex russica*. 2017. № 1. С. 39

экономического благополучия еще более трудным¹. Действительно, политика современных государств в отношении национальных меньшинств должна направляться на их интеграцию в правовую систему. В то же время, многоэтничность государства требует не смешения этнических групп среди других общностей или единой титульной нацией, что может явиться угрозой их существованию, а наоборот, учета их особенностей².

Национально-культурная автономия является относительно новой формой самоопределения, закреплённой в отечественной теории и практике. Она представляет собой организационную форму объединения граждан, которые идентифицируют себя с определенными этническими общностями, с целью решения вопросов, связанных с сохранением их культурной идентичности, развитием языка, образованием и культурой. О. Е. Кутафин отмечал, что национальным меньшинствам, проживающим в государстве в рассеянном виде или небольшими группами, может быть предоставлена национально-культурная автономия. Он выделял следующие основные принципы её функционирования: свобода волеизъявления граждан, относящих себя к той или иной этнической группе; добровольная самоорганизация и самоуправление этих групп; сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой; уважение языка, культуры, традиций и обычаев различных этнических групп в обществе³.

Национально-культурная автономия позволяет народам и меньшинствам, которые расселены по территории государства, сохранять и развивать свою уникальность и традиции, при этом не нарушая территориальной целостности государства. По этой причине многие полиэтнические государства принимают национально-культурную автономию как форму организации, которая помогает удовлетворить

¹ Повестка дня для мира / ООН. Нью-Йорк, 1992. С. 10.

² Савицкий Петр Иванович, Мочалов Артур Николаевич Два подхода к территориальной организации полиэтничного государства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №6. С. 46.

³ Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 703–753.

интересы и поддерживать развитие разрозненных групп, объединённых общим чувством принадлежности к одному народу¹.

Одним из основных – и гарантированных – прав коренных малочисленных народов и национально-культурных автономий, предоставленных им Конституцией РФ и федеральным законодательством, является право на сохранение и развитие своей самобытной культуры, в чей объем, в свою очередь, входит защита исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов. Полагаем, что каждое из этих правомочий является индивидуальным правом каждого из членов национально-культурной автономии или коренного малочисленного народа. Подтверждением данного утверждения служит важное Постановление Конституционного Суда, в котором отмечается, что требования о соблюдении мест традиционного проживания и деятельности представителей коренных малочисленных народов Севера направлены на сохранение их уникального образа жизни. Однако такие ограничения могут создать трудности для тех представителей малых народов, которые по разным причинам переехали в города и не могут постоянно поддерживать традиционный образ жизни, но при этом желают сохранить связь с родной землей и следовать предкам. Одной из таких форм связи является занятие традиционными промыслами и ремеслами, которые доступны и за пределами традиционных мест проживания коренных малочисленных народов Севера. Таким образом, жизнь вне этих территорий не означает разрыва с национальным наследием, как подчеркнул Конституционный Суд.

Исходя из логики Конституционного Суда, лицо, сменившее место проживания с традиционной исконной среды обитания на городскую среду, не лишается правомочий, которые принадлежат ему как представителю коренного малочисленного народа. Иными словами, отказ от одного из прав не влечет за собой отчуждение всех остальных прав в частности и статуса

¹ Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 242.

представителя коренного малочисленного народа в целом – что свидетельствует о том, что право на сохранение традиционного образа жизни является индивидуальным, но с присущим ему коллективным элементом.

В пользу тезиса о коллективном характере данных прав свидетельствует решение уже Верховного Суда Российской Федерации, который исключил из регламента Росрыболовства пункты, позволяющие чиновникам запрещать коренным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока рыбачить не по прописке. Чтобы легально пользоваться участком реки, озера или моря, по закону нужно получать разрешение и квоту. Но по регламенту ведомство дает добро на рыбалку только тем, кто зарегистрирован в том же районе, где и расположен нужный участок реки или морского побережья. Остальным рыбакам пришлось либо уходить в тень и удить рыбу на птичьих правах, либо отказаться от традиционного промысла, оставшись без пропитания и средств к существованию.

Сильнее всех пострадали кочевники, которые постоянно перемещаются и не живут в каком-то одном районе, а просто регистрируются в одном из населенных пунктов, расположенном на их маршруте. Также в настоящей правовой яме оказались общины, которые привыкли ловить разную рыбу в разных водоемах в зависимости от сезона. Например, как поясняют рыбаки, на Сахалине принято осенью рыбачить на реке, а зимой — в море. Хабаровская община сочла такое положение дел нарушением закона и решила через суд добиться отмены несправедливого регламента. Верховный Суд с истцами согласился¹.

Фактически Суд позволил представителям коренных малочисленных народов рыбачить в разных водоемах вне зависимости от решений органов местного самоуправления и государственной власти и при этом самостоятельно определять объем и способы добычи средств к существованию, получаемых из народных старинных промыслов.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации по делу № АКПИ21-807 от 30 ноября 2021 г. // URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11242332>

На практике реализация коллективных и индивидуальных прав часто сталкивается с проблемами, поскольку в современном мире признание прав меньшинств может вступать в конфликт с правами других групп, что ведет к социальным и межнациональным напряжениям. Как уже отмечалось, особенно остро стоит вопрос взаимоотношений национальных меньшинств с «титულными» нациями, а также отношения между федеральным центром и субъектами Федерации, что часто вызывает конфликты между государственными органами и органами местного самоуправления. Это подчеркивает важность исследования вопросов коллективных прав.

Недостаточная защита коллективных прав народов и национальных общностей, а также кризис международного права, как это проявляется в ситуациях вокруг Украины, Палестины и в межэтнических конфликтах Африки, ставит на повестку дня необходимость реформирования таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций и Совет Европы. Идея коллективных прав и коллективной реализации прав играет ключевую роль в формировании правового государства и гражданского общества. Развитие коллективных форм взаимодействия на уровне правотворчества и правоприменения усилит общественный контроль над государственным управлением и позволит дополнить государственно-властную правоприменительную практику, что будет способствовать более эффективной защите прав и свобод граждан.

Особое внимание следует уделить коллективным трудовым правам. По мнению Т.А. Зыкиной, «деятельность по реализации коллективных прав включает в себя две стороны данного процесса: организационную и исполнительскую. Организация действий связана с определением сущности применяемого коллективного права, выбором конкретных представителей и направлений реализации коллективного права»¹. Для реализации

¹ Зыкина Т.А. Коллективные права работников и проблемы их реализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289). С. 211С. (с. 211 – 218).

коллективного права на заключение коллективного договора можно, например, действовать через представителей работников, которые могут продлить существующий договор на определенный срок с внесением необходимых изменений или заключить новый. С одной стороны, тем самым проявляется активность работников и их представителей в реализации коллективных прав, а с другой стороны, проявляется с необходимостью соблюдать ограничения коллективных прав в интересах других субъектов, поскольку права наемных работников не являются абсолютными и должны учитывать свободу других людей. В соответствии с статьями 410 и 412 Трудового Кодекса РФ, при реализации конституционного права на забастовку (ст. 37) организаторы предупредительной забастовки обязаны обеспечить выполнение минимального объема работ на время забастовки.

Особенность коллективных трудовых прав, в отличие от индивидуальных, заключается в том, что они реализуются через действия представителей работников, что обеспечивает более эффективную защиту прав и содействует установлению партнерских отношений с работодателем. Это направлено на поиск компромисса, баланс интересов сторон в процессе выполнения трудовых обязанностей и разрешение возникающих коллективных конфликтов.

Коллективные права не существуют отдельно от индивидуальных, а тесно связаны с ними. Эти права взаимно дополняют друг друга, как и индивидуальная и коллективная форма реализации прав в целом. Реализация коллективных прав способствует полному осуществлению индивидуальных прав, и наоборот. Нарушение коллективного права часто влечет за собой нарушение соответствующих индивидуальных прав, что особенно важно в таких сферах, как трудовое право, социальное обеспечение, избирательное право и другие области законодательства. В этих случаях коллективная форма реализации прав не только дополняет, но и защищает индивидуальные права, обеспечивая их надлежащую реализацию.

Отдельно следует остановиться на конституционном праве на местное

самоуправление. В научной литературе не существует единого мнения относительно содержания права на местное самоуправление и права на его осуществление. Одни исследователи считают, что права местного самоуправления включают как права граждан, так и права органов местного самоуправления, осуществляемые от имени и в интересах граждан¹.

Другие придерживаются мнения, что «права местного самоуправления» представляют собой комплексное понятие, охватывающее права муниципальных образований как субъектов публичных и гражданских отношений, права органов и должностных лиц местного самоуправления, а также права граждан на участие в процессе местного самоуправления².

А.Р. Еремин права местного самоуправления рассматривает в триедином комплексе правомочий: право на местное самоуправление, право на осуществление местного самоуправления и право на участие в местном самоуправлении³. Н.С. Бондарь рассматривает комплекс прав на местное самоуправление как часть более сложной многоэлементной системы прав на участие в управлении делами государства⁴.

В ряде своих решений Конституционный Суд РФ подчеркивал, что местное самоуправление представляет собой обязательный элемент конституционного строя, и его наличие на территории государства не зависит от воли отдельных граждан или их коллективов⁵. Местное самоуправление учреждено общей волей народа и закреплено в Конституции РФ, в связи с чего право на местное самоуправление представляется некорректным считать

¹ Горохов Б.А. Судебная защита местного самоуправления // Местное право. 2001. № 1. С. 59–71.

² Сергеев А.А. Доступ к правосудию как гарантия прав местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 2. С. 36.

³ Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в РФ: конституционные вопросы. Саратов, 2003. С. 51, 58, 100–104.

⁴ Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004. С. 309–313.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области"». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021314/> (дата обращения: 11.03.2024).

субъективным, в отличие от права на осуществление местного самоуправления. В рамках настоящего исследования особенно важно то обстоятельство, что Конституционный Суд РФ считает местное самоуправление «коллективной формой реализации населением права на решение вопросов местного значения»¹. Коллективные права на местное самоуправление, в отличие от индивидуальных прав, принадлежат местному сообществу (населению), которое осуществляет свою деятельность в рамках муниципального образования и включают в себя право: а) принимать решения самостоятельно, б) участвовать в процессе принятия решений, в) реализовывать самоуправление через выборных представителей².

К коллективным правам относятся³:

1. Право населения на самоорганизацию и на признание городских, сельских поселений, других территорий в качестве муниципальных образований (часть 1 статьи 130 Конституции РФ, статья 12 Федерального закона № 131-ФЗ).

2. Право на самостоятельное осуществление населением власти через органы местного самоуправления (часть 2 статьи 3 Конституции, статьи 3, 35–39 Федерального закона № 131-ФЗ).

3. Право на самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления (часть 1 статьи 131 Конституции РФ; статья 34 Федерального закона № 131-ФЗ).

¹ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 1-3 город Санкт-Петербург URL: <https://rg.ru/documents/2020/03/17/ks-rf-popravki-dok.html> (дата обращения: 11.03.2024).

² Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в РФ: конституционные вопросы. Саратов, 2003. С. 60–62.

³ Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004. С. 326–327; Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в РФ: конституционные вопросы. Саратов, 2003. С. 60–62.

4. Право на проведение местного референдума как формы непосредственного осуществления местного самоуправления (часть 3 статьи 3 Конституции РФ, статья 22 Федерального закона № 131-ФЗ).

5. Право на муниципальные выборы, включая выборы депутатов, членов иных выборных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления (часть 3 статьи 3 Конституции РФ, статья 23 Федерального закона № 131-ФЗ).

6. Право на осуществление правотворческой инициативы (статья 25 Федерального закона № 131-ФЗ).

7. Право населения принимать решения по вопросам местного значения (часть 1 статьи 130 Конституции).

8. Право на самостоятельное осуществление охраны общественного порядка (часть 1 статьи 132 Конституции РФ, пункт 8 части 1 статьи 15, пункт 9 части 1 статьи 16, пункт 6 части 3 статьи 50 Федерального закона № 131-ФЗ).

9. Право на участие в принятии решений по вопросам установления и изменения границ муниципального образования (часть 2 статьи 131 Конституции РФ, часть 2 статьи 10, статьи 11, 12 Федерального закона № 131-ФЗ).

10. Право на разработку и принятие устава муниципального образования (пункт 1 части 1 статьи 17, пункт 1 части 3 статьи 28, пункт 1 части 10 статьи 35, пункт 1 части 1, часть 2 статьи 43, статья 44 Федерального закона № 131-ФЗ).

11. Право на судебную и иные формы государственной защиты местного самоуправления (статья 133 Конституции РФ, части 3 и 4 статьи 3, статья 19, часть 2 статьи 20, часть 3 статьи 21, часть 7 статьи 44, часть 3 статьи 73, часть 3 статьи 74, часть 6 статьи 75 Федерального закона № 131-ФЗ).

Коллективные права местного населения на самоуправление включают в себя множество прав, которые имеют важное значение для муниципальной демократии. Однако несмотря на то, что эти права принадлежат всему сообществу, их реализация невозможна без участия каждого гражданина.

Например, право местного населения на проведение референдума связано с правом каждого гражданина участвовать в этом референдуме.

В процессе реализации коллективных прав часто устанавливаются количественные требования, что обусловлено необходимостью поддержания определенного числа субъектов для осуществления соответствующих прав. Так, правотворческая инициатива местного населения представляет собой деятельность не одного субъекта, а является выражением воли определенного местным уставом или законодательством субъекта числа членов местного сообщества, поддержавших данную инициативу. Реализация этого права невозможна без согласования действий нескольких участников, что подтверждает невозможность реализации указанного права «в одиночку». Следовательно, для эффективного осуществления коллективного права на правотворческую инициативу требуется соответствующее количество участников, выражающих коллективную волю, что подтверждает несоизмеримость этого права с индивидуальными правами, осуществляемыми отдельно.

Таким образом, реализация коллективных прав представляет собой сложноорганизованный процесс, выражающийся в комплексе последовательно осуществляемых правовых действий коллективного субъекта в рамках его устойчивой деятельности, реализуемой им через органы управления и (или) институт представительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коллективные права представляют собой совокупность правомочий коллективного субъекта, осуществляемых совместно его участниками. На наш взгляд, институт коллективных прав необходимо институционализировать в целях всесторонней и полной гарантированности реализации прав личности. Для этого необходимо установить определение понятия «коллективных прав», под которыми следует понимать права, принадлежащие признанной государством общности, которая реализует их для защиты интересов самой общности и состоящих в ней индивидов, характеризующиеся обязательностью совместных действий для их реализации и их социальной значимостью. Коллективное право не является суммой индивидуальных прав лиц, входящих в коллектив. Важным представляется отметить, что термин «коллективные права личности», несмотря на кажущееся противоречие, подчеркивает неразрывную связь между интересами общности и каждого индивида, входящего в ее число, а также тех лиц, которые не являются ее частью, а следовательно, указанная категория не может ни нарушать индивидуальной концепции прав личности, ни противоречить существу либеральной теории прав, ни каким-либо образом противопоставляться ей.

Нарушение коллективного права означает нарушение прав общности в целом, а не только отдельных его индивидов, в связи с чем необходима обособленность данного института, его регламентация, институционализация и развитие как на федеральном, так и на региональном уровне – особенно в связи с тем, что подавляющее большинство коллективных прав реализуется в этнических правоотношениях.

Коллективные права являются таковыми, поскольку их объект неразрывно связан с интересами целых сообществ людей и носит коллективный характер, что отличает их от индивидуальных прав, ориентированных на интересы отдельного лица. Субъектом таких прав выступает общность, обладающая собственной правосубъектностью, которая

не сводится к простой сумме входящих в неё индивидов. Коллективные права направлены на обеспечение интересов группы как единого целого и выражают её социальную и культурную идентичность, что обуславливает их уникальность и ценность в рамках конституционного права.

Коллективные права являются неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации, поскольку они направлены на защиту интересов общности как единого целого. Эти права не только обеспечивают выполнение социальных и культурных потребностей конкретной общности, но и закрепляют её идентичность, позволяя ей сохранять особенности, отличающие её от других субъектов. В отличие от индивидуальных прав, которые защищают интересы отдельного человека, коллективные права предполагают участие в правовых отношениях целых сообществ, таких как этнические, религиозные, профессиональные и культурные общности.

В рамках конституционного права коллективные права имеют особое значение, так как они способствуют поддержанию социальной гармонии, обеспечению равенства и справедливости в отношениях между различными социальными и этническими группами. Их реализация помогает избежать дискриминации уязвимых групп и защищает от угроз, которые могут исходить от доминирующих групп в обществе. Коллективные права способствуют поддержанию многообразия и стабильности в государстве, обеспечивая каждому индивиду в рамках общности защиту его культурной, социальной и этнической идентичности и законных интересов.

Кроме того, коллективные права создают пространство для самовыражения и самоуправления коллективов, что соответствует принципам демократического устройства правового государства. В этом отношении коллективные права становятся важнейшим инструментом обеспечения социальной справедливости и устойчивости гражданского общества, делая его более инклюзивным и способным адаптироваться к внешним изменениям.

Взаимодействие индивидуальных и коллективных прав должно основываться на принципе гармоничного взаимодействия, а не

противопоставления, что является ключевым аспектом для функционирования правового государства и обеспечения социальной справедливости. Признание коллективных прав не должно означать угроза индивидуальным свободам. Индивидуальные права защищают личные свободы и интересы граждан, обеспечивая их автономию и возможность самореализации. В то время как коллективные права направлены на защиту интересов коллективных субъектов. Несмотря на различие в целях, эти два вида прав не должны рассматриваться как противоречащие друг другу. Напротив, они должны действовать в синергии, обеспечивая полноценное развитие как личности, так и общества в целом.

Приоритет индивидуальных прав остаётся ценностным ориентиром, однако современные реалии требуют также признания значения и коллективных прав, поскольку они способствуют укреплению социальной гармонии, солидарности и развитию гражданского общества.

В то же время природа коллективных прав такова, что их реализация редко влечёт угрозу для индивидуальных прав. Современное общество и правовая система располагают механизмами для разрешения потенциальных конфликтов между коллективными и индивидуальными интересами, обеспечивая баланс и предотвращая ситуации, в которых одно право могло бы негативно влиять на другое.

Анализ исторического развития концепции коллективных прав демонстрирует, что они возникали в неотрывной связи с индивидуалистическими концепциями национального права на фоне межгосударственных отношений – впервые коллективные права были официально закреплены именно на международно-правовом уровне, после чего они были восприняты социалистическими правовыми системами. Ключевой особенностью их развития также можно назвать противопоставление идей коллективизма и индивидуализма в работах видных ученых (философов и правоведов), что нередко получало бурные дискуссии в научной среде.

Анализ современного законодательства и теории конституционного права позволяет сделать общий вывод о несбалансированности в подходах к рассмотрению проблем коллективных прав, однако общей остается тенденция бессистемности и игнорирования проблем, связанных с закреплением, развитием, осуществлением и защитой коллективных прав личности. Фактически проблема коллективных прав исследуется только с точки зрения предоставления определенных совместных правомочий различным категориям меньшинств- этнических, культурных, языковых и т.д.

Современная законодательная регламентация сферы субъектного состава коллективных отношений и отдельных прав, относимых к коллективным, также не характеризуется системностью и согласованностью, что вызывает трудности как на практике, так и в законотворчестве. Конституция Российской Федерации и вовсе не содержит термина «коллективные права» или его аналогов.

Регулирование коллективных правоотношений должно основываться на принципах конституционного и международного права, отвечать современным требованиям, удовлетворять запросы общества и индивидов, а также учитывать существующие подходы социологических и правовых наук.

На наш взгляд, поиск современного подхода, отвечающего как требованиям российского, так и международного законодательства, позволит полноценно обеспечить гарантии реализации прав и свобод личности, определении ее места в системе государственных и общественных отношений, а также найти разумный баланс между коллективными и индивидуальными интересами. Только при соблюдении указанных критериев возможна полноценная реализация и неукоснительное соблюдение как индивидуальных, так и коллективных прав и свобод личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, N 237, 25.12.93
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.
3. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1930.
4. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // СЗ РФ. 17.06.1996, № 25. Ст. 2965.
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 29.09.1997. № 39, ст. 4465.
6. Федеральный закон от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2208.
7. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О политических партиях» // СЗ РФ. 16.07.2001. № 29. Ст. 2950.
8. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

10. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33.

11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 235, 10.12.1998

12. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. N 17.

13. Международный Пакт о гражданских и политических правах (Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН N 2200 A (XXI) от 16.12.66) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, N 12, 1994 год.

14. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года) / Действующее международное право: в 3 т. Т. 2, М.: МНИМП, 1996 г.

15. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Заключена в г. Страсбурге 01.02.1995) // Собрание законодательства РФ. 1999. N 11. Ст. 1256.

16. Африканская хартия прав человека и народов (Принята в г. Найроби 26.06.1981) // Международные акты о правах человека. Сб. документов. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ от 2000 г. № 14. Ст. 1493.

18. Постановление Государственного Совета Республики Дагестан «О коренных малочисленных народов Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 31.10.2000. №10.

Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 N 17-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об акцизах" // СПС Консультант-Плюс.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области"». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12021314/> (дата обращения: 11.03.2024).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2021 N 32-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" и части 1 статьи 19 Федерального закона "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389678/

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" // СПС Консультант-Плюс.

5. Решение Верховного Суда Российской Федерации по делу № АКПИ21-807 от 30 ноября 2021 г. // URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11242332>

6. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 1-3 город Санкт-Петербург URL: <https://rg.ru/documents/2020/03/17/ks-rf-popravki-dok.html> (дата обращения: 11.03.2024).

7. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023). — Опубликовано на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

Научная литература

1. Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: Права человека, 1996. 474 с.
2. Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовые основы). М. 1996. 359 с.
3. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М.: Юристъ, 2005. Т. 1. 719 с.
4. Алексеев А.А. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 2. М. 1982. 360 с.
5. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. 461 с.

6. Алексеев, С.С. Право: азбука, теория, философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 958 с.
7. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. Свердловск. 1972. 396 с.
8. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.
9. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев / СПб.: Издательство «Лань», 1999. 256 с.
10. Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1894. Т. 1. 680 с.
11. Архипов С.И. Субъект права. М., 2004. 469 с.
12. Барг М.А. Эпохи и идеи. М.: «Мысль», 1987. 353 с.
13. Бахрах Д.Н. Очерки теории российского права. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 288 с.
14. Бегунов Ю. К., Лукашев А. В., Пониделко А. В. 13 теорий демократии. СПб., 2002. 240 с.
15. Бердяев Н.А. Судьба России. В 2 т. М.: 1998. Т. 2. 736 с.
16. Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа. 1972. 160 с.
17. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004. 352 с.
18. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1950. 368 с.
19. Варламова Н. В., Пахоленко Н. Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997. 65 с.
20. Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: Монография. М.: ИГП РАН, 2024. 624 с.
21. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Ленинград: Изд. АН СССР, 1948. 839 с.

22. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. 320 с.
23. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3, Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
24. Гегель Г.Ф.В. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
25. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. 91 с.
26. Государство и право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости; под ред. Б.А. Стародубского [и др.]. М.: Высш. школа, 1977. 320 с.
27. Грабенский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. 800 с.
28. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 2. С. 529
29. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 12.
30. Дж.Ст. Милль О представительном правлении. Ч: Социум, 2006. 265 с.
31. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение. Учение о лице. СПб.: типография М. М. Стасюлевича., 1902. 568 с.
32. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 49-51.
33. Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в РФ: конституционные вопросы. Саратов, 2003. С. 60–62.
34. Ж.Ж. Руссо Об общественном договоре, или принципы политического права. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», 1998. С. 321.
35. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Понятия права и силы (опыт методологического анализа). М.: Русская книга, 1994. С. 24.
36. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 203-204.

37. Кант И. Основоположения метафизики нравов Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 203.
38. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: «Мысль», 1966. В 6 т. Т. 6. С. 274.
39. Кечекьян С.Ф. Международно-правовая защита национальных меньшинств. Баку, 1929. С. 40.
40. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 91.
41. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 2003. С. 131.
42. Конституционное право России. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2002. С. 119.
43. Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008. С. 12.
44. Критеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк, 1981. С. 4-10.
45. Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 703–753.
46. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 328-329.
47. Лафитский В. И. Основы конституционного строя США. М., 1998. С. 35.
48. Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. С. 279.
49. Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. Т. 1. М., 1961. С. 36.
50. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
51. Лосев А.Ф. История античной философии. М.: «Мысль», 1989. С.11-13.
52. Лорд Дж. Актон. Очерки становления свободы. Челябинск: Социум, 2016. 315 с.

53. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 120.
54. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2000. С. 297.
55. Малкова Н.А. Коллективные субъекты в российском праве: Учебное пособие. Самара: Издательство «Самарский Дом печати», 1999. С. 5.
56. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юристъ, 1999. С. 166.
57. Мамут Л.С. Комментарий к преамбуле Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: Комментарий / под общей ред. Б.Н. Топорнина. М., 1994. С. 56.
58. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право / под ред. В. Е. Гулиева и др. М., 1973. С. 516–517.
59. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 276.
60. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 237.
61. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003. С. 99.
62. Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006. С. 138.
63. Миронов О.О. Очерки государственного правозащитника. М., 2009. С.199-200.
64. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М. 1962. С. 42.
65. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М.: типография А.И. Мамонтова и К, 1883. С. 646.
66. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 40.
67. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 40—46; Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 27.

68. Общая социология / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М., 2005. С. 272.
69. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 314-315.
70. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 182.
71. Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб., 2002. С. 52-53.
72. Ориу М. Основы публичного права / Пер. под ред.: Челябинов Н. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. С. 33.
73. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 102.
74. Осипов Г.В. Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2003. С. 266-267.
75. Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 38-39.
76. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 23, 95, 98.
77. П. Бурдые Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 24-25.
78. Политическая наука: новые направления. М.: Вече. 1999. С. 471.
79. Права человека. / Ответ. ред. Е.А. Лукашева. М., 2001.
80. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права/ под ред. П. Карасевича. Ярославль, 1872. С.47.
81. Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 60.
82. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ. 1999. 532 с.
83. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М.: Педагогика, 1981. С. 29.

84. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1952. С. 205.
85. Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М., 1999. С. 5.
86. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной Ф.Н. Петрова (гл. ред.) и Л.С. Шаумяна. М., 1964. С. 307.
87. Советское государственное право / под ред. С.С. Кравчука. М. 1985. С. 18.
88. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 114–118.
89. Степанов И.М. Личность, общество и государство. М. 1966. С. 143.
90. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 30.
91. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2004. С. 322-323.
92. Сэндел М. Либерализм и пределы справедливости / Современный либерализм: Джон Ролз, Рональд Дворкин, Исаяя Бёрлин, Уил Кимлика, Майкл Дж. Сэндел, Джереми Уолдрон, Чарльз Тейлор. М.: Прогресс-Традиция: Дом интеллектуал. кн., 1998. С. 199.
93. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 9-10.
94. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. М., 1968. С. 537-547.
95. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 343.
96. Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 123.
97. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 297.
98. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 160-161.
99. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

100. Фарбер И.Е. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов. 1967. С. 59.
101. Фарбер И.Е. О применении норм советского социалистического права // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 19-20.
102. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967. С. 59.
103. Фромм Э. Искусство любить. СПб.: «Азбука», 2001. С. 21-22.
104. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992. С. 11-12.
105. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 311-312.
106. Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 242.
107. Хабриева, Т.Я. Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2019. С. 175–176.
108. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 143
109. Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. СПб., 1914. С. 126-127.
110. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М., 2011. С. 256.
111. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 117.
112. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969. С. 50
113. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2003. С. 12.

Научные статьи

1. Алебастрова И.А. Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект // Lex russica. 2017. № 1. С. 39.

2. Алешкова И.А., Дудко И.А. Коллективные права: актуальные аспекты теории и практики // Государство и право. 2017. № 6. С. 18.
3. Арутюнян А. Правило большинства против свободы или борьба меньшинства с меньшинством: кризис армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 26—27.
4. Бахрах Д. Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. №2. С. 122.
5. Бойцов В.Я. О государственно-правовом аспекте категории «народ» // Сборник ученых трудов. Вып. 1. Свердловск. 1970. С. 94-111.
6. Бойцов В.Я. О круге субъектов советского государственного права // Сб. науч. тр. Уфа, 1970. Вып. 1. С. 79-93.
7. Варламова, Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 157.
8. Васильева Т. А. Верхняя палата как орган представительства территориальных интересов // Народное представительство в современном мире. М., 2013. С. 70-71.
9. Вежбицки А. Этничность и права этнических меньшинств в конституционализме государств Центральной Азии // Проблемы конституционализма и его судебной защиты в государствах Восточной Европы. Варшава, 2014. С. 256-272.
10. Великая хартия вольностей (1215 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.
11. Галяутдинова А.С. Коллективный субъект финансового права: происхождение термина и содержание понятия // Налоги и налогообложения. 2012. № 7. С. 59.
12. Голубцов В. Г. Гражданско-правовой статус публичных субъектов в римском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 66-74.

13. Горохов Б.А. Судебная защита местного самоуправления // Местное право. 2001. № 1. С. 59–71.
14. Губенко Р.Г. Советский народ — субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 116.
15. Гутнер Г. Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. Рос.акад. наук, Ин-т философии. Москва, 2010. С. 100.
16. Дерябина Е.М. Изменение взглядов на права человека под воздействием процессов глобализации и регионализации // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. М., 2018. С. 41.
17. Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С. «Разобщенность близких душ»: социальная аномия территориальной общности в период социальных трансформаций // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 1. С. 88.
18. Дубровский Д. Индивидуальные и коллективные права: противоречия практики // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г. СПб., 2005. С. 22.
19. Завьялова, Н. Ю. Особенности правосубъектности социальных общностей, формируемых на основе общих духовных и культурных факторов / Н. Ю. Завьялова // Общество и право. 2021. № 4(78). С. 105.
20. Загладин Н. В. Проблемы демократии в современной политической мысли США // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 173.
21. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социс. 2010. № 4. С. 4.
22. Зыкина Т.А. Коллективные права работников и проблемы их реализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289). С. 211.

23. Зяблова Т.В. Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 184.
24. Ильяшевич М.В., Белоусова А.А. Международно-правовая защита национальных меньшинств и Лига Наций // Закон и право. 2018. № 11. С. 122.
25. Ирхин И. Дело «Дэниелс против Канады»: шаг к обеспечению конституционного равенства коренных народов // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 131-134.
26. Кабышев В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 105.
27. Катько Н.С. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 4. С.11.
28. Катько Н.С. Международная защита прав национальных меньшинств: исторический аспект // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 2. С. 10.
29. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. М.: Наука, 1992. № 1. С. 125.
30. Кимлика У. Права меньшинств выходят на международный уровень // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 17-41.
31. Ковалев А. А. Проблема «коллективных» прав народов в международном праве // Советский ежегодник международного права. М., 1986. С. 158.
32. Котленко Н.С. Проблема позитивной дискриминации сквозь опыт Соединённых Штатов Америки и России // Вопросы российской юстиции. 2019. С. 182.
33. Коток В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № I. С. 46.
34. Кравчук С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 102.

35. Кривоногова М.А. Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2010. С. 85-88.
36. Кряжков В.А. Законодательство об общинах коренных малочисленных народов Севера как развивающаяся система // Государство и право. 2015. № 11. С. 49-58.
37. Лапаева В. Российская философия права в свете актуальных задач политико-правовой практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2. С. 56.
38. Любимов Ю.С. Квасисубъектное образование в гражданском праве // Правоведение. 2000. № 6. С. 100.
39. Мельников С.А. Индивидуальная форма реализация права: понятие и виды // Юридическая гносеология. 2017. № 2. С. 21.
40. Мерекеева Л.К., Джаксыбаева Г.М. Общие тенденции конституционно-правового регулирования прав и свобод человека // Право и наука в современном мире. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. Р.В. Новиков, А.М. Бобров. М., 2018.
41. Михалёва Н. А. Проблемы федерализма и автономии в российской юриспруденции // Актуальные проблемы конституционного и муниципального права. М., 2012. С. 150-170.
42. Напалкова И.Г. Право и личность: концептуальные идеи философско-правового обоснования прав человека // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. №3. С. 14-15.
43. Нарутто С.В. Проблемы соотношения принципов самоопределения народов и территориальной целостности государства: международный и национальный аспекты // Материалы международной науч.-практич. конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ. М.: МГЮА, 2009. Т. 1. С. 160.
44. Нугаева Н.Г., Овчиникова Ю.С. Соблюдение прав национальных меньшинств: система гарантий в Статуте Лиги Наций // Ученые записки

Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, книга 2. С. 134.

45. Осипов А.Г. Международно-правовые аспекты культурной автономии // Право. 2012. № 3. С. 156.

46. Осятынский В. Парадоксы конституционного заимствования // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 60.

47. Савицкий П.И., Мочалов А.Н. Два подхода к территориальной организации полиэтнического государства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 46.

48. Самылов И. В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 25.

49. Сергеев А.А. Доступ к правосудию как гарантия прав местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 2. С. 36.

50. Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического многообразия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 94.

51. Ситникова Ю.В. Политические идеи Руссо и современность // Вестник Омского университета, 2006. № 1. С. 59-62, 61.

52. Смыслов М. Д. Определение меньшинства. Меньшинства и право на самоопределение // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 106.

53. Стукалова Ю. В. Античная и средневековая правовая мысль как этапы развития теории юридического лица // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7, № 25. С. 43.

54. Тимошук А.С. Этнос, идентичность, право // Сборник Материалов Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», посвященного 100-летию доктора исторических наук Фоата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольский педагогический институт (филиал) ТюмГУ. 2018.

55. Федосенко В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития // Юрист. 2002. № 10. С. 63.

56. Федосенко В.А. Особенности становления и обособления института коллективных прав // Актуальные проблемы государства и права. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14-15 апреля 2005 г. Новокузнецк: Изд-во НФИ КемГУ, 2005. С. 140.

57. Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе // Право и политика. 2001. № 4. С. 10.

58. Чиркин В.Е. Территориальный коллектив и власть народа // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 8.

59. Чиркин В.Е. Индивидуальные права, коллективные права и права, осуществляемые коллективно // Гражданин и право. 2011. № 3. С. 7.

60. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия в конституционном строе России: формы, конкурентная природа, избирательные права граждан // Гражданин, выборы, власть. 2013. № 1. С. 6.

61. Шавцова А.В. Коллективные права и свободы человека // Белорусская юридическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. Минск, 2009. С. 49-50.

62. Шахновская И.В. Коллективные субъекты конституционного права как социальные общности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2015. №14. С. 140.

63. Южанин М.А. «Коллективные права» этнических общностей: анализ социально-правовой концепции // «Мир» (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 3 (7). С. 105-110.

Авторефераты диссертаций и диссертационные исследования

1. Архипов, С.И. Субъект права (Теоретическое исследование): дисс. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 23.
2. Баженова О.И. Категория юридического лица в конституционном праве: обоснование и проблемы применения: дисс. ... д.ю.н. М., 2023. С. 131.
3. Бемянская О.В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003. С. 42.
4. Зайцева Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод граждан. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 44.
5. Еременко Ю.П. Нормы советских конституций: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 1968. С. 9.
6. Костин А.В. Особенности Российской Федерации, федеральных и муниципальных образований как субъектов гражданского права: дис.... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.
7. Краснояружский С.Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе. Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1990. С. 8.
8. Медная Ю.В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 8–9.
9. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование. Теоретико-правовой анализ: автореф. дис.... д.ю.н. Екатеринбург, 2009. С. 9.
10. Основин В.С. Советские государственно-правовые нормы и отношения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1965. С. 21.
11. Ромашко Е.А. Государственные органы со статусом юридического лица как особые субъекты конституционно-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. С. 10.
12. Судницин Ю.Г. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы (опыт

сравнительного государственно-правового исследования). Дисс. ... д.ю.н. Свердловск. 1967. С. 103-104.

13. Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование: автореф. дис... д.ю.н. Казань, 2006. С. 11.

Литература на иностранных языках

1. Allen Buchanan. 'The Role of Collective Rights in the Theory of Indigenous Peoples' Rights'. *Transnational Law & Contemporary Problems* 3 (1993). P. 94.
2. Antonio Cassese. *Self-determination of peoples: a legal reappraisal*, 1995. P. 51-52.
3. Austin J. *The province of Jurisprudence determined*. - London: The Library of ideas, 1965. P. 139, 166.
4. Baka, Andras B. "The European Convention on Human Rights and the Protection of Minorities Under International Law". *Connecticut Journal of International Law* 8 (Spring 1993). P. 228.
5. Bauböck Rainer. 'Liberal Justifications for Ethnic Group Rights'. Christian Joppke and Steven Lukes (eds.), *Multicultural Questions* (Oxford University Press), 1999. P. 20.
6. Benediktez T. *The Worlds Modern Autonomy Systems. Concepts and Experiences of Regional Territorial Autonomy*. Bozen/Bolzano. 2009. P. 28.
7. Bentham J. *Of Laws in general* / Ed. H.L.A. Hart. - London, 1970. - Ch. I. § 1.
8. Brunner G., Kupper H. *European Options of Autonomy // Minority Governance in Europe* / ed. by K. Gal. Budapest, 2002. P. 26—28.
9. Cairns J.W. *Blackstone, an English institutist: legal literature and the rise of the nation state* // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1984. Vol. 4. N 3. P. 346.
10. Capotorti F. *Study on the rights of persons, belonging to ethnic, religious and linguistic minorities* // *Human Rights* 1991. № 5. P. 26.

11. Chaszar E. The International problem of national minorities. Matthias Corvinus Publishing. Toronto — Buffalo, 1999. P. 60.
12. Cotterrell R. Classical social theory and ideas of responsibility and the state in France and Germany // *Comparative Law Review*. 2013. № 15. P. 42-43.
13. Francois Rigaux. The Algiers Declaration of the rights of peoples. UN law/fundamental rights: Two topics in international law, 1979. P. 211.
14. Gierke Otto. Das Deutsche Genossenschaftsrecht. Gale, Making of Modern Law, 2013.
15. Hannum H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights. Philadelphia. 1996. P. 8
16. Holder C. L., Jeff J. Cornassel. Indigenous Peoples and Multicultural Citizenship: Bridging Collective and Individual Rights // *Human Rights Quarterly* 24. 2002. P. 132.
17. Jack Donnelly. Universal human rights in theory and practice, 2013. P. 40-54; James A. Graff. Human Rights, Peoples, and the Right to Self-Determination. Group rights, 1994. P. 186.
18. J. Raz. The Morality of freedom. Oxford, Clarendon. 1986. Pp 174, 190, 194, 207-209, 288-289.
19. Ludwikowski, Rett R. "Fundamental Constitutional Rights in the New Constitutions of Eastern and Central Europe". *Cardozo Journal of International and Comparative Law* 3 (Spring 1995). P. 89.
20. Marlies Galenkamp. Individualism versus collectivism: the concept of collective rights, 1993. PP. 20-25, 64-73, 77-100.
21. McDonald Michael. Should Communities Have Rights? Reflections on Liberal Individualism. *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, vol. 2, 1991. P. 218-219; 22, 327.
22. Michael Freeman, Are There Collective Human Rights? *Policy Studies*, 1995. P. 25.
23. Miodrag A. Jovanović. Collective rights: a legal theory. Cambridge University Press, 2012. P. 324.

24. Mitnick Eric J. Rights. Groups, and Self-Invention (Group-Differentiated Rights in Liberal Theory). Aldershot: Ashgate, 2016. P. 134.
25. Nozick, R. Philosophical Explanations / R. Nozick. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 1981. P. 498-504.
26. Potier T. Autonomy in the 21-th Century: Through Theoretical Binoculars // Paper prepared for the Commission on Human Rights. 7th Session. 14—18 May 2001
27. Reaume Denise G. The Group Right to Linguistic Security: Whose Rights, What Duties (1994). Group Rights, Judith Baker, ed., University of Toronto Press, 1994. P. 120.
28. Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1982. 199 p.
29. Sir William Blackstone. Commentaries on the Laws of England in Four Books, vol. 1, Book the First // Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1893. P. 293.
30. Stone, Julius. Regional Guarantees of Minority Rights. New York: MacMillan Co., 1993. ix.
31. Straumann B. Is Modern Liberty Ancient? Roman Remedies and Natural Rights in Hugo Grotius's Early Works on Natural Law // Law and History Review. 2009. Vol. 27. № 1. P. 60
32. Symonides, Janusz. "A Protective Framework." UNESCO Courier, June 1993. P. 44.
33. Theo van Boven. The relation between peoples' rights and human rights in the African charter. Human Rights, 1986. P. 183.
34. Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / ed. by C. Swinarski. Hague, 1984. P. 839.
35. William F. Felice. The case for collective human rights: the reality of group suffering. Ethics & International Affairs, 1996. P. 47.